

Как цитировать: Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. EDN: UBBTJU. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0841-3_1 – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

For citation: Digital Technologies and Law: collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference (Kazan, 2024, September 20) / I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova (Eds.). In 6 vol. Vol. 1. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2024. EDN: UBBTJU. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0841-3_1 – 1 CD-ROM. – Title from the title screen. – Text: electronic.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов
III Международной научно-практической конференции

20 сентября 2024 г.

г. Казань

В шести томах

Том 1

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

Collection of scientific articles
of the III International Scientific and Practical Conference

2023, September 22

Kazan

In 6 volumes

Volume 1

УДК 004:34(063)
ББК 67с51я43
Ц75

Издается по решению редакционно-издательского совета
Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Рецензенты:

А. К. Жарова, доктор юридических наук, доцент, директор Центра исследований киберпространства, ассоциированный член Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

К. А. Пономарева, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Высшей школы правоведения Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Е. А. Русскевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина;

К. Л. Томашевский, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета по научной работе, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Ю. С. Харитонова, доктор юридических наук, профессор, руководитель Центра правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Ц75 Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции (г. Казань, 20 сентября 2024 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2024. EDN: UBBTJU. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0841-3_1 – 1 CD-ROM. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.

Системные требования: операционные системы Linux, Windows; 120 Мб; 16 Мб; PDF Reader; дисковод CD-ROM, мышь

ISBN 978-5-8399-0859-8

ISBN 978-5-8399-0841-3 (Том 1)

Вошедшие в сборник научные труды приурочены к III Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право», состоявшейся 20 сентября 2024 г. в Казани в рамках Международного форума Kazan Digital Week 2024, организованного Правительством Российской Федерации совместно с Кабинетом Министров Республики Татарстан.

На конференции обсуждался широкий спектр теоретико-методологических, практико-ориентированных, междисциплинарных и отраслевых вопросов, касающихся приоритетов развития правового регулирования цифровых технологий, нормативного контроля над цифровой средой, перспектив влияния права на формирование и развитие новых общественных отношений.

Научные труды представленного тома систематизированы по современным трендам развития цифровых технологий в системе теоретико-исторических правовых наук и публично-правовых (государственно-правовых) отношений.

Нашедшие отражение в многотомном издании идеи и предложения в своей совокупности являются ключом к пониманию интеллектуальной карты смыслов, которые будут интересны ученым-правоведам и экспертам в области цифровых технологий, практикующим юристам, представителям правотворческих и правоприменительных органов, государственным служащим и участникам реального сектора экономики, включая разработчиков и производителей продуктов на основе достижений цифровых технологий, молодым исследователям-студентам, магистрантам и аспирантам, всем интересующимся вопросами взаимовлияния цифровых технологий и права.

УДК 004:34(063)
ББК 67с51я43

ISBN 978-5-8399-0859-8

ISBN 978-5-8399-0841-3 (Vol. 1)

© Авторы статей, 2024

© Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова, 2024

Научное издание

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРАВО

Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции

20 сентября 2024 г.
г. Казань

В шести томах
Том 1

Под редакцией И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой

Электронное издание

Главный редактор Г. Я. Дарчинова; редакторы: Г. А. Тарасова, Е. А. Маннапова;
технические редакторы: О. А. Аймурзаева, С. Р. Каримова; дизайн обложки: Г. И. Загреддинова

Дата подписания к использованию: 13.12.2024. Объем издания 5,5 Мб. Тираж 11 экз. Заказ № 8/2024.
ISBN 978-5-8399-0841-3

Издательство Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова
420111, г. Казань, ул. Московская, 42 Тел. (843) 231-92-90, E-mail: zaharova@ieml.ru

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

*Published by the decision of the Editorial-Publishing Board
of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov*

Reviewers:

A. K. Zharova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Center for Cyberspace Research, Associate Member of the International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair in Copyright, Related, Cultural and Information Rights” of the National Research University Higher School of Economics;

K. A. Ponomareva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher of Centre for Taxation Policy of Scientific-research Institute of the Russian Ministry of Finance, Professor of the Department of Legal Provision of Market Economy, Higher School of Legal Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

E. A. Russkevich, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin;

K. L. Tomashevsky, Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean of the Faculty of Law for Research, Professor of the Department of Civil and Business Law of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov;

Yu. S. Kharitonova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy, Professor of the Department of Business Law at Lomonosov Moscow State University

Digital Technologies and Law: collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference (Kazan, 2024, September 20) / I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova (Eds.). In 6 vol. Vol. 3. – Kazan: Poznaniye Publishers of Kazan Innovative University, 2024. EDN: UBBTJU. http://dx.doi.org/10.21202/978-5-8399-0841-3_1 – 1 CD-ROM. – Title from the title screen. – Text: electronic.

ISBN 978-5-8399-0859-8

ISBN 978-5-8399-0841-3 (Vol. 1)

System requirements: Linux, Windows operation systems; 120 Mb; 16 Mb; PDF Reader; CD-ROM, mouse

The scientific works included in this collection are timed to coincide with the III International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law”, held on September 20, 2024 in Kazan as part of the International Forum “Kazan Digital Week 2024”, organized by the Government of the Russian Federation jointly with the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan.

The conference discussed a wide range of theoretical, methodological, practice-oriented, interdisciplinary and sectoral issues related to the development priorities of legal regulation in the sphere of digital technologies, regulatory control over the digital environment, prospects for the influence of law on the formation and development of new public relations.

The scientific works in this volume are systematized according to modern trends in the development of digital technologies within the system of theoretical and historical legal sciences and public legal (state-legal) relations.

Taken together, the ideas and proposals reflected in this multi-volume publication are the key to understanding the intellectual map of meanings that will be of interest to legal scholars and experts in the field of digital technologies; practicing lawyers; representatives of law-making and law enforcement agencies; civil servants and participants in the real sector of the economy, including developers and manufacturers of products based on digital technologies; to young researchers: undergraduates, graduates, and postgraduates; to all those interested in the mutual influence of digital technologies and law.

UDC 004:34(063)
LBC 67c51я43

ISBN 978-5-8399-0859-8

ISBN 978-5-8399-0841-3 (Vol. 1)

© Authors of articles, 2024
© Kazan Innovative University
named after V. G. Timiryasov, 2024

Scientific publication

DIGITAL TECHNOLOGIES AND LAW

Collection of scientific papers of the III International Scientific and Practical Conference

2024 September 20
Kazan

In 6 volumes

Volume 1

I. R. Begishev, E. A. Gromova, M. V. Zaloilo, I. A. Filipova, A. A. Shutova (Eds.)

Electronic publication

Editor-in-Chief *G. Ya. Darchinova*; Editors *G. A. Tarasova, E. A. Mannapova*;
Technical Editors *O. A. Aimurzaeva, S. A. Karimova*; Cover designer *G. I. Zagretdinova*

Date of signing for usage: 13.12.2024. Volume of the publication 5.5 Mb. Number of copies: 11. Order No. 8/2024.
ISBN 978-5-8399-0841-3

Poznaniye Publishing House of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov
42 Moskovskaya Str., 420111 Kazan, Russian Federation; Tel. +7 (843) 231-92-90; E-mail: zaharova@ieml.ru

Редакторы:

И. Р. Бегиев, доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова;

Е. А. Громова, доктор юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института по международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета);

М. В. Залоило, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации;

И. А. Филипова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

А. А. Шутова, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института цифровых технологий и права, доцент кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

Editors:

I. R. Begishev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, Chief Researcher of the Research Institute of Digital Technologies and Law, Professor of the Department of Criminal Law and Process of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov;

E. A. Gromova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Director on international activity of the Institute of Law, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, South Ural State University (national research university);

M. V. Zaloilo, Cand. Sci. (Law), leading researcher at the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation;

I. A. Filipova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor and Environmental Law of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky;

A. A. Shutova, Cand. Sci. (Law), senior researcher at the Research Institute of Digital Technologies and Law, associate professor of the department of criminal law and process of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НАУК

Адыгезалова Г. Э. ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НАУК ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	10
Гаврилов А. А. ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ФОРМ ПРАВА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	14
Ельчанинова О. Ю. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ВЫЗОВЫ	17
Иллюк П. А. БАЗЫ ДАННЫХ В ИНДОНЕЗИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	21
Ладенков Н. Е. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	26
Лонская С. В. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ ЦИФРОВОГО ИСТОРИКА ПРАВА	31
Мамычев А. Ю. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	34
Пузилов Р. В. ПОНЯТИЕ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ И ПРАВОВЫХ НОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД.....	38
Скоробогатов А. В. ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ	45
Кононов В. С. ТЕОРИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ	52
Тишаков М. П. ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ОПЫТА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ	65
Чиквин А. Б. ПРЕДИКТИВНАЯ АНАЛИТИКА В ПРАВОСУДИИ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ	69

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ) ОТНОШЕНИЙ

Басангов Д. А. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	76
Биккинин И. А. МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)	84
Бойко Н. Н. РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСОВ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	88

Брянцев И. И., Брянцева О. В. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ: ОБЩИЕ ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА.....	92
Бурангулов Э. Р. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	100
Бутримов В. С., Дудченко О. С. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА РАСЧЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	102
Габович А. А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ	106
Гаврилов Е. В. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕЖИМА СТАЦИОНАРНЫХ, ПЕРЕДВИЖНЫХ И МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	108
Гуркина М. В. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА	113
Данакари Р. Р. ЕДИНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА В СФЕРЕ ЗАКУПОК: ЭФФЕКТИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	116
Даниелян А. С. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	121
Дискин Е. И. МЕЖДУ ПРИВАТНОСТЬЮ, СУВЕРЕНИТЕТОМ И ЦЕНЗУРОЙ – ПОСЛЕДСТВИЯ АРЕСТА ДУРОВА	126
Зуев С. В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЭФФЕКТ ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ	130
Казанцев Д. А. САЖАТЬ ЛИ РОБОТОВ В ТЮРЬМУ? К ВОПРОСУ О ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	135
Калинин Г. И., Калинина Л. Е. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	140
Кандыбо О. М. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПАРЛАМЕНТА	145
Ковалишина К. В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»	149
Куликова О. Н. ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	151
Малиненко Э. В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК АСПЕКТ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	155
Мальцев И. В. ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕРБОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЦИФРОВЫХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ..	159
Орлова А. Н. ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ.....	167
Парфентьева А. Е. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ	180

Сабанина Н. О., Попов С. А. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА ГРАЖДАН К ПРАВОСУДИЮ В УСЛОВИЯХ ПРОДОЛЖАЮЩЕГОСЯ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ	187
Савицкая О. Г. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТКРЫТОСТИ И ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (ОПЫТ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....	195
Саляхутдинов В. Ф. ПРАВОВАЯ БАЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНР В ИНТЕРНЕТЕ	207
Ситников М. С. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ПРИЧИНА РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ МЕТАВСЕЛЕННЫХ	209
Соловьев П. В. ЭЛЕКТРОННЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА, ЭЛЕКТРОННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРГАН КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	214
Чеботарева А. А. СУВЕРЕНИТЕТ В ЦИФРОВОМ МИРЕ – НОВЫЕ ЛИ ВЫЗОВЫ?	218
Чуркин В. Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИОННЫХ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ.....	221
Шаймуллин Р. К. БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА.....	229
Шахновская И. В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА	234
Юнусова Р. С., Данилова А. Н. ЦИФРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН.....	239
Яковлев М. В. ОТСЛЕЖИВАНИЕ В ИНТЕРНЕТЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН	243

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НАУК

Г. Э. Адыгезалова,
доктор юридических наук,
Кубанский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРАВОВЫХ НАУК ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые тенденции развития теоретических правовых наук в условиях цифровизации и внедрения новых цифровых технологий. Как и любые достижения научно-технического прогресса, данные технологии могут стать инструментом для дальнейшего правового развития, но они способны оказывать и деструктивное воздействие на правовую систему, допуская нарушение устоявшихся правовых принципов, характеризующих правовое государство. Вопрос о достижении баланса частного, государственного и социального интересов приобретает новые черты и требует переосмысления. При этом можно наблюдать отсутствие планомерного, последовательного, связанного развития юридической науки, образования и практики.

Ключевые слова: правовая аналитика, юридическая практика, юридическое образование, правовая терминология, теория государства и права, юридическая конфликтология, социология права

TRANSFORMATION OF THEORETICAL LEGAL SCIENCES UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES: PROBLEM STATEMENT

Abstract. The article examines some trends in the development of theoretical legal sciences in the context of digitalization and the introduction of new digital technologies. Like any achievements of scientific and technological progress, these technologies can become a tool for further legal development, but they can also have a destructive effect on the legal system, allowing violation of established legal principles characterizing the rule of law. The issue of achieving a balance of private, public and social interests is acquiring new features and requires rethinking. At the same time, one can observe the absence of a systematic, consistent, connected development of legal science, education and practice.

Keywords: legal analytics, legal practice, legal education, legal terminology, theory of state and law, legal conflictology, sociology of law

Введение. Актуальность исследований, посвященных трансформации системы и содержания юридических наук, связана с динамичными процессами развития общества и государства в условиях цифровизации. Технологическая гонка, внедрение информационно-коммуникационных технологий, а также технологий

искусственного интеллекта в юридическую практику заставляют вводить в научный оборот новые понятия. Например, если раньше государствоведы и правоведы размышляли над государственным суверенитетом, раскрывая историю его формирования и раскрытия в памятниках права и в политико-правовых учениях прошлого, совмещая с анализом народного и национального суверенитета, то сегодня уже научные исследования сосредоточены на проблеме технологического, цифрового суверенитета. Цель настоящей статьи состоит в выделении некоторых направлений трансформации теоретических правовых наук под влиянием цифровых технологий, опираясь на логические методы, методы наблюдения и анализа правовых документов и иные научные методы исследования.

Основная часть. На протяжении всей истории познания человеком окружающего мира и накопления знаний мыслители пытались сформулировать свои критерии для классификации знания, научного знания, наук. В качестве критериев назывались цель, способности человека, объект и предмет исследования, методы исследования, характер исследования и др. [5. С. 60–64].

Два основных объекта исследования – Мир природы и Мир Человека – позволяют все науки разделить на две большие группы: естественные и социальные. Юридические науки, исследующие закономерности возникновения, развития, функционирования государственно-правовых явлений и процессов, традиционно относятся к социальным наукам. Их можно разделить на три большие группы, руководствуясь критериями предмета и методологии науки. Это теоретико-исторические, отраслевые и специальные.

В условиях перехода государства на новые политические и экономические рельсы в конце XX века началось установление и нового правопорядка. В этот период утверждается широкий подход к праву в различных интерпретациях (вместо узконормативного подхода), в рамках которых пересматриваются многие правовые явления и процессы, акценты смещаются в сторону социального аспекта этих элементов, взаимодействия права и общества, построения правового государства. Результатом становится развитие отечественной социологии права, которая формировалась западными школами права с XIX в.

Особый вклад в становление социологии права как науки был сделан Е. Эрлихом и Ж. Гурвичем, которые поставили под сомнение монополию государства в создании правовых норм. Е. Эрлих наряду с позитивным правом призвал признать «живое право» [14], Ж. Гурвич – «социальное право» [15]. Социолого-правовые идеи российских авторов (Н. М. Коркунова, С. А. Муромцева, Л. И. Петражицкого, Б. А. Кистяковского) не получили широкого распространения в советский период, несмотря на то, что новая власть, утверждавшая в качестве источника права революционное правосознание, опиралась на идеи основоположника теории солидаризма Л. Дюги. Потребность в обращении к праву как к социальному институту была обусловлена необходимостью укрепления права посредством установления доверия общества к государству. Для эффективного правообразования и правореализации требовалось тесное взаимодействие общества и государства, способное обеспечить психологическое согласие, признания социумом действующего права. В условиях построения правового государства с демократическим политическим режимом путь принуждения и слепого подчинения общества государственной власти и санкционируемому ею праву был невозможен.

С конца XX в. плеяда российских правоведов и социологов, участвуя в научном дискурсе, публикует учебные и научные издания по социологии права. Среди авторов В. А. Глазырин, В. В. Лапаева, Д. А. Керимов, Э. В. Тадевосян, В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук, Ю. И. Гревцов, В. В. Касьянов, В. В. Момотов, В. Н. Нечипуренко и др. Социология права наряду с теорией права и философией права занимает место в ряду теоретико-исторических правовых наук, но в отличие от них она прямо обращена к социальной реальности, ориентирована на познание проблем социально-правовой жизни в настоящем. Эмпирические исследования здесь занимают широкое пространство, обеспечивая теоретико-историческим правовым наукам непосредственную связь с практикой.

Следующим этапом становится выделение из социологии права юридической конфликтологии, центральное место в которой занимают исследования сущности юридического конфликта и способов его предупреждения, разрешения, прекращения. Соответственно появляются научные работы и учебные пособия по юридической конфликтологии (например, В. Н. Кудрявцева, Т. В. Худойкиной, Г. Э. Адыгезаловой) [3, 10, 11, 12, 13], юридическому прогнозированию (например, К. В. Агамирова) [1, 2], правовой аналитике (например, В. Б. Исакова, Г. Э. Адыгезаловой) [4, 6].

Если потребность в развитии юридической конфликтологии и юридического прогнозирования вызвана необходимостью упорядочения и повышения эффективности процессов правотворчества в условиях расширения области правового регулирования, динамики социальных процессов, то появление правовой аналитики прежде всего обусловлено внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества, а также в правовое пространство, гонкой в развитии и внедрении технологий искусственного интеллекта.

Глубокого изучения требует влияние новых технологий на закономерности развития правовой системы. В настоящее время стоит вопрос о роли этих технологий в процессе правового регулирования. Важно определить пределы использования их в правотворчестве, правоприменении и других формах реализации права. Еще одной проблемой становится обеспечение баланса государственных, общественных и частных интересов, определение границ прав и свобод человека, признанных в ст. 2 Конституции РФ высшей ценностью, а также прав и свобод гражданина, которые определяют, согласно ст. 18 Конституции РФ, «смысл, содержание и применение законов...» Правовая аналитика как наука, выполняющая помимо прочих предиктивную функцию, призвана исследовать особенности правовой квалификации, осуществляемой человеком, соотношение машинного и человеческого мышления в юридической деятельности, определить правила и границы внедрения цифровых технологий в различные сферы юридической деятельности, проанализировать плюсы и минусы такого внедрения.

Помимо того, что происходит трансформация системы теоретико-исторических правовых наук, нельзя не обратить внимания на появление новой терминологии в юриспруденции, что также связано с развитием цифровых технологий.

Исходя из позиции диалектического материализма и понимания чувственного и рационального познания как единого процесса, В. И. Ленин обозначил: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков

диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» [8. С. 152–153].

В научный оборот вводятся такие понятия, как цифровые права [9], автоматизация права и машиночитаемое право [7] и др. Эти понятия уже отразились в нормативно-правовом материале, в ряде научных работ, однако в учебных изданиях по теории государства и права новая система правовых понятий и категорий чаще всего полно не представлена, что вносит неопределенность в образовательный процесс, не позволяет современным юристам в процессе обучения связать новые понятия с уже давно сложившимися и устоявшимися в науке и практике.

Заключение. Итак, трансформация теоретических правовых наук под влиянием цифровых технологий проходит следующим образом. Во-первых, новые научные дисциплины формируются каждая со своей областью исследований, направленные не только на изучение новых закономерностей в развитии государственных и правовых явлений (таких как юридические конфликты, примирительные процедуры и др.) и государственно-правовых процессов (например, правовой анализ, правовое прогнозирование, правовая квалификация и др.), но и на разработку предложений для практики. Во-вторых, изменение юридической терминологии, что заставляет пересматривать содержание уже известных терминов и формулировать новые, создавая понятийный аппарат юридической науки.

Современное состояние теоретических правовых наук заставляет обратить внимание на следующие проблемы: множественность и разрозненность научных исследований; отставание научных изысканий от потребностей юридической практики; асинхронность юридической науки и юридического образования, юридического образования и юридической практики; ориентация науки, практики и образования на оперативное решение текущих социально-правовых задач.

Список литературы

1. Агамиров К. В. Правореализация и прогнозирование правового поведения. Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2016. 352 с.
2. Агамиров К. В. Прогнозирование правовых рисков: В 2 т. Москва: Компания КноРус, 2018. 331 с.
3. Адыгезалова Г. Э. Основы юридической конфликтологии и социологии права. Москва – Берлин: ООО «Директмедиа Паблишинг», 2020. 661 с.
4. Адыгезалова Г. Э. Правовая аналитика. Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 464 с.
5. Денисова Л. В. Систематика знания и модели классификации наук / Л. В. Денисова // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1(44). С. 60–64.
6. Исаков В. Б. Правовая аналитика: учеб. пособие для студ. старших курсов и слушателей магистратуры. 4-е изд. Москва: НИУ ВШЭ, 2014. 252 с.
7. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491 (дата обращения: 01.09.2024).

8. Ленин В. И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. Том 29. 5-е изд. Москва: Изд-во политической литературы, 1969. С. 152–153.

9. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652 (дата обращения: 01.09.2024).

10. Худойкина Т. В. Основы юридической конфликтологии. Саранск, 2002. 70 с.

11. Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. Москва, 1995. 316 с.

12. Юридический конфликт: процедуры разрешения / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. Москва, 1995. С. 159.

13. Юридический конфликт: сферы и механизмы / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. Москва, 1994. С. 172.

14. Ehrlich Eugen. *Grundlegung der Soziologie des Rechts*. Munich and Leipzig: Duncker and Humblot. 1913. 409 p. URL:

<https://archive.org/details/grundlegungderso00ehrl/page/n9/mode/2up> (дата обращения: 01.09.2024).

15. Gurvitch Georges. *Sociology of Law*. With a preface by Roscoe Pound. New York: Philosophical Library and Alliance Book Corporation, 1942. Pp. xxii, 309.

А. А. Гаврилов,
аспирант,

Курский государственный университет

ПРОЦЕСС ТРАНСФОРМАЦИИ ФОРМ ПРАВА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения процесса трансформации форм права под воздействием цифровых технологий. Анализируются проблемные вопросы современного состояния права и его взаимодействия с «цифрой». Обращается внимание на преимущества и недостатки, связанные с применением цифровых технологий в правовой сфере. Делаются прогнозы относительно дальнейшего видоизменения права и правовой культуры в условиях цифровизации как неотъемлемой части современного общества.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, цифровизация, государство, общество, правовая культура, правоприменение, правопорядок

THE PROCESS OF TRANSFORMATION OF FORMS OF LAW UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract. The article attempts to consider the process of transformation of forms of law under the influence of digital technologies. The problematic issues of the current state of law and its interaction with the "digital" are analyzed. Attention is drawn to the

advantages and disadvantages associated with the use of digital technologies in the legal field. Forecasts are made regarding the further modification of law and legal culture in the context of digitalization as an integral part of modern society.

Keywords: law, digital technologies, digitalization, state, society, legal culture, law enforcement, legal order

Введение. Применение цифровых технологий стало неотъемлемой частью жизни современного общества практически на всех его уровнях.

Основная часть. Цифровое общество порождает как новые возможности, так и рискованные действия в современном пространстве. «Цифра» приобретает статус основного вектора и является чуть ли не главным показателем уровня развития того или иного общества. В этом отношении правовая культура наделяется особым смыслом и определяет новые задачи и цели для функционирования нового глобального мира. Безусловно, цифровая трансформация «приводит к структурным изменениям системы права» [5, 6], и абсолютно очевидно, что на сегодняшний день право находится на пороге перемен как под влиянием информационных технологий, так и отдельных его продуктов. Кроме того, уже сегодня отчетливо проявляется разрыв между устоявшимися нормативно-правовыми актами и цифровыми технологиями, что, в свою очередь, приводит к принципиально новым компетенциям или к их усовершенствованию в профессиональных сообществах. Как отмечает Р. В. Амелин, «урегулировать на уровне закона, или подзаконного акта, или даже технического задания все случаи, выходящие за рамки обычных, очень затруднительно, а порой и невозможно» [1. С. 201]. Отсюда возникает необходимость выявления тенденций в сфере права, происходящих под влиянием цифровых технологий, а также «разработка прогнозов дальнейшего развития права, социально-экономической сферы, системы государственного управления» [2. С. 97].

Необходимо отметить, что трансформация форм права под воздействием цифровых технологий – это широкий процесс изменений, в результате которого право приобретает особый смысл и назначение. Обратим внимание, что данный процесс не должен упустить из поля своего зрения или сделать второстепенным вопрос разделения двух категорий – цифровизации и цифровых технологий. В связи с этим мы должны четко понимать, что сами цифровые технологии – это часть самого процесса цифровизации, который «предполагает использование цифровых технологий и оцифрованных данных для трансформации бизнес-процессов, бизнес-моделей, бизнес-операций» [4. С. 150]. Что касается цифровизации, то на сегодняшний день нет единого определения данного понятия. Современная правовая наука рассматривает его или как чисто техническую категорию, или пытаясь прийти к единому смысловому пониманию в узком или широком значении слова. Так, цифровизация в узком значении слова рассматривается как модификация той или иной информации в определенные цифровые ресурсы, а в широком значении – как общемировой цифровой процесс, направленный на повышение качества жизни и вытекающих отсюда последствий. Что касается последнего, то в настоящее время акцент ставится на исследования этико-правового содержания, позволяющие определить правовые риски цифровизации государственного

управления и, шире – процесс трансформации современного общества под влиянием цифровых технологий.

Необходимо отметить, что «важнейшее следствие цифровизации права – это вопрос обеспечения легитимации правовых актов» [3. С. 271]. В самом деле, данный вопрос является одним из важных для современной правовой науки, хотя и недостаточно изученным. Сложность его изучения заключается в разграничении легитимности и легитимации. Под первым необходимо понимать свойство права, а под вторым – разработку алгоритма, способствующего признанию юридических правил обществом.

Особого внимания заслуживает влияние цифровых ресурсов на формы права (нормативно-правовой акт, правовой обычай, нормативный договор и другие). В результате активного применения новых цифровых технологий формируется процесс цифровой формализации права. Данный процесс позволяет показать содержание права, используя набор специальных знаков и символов. В целом цифровая формализация ведет к урегулированию нормативно-правовых актов в виртуальном пространстве. При этом необходимо учитывать, что «слишком жесткая формализация права и его интерпретация могут приводить к догматическому пониманию права, уводить от истинного смысла нормативного предписания и оказаться неэффективной» [2. С. 102].

Цифровые технологии, так или иначе оказывая влияние на право, не только меняют общественные отношения, которые оно регулирует, но и видоизменяют само право, делая его более объемным из-за стремления к наиболее максимальной защите прав в современных реалиях. Часто право не успевает адаптироваться под новшества, связанные в том числе с применением цифровых технологий. Отсюда правовые нормы могут усложняться, а их соблюдение или исполнение в какой-то мере затрудняться. При этом совершенно очевидно, что при помощи цифровых технологий правовая система может быть более комфортной для контингента пользователей. Поэтому с каждым годом создаются более доступные программные обеспечения для реализации поставленных задач в вопросе удобства использования.

Безусловно, цифровые технологии так или иначе видоизменяют как государственные, так и общественные институты. И если еще несколько лет назад этот процесс был вялым или недостаточно заметным, то сегодня он максимально активизировался и привел к определенным результатам. О результативности данного явления трудно судить по отдельным эпизодам. Необходим целостный взгляд и строго выработанная научная база. Однако это не мешает сделать вывод о том, что цифровизации принадлежит особая роль в процессе трансформации права. Более того, необходимо учитывать привилегии и недостатки цифровых технологий в правовой практике. Исходя из этого, модернизация права под воздействием цифровых технологий требует принятия новых законов, регулирующих использование продуктов цифровой среды, а также выводящих их на новый уровень применения.

Стоит согласиться с мнением авторов, что цифровизация стала актуальным направлением в развитии ряда областей. В орбите влияния этого «цифрового поворота» оказалась также и наука, что заметно сказалось на современных исследованиях [2. С. 8].

Заключение. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день дальнейшая трансформация права и отдельных его форм зависит от многих факторов, связанных с применением цифровых технологий. С нашей точки зрения, более последовательный подход необходим в определении самого понятия «цифровизация права», учитывая современные реалии и «характер» самого цифрового общества. Относительно последнего особое внимание приобретает анализ его этических, правовых, социально-экономических последствий. Кроме того, более детального исследования требуют продукты информационных технологий глобального характера и их использования в современном пространстве, таких как искусственный интеллект и роботизация, их риски и перспективы в применении. В целом при анализе данной проблемы необходимо учитывать как позитивные изменения, так и ряд негативных, которые так или иначе будут влиять на последующее развитие общественных отношений и самого права в целом.

Список литературы

1. Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Трансформация права под воздействием цифровых технологий: новые требования к подготовке юристов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 200–204.
2. Васильев А. А. Трансформация права в цифровую эпоху: монография / Министерство науки и высшего образования РФ, Алтайский государственный университет; под ред. А. А. Васильева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 432 с.
3. Денисенко В. В. Цифровизация права и правовые процедуры в условиях гиперреальности // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 269–276.
4. Кудрявцева Т. Ю. Основные понятия цифровизации // Вестник Академий знаний. 2021. № 44(3). С. 149–151.
5. Разуваев Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1(7). С. 18–38.
6. Бегишев И. Р., Жарова А. К., Громова Е. А., Залоило М. В., Филипова И. А., Шутова А. А. «Цифровой поворот» в правовых исследованиях // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2(1). С. 7–13.

О. Ю. Ельчанинова,

кандидат исторических наук, доцент,
Научно-исследовательский институт ФСИН России

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И ВЫЗОВЫ

Аннотация. Рассматривается текущее состояние историко-правового знания в условиях цифровизации общества, определяются направления развития на основе накопленного опыта. Анализируется влияние на развитие истории отечественного государства и права использования оцифрованных источников, искусственного интеллекта (ChatGPT и нейросети) и базы данных. Показаны проблемы,

с которыми сталкиваются образовательное и научное сообщества в процессе цифровой трансформации.

Ключевые слова: право, история, история государства и права, оцифрованные источники, искусственный интеллект, базы данных, цифровая трансформация, цифровизация

DIGITAL TRANSFORMATION OF HISTORICAL AND LEGAL KNOWLEDGE: NEW STRATEGIES AND CHALLENGES

Abstract. The current state of historical and legal knowledge in the context of digitalization of society is considered, development directions are determined based on accumulated experience. The influence of the use of digitalized sources, artificial intelligence (ChatGPT and neural networks) and databases on the development of the history of the domestic state and law is analyzed. The problems faced by the educational and scientific communities in the process of digital transformation are shown.

Keywords: law, history, history of the state and law, digitalized sources, artificial intelligence, databases, digital transformation, digitalization

Введение. В нынешних условиях в России приоритетным направлением стало внедрение цифровых технологий во все сферы экономики и общественные процессы [1, 2]. Применение информационных технологий в преподавательской и научной деятельности способствует формированию новой методологии. Совершенно очевидной становится трансформация методик и технологий изучения истории отечественного государства и права. Благодаря современным технологическим и техническим возможностям процесс изучения необходимого контента выходит за пределы учебных и научных книг. Для аудитории современных обучающихся всех уровней (от начальной до высшей школы) использование цифровых устройств стало неотъемлемым атрибутом жизни.

Основная часть. Новая реальность историко-правового знания – это оцифрованные источники, искусственный интеллект (ChatGPT и нейросети) и базы данных. 3D-моделирование стало незаменимым инструментом для визуализации артефактов. Сегодня использование технологии Virtual Reality (VR-очки, VR-шлемы) позволяет исследователям погрузиться в виртуальный мир, который трудно отличить от реальности. VR-технологии позволяют создавать иммерсивные пространства, погружаться в разные исторические периоды, изучать их колорит и атмосферу, понимать контекст и дух эпохи. Это позволяет интегрировать интерактивные элементы в изучаемое историческое и геополитическое пространство, упрощает процесс получения знаний, оптимизирует временные затраты на него, стимулирует интерес к изучению государственно-правовой действительности.

Вместе с тем для всех тех, кто сегодня проповедует социальный инжиниринг, история в целом и история государства и права в частности неинтересны. Историческая достоверность, факты, источники сегодня стали представлять угрозу для отдельных групп, поскольку препятствуют распространению фиктивного (фейкового) исторического опыта. Человек как творец и интерпретатор со-

временной истории оказался в центре информационных технологий, с беспрецедентной скоростью и радикализмом меняющих нашу жизнь, наше сознание, мировоззрение.

По данным многочисленных опросов, для большинства респондентов главными источниками информации об исторических событиях страны и мира выступают Интернет (включая сайты, блоги, соцсети, мессенджеры), документальные и художественные фильмы. Научная и учебная литература не являются приоритетными в данном контексте, поскольку академические фундаментальные труды по отечественной истории государства и права малоинтересны широкой аудитории, успевшей привыкнуть к «клиповому» формату материала и неготовой изучать многотомные издания, углубляться в детали. В итоге колоссальная работа научных коллективов востребована главным образом узкими специалистами и недостаточно способствует популяризации исторического знания. Что особенно чревато в условиях, когда переписывание истории, разрушение исторической памяти, возрождение неонацизма, стало неким общемировым трендом. Сегодня стало очевидным, что глобальному разуму не нужны ни национальные государства, ни их национальная история. Культурная идентичность, историческая память выступают главными его антагонистами. Но самое главное, что все это делается не для того, чтобы изменить прошлое, это делается для того, что изменить будущее!

В современных условиях в разы возрастает значение цифровизации архивных документов, что существенно сокращает временные и пространственные ограничения для получения достоверной информации относительно тех или иных исторических периодов и событий. К тому же цифровые архивы предоставляют надежные механизмы защиты от потери ценных документов из-за физического износа или стихийных бедствий.

Результативность процесса создания цифровизации архивных документов в нашей стране впечатляет. Благодаря этому доступными для широкой учебной и исследовательской аудитории становятся многочисленные интернет-проекты, нацеленные на расширение и популяризацию исторического знания. На сайте «Исторические материалы» в разделе «Библиотека» размещено более тридцати тысяч документов XIX–XX вв. и более шести тысяч публикаций по самым разнообразным историческим проблемам [3]. Оцифрованные исторические документы представлены на портале «История РФ» [4]. На сайте Российского исторического общества в разделе «Открытый архив» осуществляется планомерная публикация исторических документов по истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны [5]. Например, хотелось бы выделить актуальные виртуальные проекты: «1939 год. Начало Второй мировой войны», «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «Сталин – Черчилль – Рузвельт: совместная борьба с нацизмом» и другие, которые включают в себя электронные копии документов отечественных, трофейных и зарубежных архивных фондов, отражающих предысторию, ход и итоги Второй мировой войны. Это сегодня особенно важно, поскольку обнародование таких документов препятствует вычеркиванию из истории героизма и пафоса социального прогресса. Ведь не секрет, что сформулированная на Западе теория равной ответственности «двух агрессоров» отражает, по сути, тенденцию к реабилитации нацизма.

В сети существует внушительный массив видеоматериалов и по другим периодам истории государства и права России. На видеохостинге YouTube и портале Net-Film.ru можно обнаружить массивную подборку документальных фильмов. Цифровые источники также представлены на сайтах архивов, библиотек, на частных ресурсах. Это официальные документы, источники личного происхождения, материалы периодической печати.

Новые перспективы для изучения историко-правовой действительности открывают возможности искусственного интеллекта, которые позволяют обрабатывать большие базы данных, оперативно выявлять закономерности, тенденции, связи в массивах исторической информации. Все это способствует качественному и количественному улучшению проводимых работ, обеспечивает более точные аналитические выводы и прогнозы, сокращает время на проведение исследования.

Заключение. Таким образом, цифровизация историко-правового знания открывает возможности для расширения и углубления научного понимания государственно-правовой действительности и создания инновационных форм и методов научных исследований. Аналоговые исторические документы, другие ресурсы подвергаются процессу цифрового переформатирования. Это позволяет интегрировать интерактивные элементы в изучаемое историческое и геополитическое пространство, получать искомую информацию оперативно, систематизированно. Все это способствует расширению, углублению, популяризации системы знаний об отечественной истории государства и права. Вместе с тем, расширяя практику исторической реконструкции с применением цифровых технологий, важно помнить о необходимости конструирования репрезентативных моделей и интерпретаций событий истории государства и права. В противном случае полнота и достоверность историко-правовых знаний могут вызывать вопросы. Кроме того, это может послужить благодатной почвой для фальсификаций. При всей значимости цифровизации общественных процессов считаем, что использование цифровых технологий – это лишь средство, инструмент. А целью их применения является качественное преобразование общества и государства.

Список литературы

1. Буримский Н. А., Голованов Р. В. Применение цифровых технологий в изучении истории // Молодой ученый. – 2024. – № 9(508). – С. 305–307.
2. Галлезе-Нобиле К. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в телемедицине // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 2. С. 314–336. EDN: vskcfb
3. Исторические материалы в разделе «Библиотека» URL: <https://istmat.org/library> (дата обращения: 03.09.2024).
4. История РФ. URL: <https://histrf.ru>
5. Российское историческое общество. URL: <https://historyrussia.org/tsekhistorikov/archives.html>; <https://stalingrad1942-1943.ru>

П. А. Иллюк,
аспирант,

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

БАЗЫ ДАННЫХ В ИНДОНЕЗИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. В законодательстве Индонезии понятие «данные» определяется как запись совокупности фактов или описаний вещей, событий, реальности в форме чисел, знаков, символов, изображений, карт, знаков, сигналов, письменности, голосов и звуков, а понятие «база данных» – как совокупность различных типов данных о населении, хранящихся систематическим, структурированным и взаимосвязанным образом с использованием программного обеспечения, аппаратных средств и сетей передачи данных. Понятия «данные» и «база данных» пересекаются: в данном пункте «электронные данные» синонимизируются с термином «электронная база данных». Данное исследование актуально в связи с тем, что Россия и Индонезия договорились углублять сотрудничество в области обеспечения международной информационной безопасности, тема защиты данных и баз данных в Индонезии практически не изучена.

Ключевые слова: цифровое право, базы данных, индонезийское право, данные, цифровизация, цифровые технологии

DATABASES IN INDONESIA: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Abstract. In Indonesian law, the concept of "data" is defined as a record of a set of facts or descriptions of things, events, reality in the form of numbers, signs, symbols, images, maps, signs, signals, writing, voices and sounds. In Indonesian law, the concept of "database" is defined as a set of various types of population data stored in a systematic, structured and interconnected manner using software, hardware and data networks. The concepts of "data" and "database" intersect: in this paragraph, "electronic data" is synonymous with the term "electronic database". This study is relevant due to the fact that Russia and Indonesia have agreed to deepen cooperation in the field of international information security, the topic of data and database protection in Indonesia has been practically unstudied.

Keywords: digital law, databases, Indonesian law, data, digitalization, digital technologies

Введение. Современная действительность характеризуется колоссальным ростом объемов информации, которая нуждается в долгосрочном сетевом хранении данных [7. С. 86]. Развитие информационных технологий ведет к формированию новой цифровой реальности [1. С. 16]. Современная цифровая экономика активно начинает использовать такой инструмент, однако его использование еще не в полной мере урегулировано законодательством [3; 5. С. 37]. Возникают трудности, например, «в отношении персональных данных, которые владелец ресурса может использовать по своему усмотрению» [2. С. 142].

В Индонезии проживает 279 118 866 человек [10]. Такое количество населения подразумевает под собой огромный объем информации, работа с которым

регулируется рядом нормативно-правовых актов. Несмотря на то, что Китай является лидером в мировой цифровой экономике [6. С. 312], большая численность индонезийского населения, рост пользователей Интернета, развитие правового массива в Индонезии являются потенциальными факторами успешного развития цифровой экономики Индонезии [4. С. 83].

Понятие «данные» и их виды в законодательстве Индонезии. В п. 6 § 1 Постановления министра внутренних дел № 74 от 2020 г. о функциональной должности администратора базы данных населения понятие «данные» определяются как запись совокупности фактов или описаний встречающихся вещей, событий, реальности в форме чисел, знаков, символов, изображений, карт, знаков, сигналов, письменности, голосов и звуков, которые представляют реальную ситуацию или указывают на идею, объект, состояние или ситуацию.

В провинциальном законодательстве тоже есть определение понятие данных – в п. 19 § 1 Постановления Регента Танах Лаут (PERBUP) № 88 от 2017 г., – касающееся использования и управления онлайн-системами информации о развитии и прикладных данных (E-DATABASE). В правительстве Регентства Танах Лаут данные определяются как совокупность информации, включающая слова, диаграммы, графики или символы, описывающие конкретную идею, объект, состояние или ситуацию.

Постановление Президента (PERPRES) № 39 от 2019 г. о единых данных Индонезии дает широкий перечень данных:

- «единые индонезийские данные» – это государственная политика управления данными, направленная на получение точных, актуальных, интегрированных и подотчетных данных, а также легко доступных и совместно используемых центральными и региональными агентствами посредством соблюдения стандартов данных и метаданных, совместимости данных и использования ссылочного кода и основных данных;

- данные – это запись совокупности фактов или описаний в форме чисел, знаков, символов, изображений, карт, знаков, сигналов, письменности, звуков и (или) звуков, которые представляют реальную ситуацию;

- геопространственные данные – это данные о географическом положении, размерах или размерах и/или характеристиках природных и/или искусственных объектов, расположенных под, на или над поверхностью земли;

- государственные финансовые данные центрального уровня – это данные, собираемые центральным правительством на основе государственной системы учета, включающей в себя все права и обязанности штата, которые могут быть оценены в деньгах, а также все в форме денег или товаров, которые могут быть переданы в собственность государства;

- метаданные – это информация в форме стандартной структуры и формата для описания данных, объяснения данных и облегчения поиска, использования и управления информацией данных;

- мастер-данные – данные, представляющие собой объекты в государственных бизнес-процессах, определенные в соответствии с положениями настоящего Постановления Президента для совместного использования;

– приоритетные данные – это выбранные данные, взятые из списка данных, которые должны быть собраны в следующем году, согласованного на форуме One Data Indonesia;

– Data Guardian – это подразделение центральных и региональных агентств, которое осуществляет деятельность по сбору, проверке и управлению данными, представленными производителями данных, а также по распространению данных.

Помимо указанных видов данных, есть такое понятие, как «персональные данные».

Понятие баз данных в индонезийском законодательстве. В законодательстве Индонезии понятие «база данных» и его определение встречается довольно часто. В п. 16 § 1 Распоряжения министра по делам административной и бюрократической реформы Индонезии № 35 от 2017 г. о функциональной должности администратора базы данных населения база данных определяется как совокупность различных типов данных о населении, хранящихся систематическим, структурированным и взаимосвязанным образом с использованием программного обеспечения, аппаратных средств и сетей передачи данных.

В п. 9. § 1 Постановления министра юстиции и по правам человека № 39 от 2016 г. о системе баз данных пенитенциарных учреждений база данных определяется как совокупность различных типов данных о народонаселении, которые систематически хранятся, структурированы и связаны между собой с помощью программного обеспечения, аппаратных средств и сетей передачи данных.

В соответствии с § 1 п. 10 Постановления Агентства государственной гражданской службы № 16 от 2018 г. «О Руководстве по реализации разработки функциональных должностей администраторов базы данных о народонаселении» база данных определяется как совокупность различных типов данных о народонаселении, хранящихся систематическим, структурированным и взаимосвязанным образом с использованием программного обеспечения, аппаратных средств и сетей передачи данных.

Помимо прочего, фактической базой данных выступает такое понятие, как «семейная карта». В соответствии с п. 13 ст. 1 Закона № 23 от 2006 г. «Об управлении народонаселением» семейная карта представляет собой семейное удостоверение личности, содержащее данные об имени, составе и взаимоотношениях внутри семьи, а также личности членов семьи. В соответствии с п. 61 данного Закона семейная карта содержит имя главы семьи и членов семьи, адрес, место рождения, дату рождения, вероисповедание, образование, занятость, семейное положение, семейно-родственное положение, гражданство, иммиграционные документы и т. д.

В § 1 п. 35 Постановления Регента Танах Лаут № 88 от 2017 г., касающегося использования и управления онлайн-системами информации о развитии и прикладных данных в правительстве Регентства Танах Лаут упоминается отдельный тип базы данных – база данных зданий, который определяется как место хранения данных о зданиях, которое предназначено для обеспечения удобства, когда необходима содержащаяся в них информация.

В провинциальном законодательстве в преамбуле Постановления Регента Пасера № 23 от 2019 г. об управлении электронными данными о региональном

развитии (электронная база данных) база данных представляет собой совокупность различных типов данных о населении, систематически хранящихся, структурированных и взаимосвязанных с использованием программного обеспечения, аппаратных средств и сетей передачи данных.

Таким образом, понятие «база данных» в Индонезии относится к области публичного права, так же как и персональные данные.

В п. 7 § 1 Постановления министра внутренних дел № 74 от 2020 г. о функциональной должности администратора базы данных понятия «данные» и «база данных» пересекаются: в данном пункте «электронные данные» синонимизируются с термином «электронная база данных».

Охрана баз данных на примере демографических данных. Для поддержки сбора демографических данных был принят Закон № 23 от 2006 г. «Об управлении народонаселением» [8. С. 48], который в последний раз был пересмотрен в Закон № 24 от 2013 г. о поправках к Закону № 23 от 2006 г. об управлении народонаселением [12. С. 80]. В данном Законе в п. 1 § 79 сказано, что данные и документы о народонаселении должны храниться и защищаться государством [9. С. 35–36].

В п. 9 ст. 1 Закона № 24 от 2013 г. о поправках к Закону № 23 от 2006 г. «Об управлении народонаселением» указывается, что данные о населении – это индивидуальные данные и (или) агрегированные данные, которые структурированы в результате регистрации населения и действий по регистрации актов гражданского состояния.

В Законе № 24 от 2013 г. об управлении населением данные делятся на три категории:

- персональные данные – это определенные индивидуальные данные, которые хранятся, поддерживаются и обеспечивают достоверность и защищенную конфиденциальность (п. 22 § 1);

- база данных – совокупность различных типов демографических данных, хранящихся систематически, структурированных и взаимосвязанных с помощью программного обеспечения, аппаратных средств и сетей передачи данных (п. 29 § 1 пп. 37 от 2006 г.);

- демографические данные – это индивидуальные данные или агрегированные данные, которые структурированы в результате регистрации населения и действий по регистрации актов гражданского состояния. Демографические данные, собранные в ходе регистрации населения и актов гражданского состояния, преобразуются в совокупные данные о населении, которые включают индивидуальные наборы данных в форме количественных и качественных данных;

- агрегированные данные – это совокупность данных о численности населения, важных событиях, поле, возрастных группах, религии, образовании и занятости (п. 3 § 58 Закона № 24 от 2013 г.).

На основании положений Закона № 23 от 2006 г. об управлении народонаселением мы пришли к выводу, что напрямую не указывается, что база данных – это совокупность данных, однако по смыслу данного Закона такая формулировка необходима, чтобы увязать между собой понятия «данные», «база данных», «демографические данные» для более успешной защиты информации о населении.

Демографическим данным, полученным в результате регистрации населения и актов гражданского состояния, индонезийское государство гарантирует безопасность и конфиденциальность путем их хранения в Центре обработки данных. Центр обработки данных используется в качестве места для хранения устройств баз данных в центральных организациях, которые собирают данные о населении от провинциальных организаторов, региональных (городских) организаторов и агентств-исполнителей [13. С. 41].

Демографические данные охраняются уголовным законодательством. Уголовные положения о неправомерном использовании демографических данных в Законе № 24 от 2013 года об управлении народонаселением, среди прочих:

– в § 94 указано, что любое лицо, которое заказывает или содействует, манипулирует демографическими данными или элементами демографических данных. Те, кто нарушает эти положения в соответствии с § 77, могут быть заключены в тюрьму максимум на 6 лет или подвергнуты максимальному штрафу в размере 75 000 000 индонезийских рупий [15. С. 641–642];

– в § 95А указано, что любое лицо, не имеющее права распространять демографические данные в соответствии с положениями п. 3 ст. 79, может быть наказано тюремным заключением максимум на 2 года и максимальным штрафом в размере 25 000 000 индонезийских рупий [14. С. 132–133].

Заключение. В законодательстве Индонезии существует широкий спектр видов данных («единые индонезийские данные», статистические, персональные и т. д.), которые собираются в базы данных. В законодательстве Индонезии понятие «база данных» и его определение встречаются часто. База данных определяется как совокупность различных типов данных о населении, хранящихся систематическим, структурированным и взаимосвязанным образом. В Индонезии существует несколько типов баз данных, включая базы данных населения, пенитенциарных учреждений, зданий и электронных данных о развитии и прикладных данных.

Список литературы

1. Дорская А. А. Трансформация права в условиях цифровизации общественных отношений: кризисные явления и новые возможности // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии. 2020. С. 11–15.
2. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5(209). С. 140–145.
3. Ибрагимова Ю. Э., Залоило М. В. Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 182–205.
4. Нунинг С. Особенности микро-, малых и средних предприятий Индонезии в контексте эпохи цифровых технологий // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 10–2. С. 82–85.
5. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 3. С. 31–39.
6. Трощинский П. В., Молотников А. Е. Особенности нормативно-правового регулирования цифровой экономики и цифровых технологий в Китае // Правоведение. 2019. Т. 63, № 2. С. 309–326.

7. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1(253). С. 85–102.
8. Agung F. A., Hariyoko Y. Menyempurnakan data demografi dirt 002 kelurahan lawir // Prosiding Patriot Mengabdi. 2022. Vol. 1, No. 1. Pp. 44–49
9. Hendriyanto K. Juridical Analysis of Illegal Information Access: Case Study on Sales of Data Patients Covid-19 // SOEPRA. 2021. Vol. 7, No. 1. Pp. 27–39.
10. Jumlah Penduduk Indonesia (Berdasarkan Kepemilikan NIK). URL: <https://dukcapil.kemendagri.go.id>
11. Male M. Pelaksanaan sistem administrasi kependudukan dalam pembuatan e-ktip berdasarkan undang-undang nomor 24 tahun 2013 // Viva Themis: Jurnal Ilmu Hukum dan Humaniora. 2023. Vol. 6, No. 1. Pp. 73–84.
12. Muslihuddin M. Rancang Bangun Model Aplikasi Pengelolaan Pengarsipan Dokumen Kependudukan // Jutisi: Jurnal Ilmiah Teknik Informatika dan Sistem Informasi. 2018. Vol. 7, No. 1. Pp. 41–50.
13. Ningsih D. R., Sarip M., Pertiwi H. Perlindungan data pribadi konsumen pengguna jasa cetak kartu vaksin covid-19 di Indonesia.
14. Shandi A., Andriasari D., Setiadi E. Aspek Pidana dalam Praktik Bakar Kartu Sebagai Penyalahgunaan Data Pribadi Ditinjau dari Perspektif Pasal 94 Undang-Undang Nomor 24 Tahun 2013 Tentang Administrasi Kependudukan dan Pasal 35 Undang-Undang Nomor 11 Tahun 2008 Tentang Informasi dan Transaksi Elektronik // Prosiding Ilmu Hukum. 2019. Pp. 636–645.

Н. Е. Ладенков,
старший преподаватель,
Международный банковский институт имени Анатолия Собчака

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. Целью исследования является историко-теоретический анализ регулирования персональных данных. В статье сосредотачивается внимание на становлении концепции и понятия персональных данных из права на неприкосновенность частной жизни. Анализируется динамика понятия персональных данных в российском законодательстве. Разбираемая правовая категория имеет два вида: информация, обязательная для идентификации или распознавания лица, и данные, которые относятся к частной жизни. Проведенный анализ показывает необходимость пересмотра процедуры получения согласия на обработку персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, неприкосновенность частной жизни, личные неимущественные права, динамика права, индивидуализация, правовая коммуникация, цифровая коммуникация

THEORETICAL ASPECTS OF REGULATION OF PERSONAL DATA PROTECTION

Abstract. The purpose of the study is a historical and theoretical analysis of the regulation of personal data. Attention is paid to the formation of the category of personal

data from the right to privacy. The dynamics of the concept of personal data in Russian legislation is considered. Personal data is divided into two categories: information necessary to identify a person and information related to a person's private life. The conclusion is made about the imperfection of the current regulation and the need to simplify obtaining consent for the processing of identifying personal data determined through a set of signs fixed in the law.

Keywords: personal data, privacy, personal non-property rights, dynamics of law, individualization, legal communication, digital communication.

Введение. Современные технические возможности по передаче информации, с одной стороны, предоставили беспрецедентные возможности для свободы распространения информации, а с другой – создали угрозы нарушения прав человека по защите охраняемой законом тайны. Необходимо учитывать, что защита от подобных нарушений зачастую становится невозможной ввиду сетевого характера распространения информации. Прежде всего, речь идет об информации личного характера, отразившейся в законе в понятии «персональные данные».

Исторические предпосылки регулирования защиты персональных данных можно найти уже в XIX в. Тогда сформировалась теоретическая категория частной жизни лица и, как следствие, права на ее защиту, прежде всего от бизнес-структур, стремительно развившихся в то время. Соответствующая категория нашла отражение и в правоприменительной практике, а ко второй половине XX в. американские суды вывели концепцию защиты частной жизни лица из первых пяти поправок к конституции.

Проблема защиты именно персональных данных появилась в начале использования персональных компьютеров в государственных структурах и крупном бизнесе в 1960–70-е гг. К 1981 г. проблема обострилась. Появляется Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, принятая Советом Европы. Эта конвенция закрепляла право на защиту частной жизни лица через рамочные правила обработки любых сведений о физическом лице. А на основании данного международного акта впоследствии начали развиваться и национальные правовые акты.

Тем не менее существовали и более ранние акты, затрагивающие защиту персональных данных. Хронологически первым внутригосударственным актом является региональный закон в Германии: Земля Гессен в 1970 г. приняла соответствующий закон. А на национальном уровне регулирования пионером стала Швеция. Это государство разработало и приняло закон, который реформировал сбор и обработку данных о физических лицах. Действие закона распространялось как на государственные органы, так и на частных лиц.

В российском правовом пространстве в качестве образца для разработки соответствующего регулирования была выбрана описанная выше европейская конвенция [3, 6].

Основная часть. Целью Федерального закона № 152-ФЗ является защита прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ. Однако применение широкого и уже традиционного для российского права подхода в определении понятия этому не способствует, так как невозможно защитить весь объем сведений о физическом лице.

С. И. Гутник предлагает следующие признаки персональных данных:
Возможность провести юридически значимую идентификацию лица.

Распространение данных сведений способно нарушить права и причинить вред законным интересам.

Конфиденциальность сведений [4. С. 10–11].

Закрепление в законе точного перечня сведений, относящихся к персональным данным, видится невозможным ввиду разнообразия информации о физическом лице. Однако использование признаков, позволяющих конкретизировать перечень персональных данных на определенный момент времени, видится наиболее целесообразным. Они позволят вывести межотраслевую дефиницию, о необходимости которой говорили еще в начале века [13. С. 7].

На данный момент с точки зрения теории права для более точной дефиниции следует обратиться к отраслевому законодательству. С точки зрения гражданского законодательства исследуемое понятие является личным неимущественным правом и разделяется на несколько видов:

1. Личные неимущественные права, направленные на индивидуализацию личности.

2. Личные неимущественные права, направленные на обеспечение физической неприкосновенности личности.

3. Личные неимущественные права, направленные на неприкосновенность внутреннего мира личности и ее интересов [8].

Исходя из данного в законодательстве широкого определения персональных данных, к ним можно отнести первую и третью категории. Первая категория должна защищаться, прежде всего, в контексте правовой определенности контрагента, что едва ли можно рассматривать в контексте вопроса о защите персональных данных, так как они как раз и направлены на индивидуализацию субъекта.

Третья категория коррелирует с понятием частной жизни, закрепленного в ст. 152.2 ГК РФ. Данный перечень является открытым, но, исходя из приведенных элементов, можно сделать вывод, что к ним не относятся сведения, минимально необходимые для идентификации.

Обратим внимание, что сведения, относящиеся к первой категории, необходимы для вступления в правоотношения и не могут затрагивать права и свободы. Сведения третьей категории относятся к охраняемой законом тайне. Как следствие, правовой режим у них должен отличаться. На основании анализа закона выделим следующие правовые режимы:

1. Общий режим.

2. Режим государственной тайны.

3. Специальный режим.

4. Режим биометрических данных.

5. Режим архивных данных.

6. Режим разрешенных для распространения данных [7].

Последний был введен поправками от 2020 г., но изменения законодательства продолжают до сих пор. Так, были внесены поправки в 2022 г. Как отмечает А. Бычков, целью законодателя при внесении соответствующих поправок было обеспечить неприкосновенность частной жизни и усилить защиту персональных данных от неправомерной передачи [1]. Новая редакция закона предусматривает

необходимость получения согласия на обработку персональных данных всеми без исключения операторами. Кроме того, установлены новые императивные запреты на включение отдельных положений в соглашение об обработке персональных данных. Можно согласиться с А. Н. Прокопенко, что внесенные изменения чрезвычайны [12].

Отметим, что это общая тенденция развития законодательства о защите персональных данных. С течением времени во всех государствах все более и более начинают охраняться сведения о лице и, как следствие, увеличивается документальное оформление использования подобных сведений. При этом сфера цифровых отношений с каждым годом расширяется: в нее попадают отношения, которые ранее не предполагали оцифровки и алгоритмизации сведений о физическом лице [9. С. 193–194]. Без таких индивидуализирующих сведений становится невозможным исполнение обязанностей, возникающих в рамках соответствующих правоотношений. Особенно остро данная проблема представляется в интернет-торговле, широко распространенной в современном мире. Т. А. Полякова и И. С. Бойченко отмечают, что отношения по защите персональных данных имеют дуалистический характер: с одной стороны, это информационные отношения, а с другой – гражданско-правовые [11]. Из-за дуализма данных возникает вопрос о том, какие из них являются первичными и возможно ли соответствующее приобретение товаров без вступления в информационное отношение. Согласно А. А. Маниной, Г. Ю. Атаян и А. Т. Богатыревой, такое приобретение невозможно. При этом указанные авторы не отвечают на вопрос о первичности [10]. Зачастую собираемые сведения являются избыточными и не требуются для индивидуализации субъекта. Тем не менее, если потребитель не предоставит сведения, позволяющие его юридически идентифицировать, он не сможет получить доступ к товару или услуге. Из этого следует, что предоставление соответствующих сведений является вмененной обязанностью при получении услуги или товара, а получение письменного согласия от потребителя, по существу, является информированием последнего об этом.

Это приводит к появлению и другой проблемы: возросшим интересом преступного сообщества к неправомерному доступу к персональным данным. Существует множество преступных схем хищения и продажи персональных и специализирующихся на них преступных групп. По достаточно скромным оценкам, количество потерпевших только в России исчисляется десятками миллионов [2. С. 133]. Как отмечают некоторые исследователи, утечки персональных данных могут причинять гражданам не только моральный и имущественный вред, но даже физический [5]. Е. В. Хохлова отмечает, что соответствующая ситуация может стать новой глобальной проблемой человечества: от мошеннических действий до диверсий и массовых убийств или даже повлечь техногенные катастрофы. [14. С. 64–65]. Однако с нашей точки зрения, риски, вызванные свободным обращением персональных данных, несколько преувеличены.

Заключение

1. Сложившаяся ситуация с регулированием персональных данных связана с тем, что концептуально данная категория появилась из права на неприкосновенность частной жизни.

2. Необходимо выделить четкие критерии разграничения сведений о частной жизни лица и идентификационных сведений, а также установление последних в качестве персональных данных.

Список литературы

1. Бычков А. Защита персональных данных: новые требования, обязанности и сроки // Юридический справочник руководителя. 2022. № 9. С. 11–17.
2. Волкова А. Ю. Персональные данные как объект уголовно-правовой охраны // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 132–137.
3. Воложанин А. А., Губанова Е. В. Историческая основа Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» // Научный вестник Крыма. 2021. № 6(35). С. 4.
4. Гутник С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2017. 241 с.
5. Должикова А. Э. Криминализация невыполнения требований по защите персональных данных // Вестник ЮГУ. 2023. № 3(70). С. 69–76.
6. Залоило М. В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Москва, 2011. 20 с.
7. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П. Д. Багрянская, О. А. Беляева, С. А. Бурлаков и др.; отв. ред. В. М. Жуйков. Москва: ИЗиСП, КОНТРАКТ. 2020. Вып. 27. 224 с.
8. Криволапова Л. В. Защита персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6(186). С. 88–91.
9. Лапшин В. Ф. Назначение наказания компьютерной программой: правовая инновация или деградация? // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14, № 2. С. 192–198.
10. Минина А. А., Атаян Г. Ю., Богатырева А. Т. Отдельные особенности правового режима и защиты персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8(224). С. 164–167.
11. Полякова Т. А., Бойченко И. С. Цифровой оборот данных – проблемы взаимодействия субъектов и операторов обработки персональных данных // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11. С. 184–181.
12. Прокопенко А. Н. Борьба с утечками персональных данных – поможет ли ужесточение ответственности? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 2(56). С. 48–56.
13. Просветова О. Б. Защита персональных данных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 24 с.
14. Хохлова Е. В. Уголовно-правовая охрана персональных данных в зарубежных странах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 4. С. 62–78.

С. В. Лонская,
доктор юридических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНИКИ ЦИФРОВОГО ИСТОРИКА ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается проблема методологических техник (инструментов и ресурсов исследования), которые должны и могут находиться в распоряжении цифрового историка права. Определены особенности источников, с которыми работает цифровой историк права, основные исследовательские методы и задачи и связанные с ними техники исследования (искусственный интеллект, геоинформационные системы и др.). Сформулированы основные вызовы, связанные с расширением исследовательских возможностей, которые дают цифровые технологии для истории права, и пути их решения.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, цифровая история права, методология юридической науки, история государства и права, историко-правовой источник, юридические исследования

METHODOLOGICAL TECHNIQUES OF A DIGITAL LEGAL HISTORIAN

Abstract. The article examines the problem of methodological techniques (research tools and resources) that should and can be at the disposal of a digital legal historian. The features of the sources that a digital legal historian works with, the main research methods and tasks, and related research techniques (artificial intelligence, geographic information systems, etc.) are defined. The main challenges associated with the expansion of research opportunities provided by digital technologies for the legal history and ways to solve them are formulated.

Keywords: law, digital technologies, digital legal history, methodology of legal science, history of state and law, historical and legal source, legal researches

Введение. «Цифровой поворот» – безусловно, методологический поворот в науке. Информатика вручает в руки ученым цифровые технологии и инструменты для познания. С точки зрения структуры методологии научного знания, речь идет об инструментально-операциональном уровне методик, техник и технологий исследования. В этом ряду техники – непереносимое условие проведения исследования, и чем удачнее подобраны техники, тем оно успешнее. Полагаем, вопрос о методологических техниках должен быть поставлен «в полный рост», в том числе и потому, что саморазвитие техник будет зависеть от запросов на них исследователей. Таким образом, эффективность исследований и эффективность исследовательских техник – процессы взаимообусловленные.

Попадая в цифровое поле, история права остается в пределах своего дисциплинарного предмета, но пересекается здесь с информатикой. В этом пересечении возникает цифровая история права – новое направление в современной юриспруденции и цифровой гуманитаристике, развивающееся с начала XXI в. [4]. Цифровой историк права, раскрывая потенциал своей науки, конечно же, применяет цифровые инструменты и ресурсы. Попытаемся определить, как осуществляется выбор этих инструментов и ресурсов (техник), какие возможности и в то же время вызовы стоят перед цифровым историком права в этой сфере.

Основная часть. Представляется, что главным отличием цифрового историка права от «традиционного» является не только то, чем он работает (цифровыми инструментами), но и с чем он работает, к чему прилагает эти инструменты, изучая события, явления и процессы истории государства и права. Цифровые инструменты применяются к источникам – носителям информации.

Долгое время историки права работали преимущественно с формально-юридическими текстами. В современную эпоху пришло понимание, что существуют и внетекстуальные (с позитивистской точки зрения) источники познания (изображение, ритуал и т. п.), а само понятие текста как семиотической знаковой системы в принципе меняет подходы к источникам и к получаемой из них информации.

Именно формализованность языка права, как заметили ученые, позволяет правовым источникам быть более восприимчивыми к цифровым технологиям [8. Рр. 1049–1050]. Справочные правовые системы уже накопили внушительный объем данных, став важным ресурсом, в том числе и для историко-правовых исследований. Машинная обработка языка права облегчается его специализированным словарем, стремящимся к максимальной точности и определенности, заданностью структуры (правовой нормы, правового акта) и другими свойствами.

Ставя исследовательскую задачу, ученый определяет, с помощью каких методов она будет решаться. Выбранные методы, в свою очередь, предполагают выбор наиболее подходящих методик. И на этом этапе формулируется запрос на методологические техники – инструменты и ресурсы, которые помогут реализовать методы и методики.

Итак, что находится в арсенале цифрового историка права с точки зрения методологической техники? В науке пока отсутствует классификация техник, хотя есть попытки их обобщения [9]. Судя по тому, как развиваются исследования в смежных направлениях (цифровая история) или уже непосредственно в области цифровой истории права [5–7], среди техник следует перечислить: базы данных, технологии машинного обучения и искусственного интеллекта, языки программирования, геоинформационные системы, визуализацию сетевых связей. Конкретных примеров становится все больше, они совершенствуются, но и запрос на новые ресурсы и инструменты, как мы уже отмечали, тоже должен формироваться. Но подобные запросы могут появиться только там, где такие исследования ведутся: из их потребностей и задач. Это, на наш взгляд, неизбежно должно привести к специализации техник. Например, к созданию специализированных баз данных и корпусов текстов (под конкретные проекты). Или к созданию специализированных цифровых сервисов, работающих на основе искусственного интеллекта: транскрибирование рукописного текста или старинных книг, машинный перевод с редких (мертвых) языков, поисковые системы, аналитическая работа (анализ данных и выдвижение гипотез) и т. д. Такие сервисы должны обучаться на соответствующих специализированных материалах – тех же самых старинных манускриптах, правовых актах, научных трудах и т. п. Тенденция на специализацию техник, полагаем, уже складывается как за рубежом, так и в России. Как примеры приведем онлайн-ресурс *Old Bailey Proceedings* – оцифрованную коллекцию актов суда Олд Бейли с 1674 по 1913 г. (первая версия ресурса появилась в 2003 г. и была существенно обновлена в 2023 г.), а также отечественные проекты новгородских

ученых по атрибуции, локализации и датировке рукописных материалов и калининградских ученых по созданию базы данных переселенцев в послевоенную Калининградскую область [1].

Заключение. Круг возможностей цифрового историка права расширяется благодаря цифровым техникам. Вместе с тем перед цифровым историком права будут возникать и новые проблемы, связанные, например, с фейками или галлюцинированием искусственного интеллекта, корректностью кода, расчетов и пр.

В чем видятся пути решения проблем? Чтобы работать с техниками, нужно овладевать технологиями. Цифровой историк права должен иметь представление или получить квалификацию в области программирования, промпт-инжиниринга, статистики, анализа данных, источниковедческой критики цифрового источника. Только в рамках такой научно-образовательной среды развитие цифровой истории права сможет стать прогрессирующим.

Список литературы

1. Баранова Е. В., Маслов В. Н., Лопатин М. М. База данных «Эшелонные списки переселенцев в Калининградскую область (1946–1947 годы)»: архитектура, источники, опыт ввода данных, первые результаты // Историческая информатика. 2020. № 4(34). С. 22–36.
2. Гарскова И. М. «Цифровой поворот» в исторических исследованиях: долговременные тренды // Историческая информатика. 2019. № 3. С. 57–75.
3. Бегишев И. Р., Жарова А. К., Громова Е. А., Залоило М. В., Филипова И. А., Шутова А. А. «Цифровой поворот» в правовых исследованиях // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2(1). С. 7–13.
4. Лонская С. В. Цифровая история права: начала методологии. Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2(1). С. 14–33.
5. de Jong H., van Dijck G. Network analysis in legal history: an example from the Court of Friesland: Remarks on the benefits // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis / Revue d'histoire du droit / The Legal History Review. 2022. № 90(1–2). Pp. 250–262.
6. Härter K. Police Ordinances, Customary Statutes and Normativity Regimes // Journal for Digital Legal History. 2023. № 2(1).
7. Kotlyar I. Potential Application of Structural Linguistics Methodology in the Network Analysis of Roman and Medieval Regulae Iuris // Journal for Digital Legal History. 2023. № 1(1).
8. Robertson S. Searching for Anglo-American Digital Legal History // Law and History Review. 2016. Vol. 34, Iss. 4. Pp. 1047–1069.
9. Wagner A. Clio-Guide: Rechtsgeschichte // Clio Guide – Ein Handbuch zu digitalen Ressourcen für die Geschichtswissenschaften / hrsg. von Silvia Daniel, Wilfried Enderle, Rüdiger Hohls, Thomas Meyer, Jens Prellwitz, Claudia Prinz, Annette Schuhmann. 3. erw. und aktualisierte Aufl. Berlin, 2023–2024.

А. Ю. Мамычев,

доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Владивостокский государственный университет

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ОСНОВНЫЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. Целью работы являются идентификация и содержательное описание ключевых политико-правовых тенденций развития современной правовой политики государства, обоснование будущих траекторий развития права и публично-властной организации в контексте технологизации общества и цифровой трансформации общественных отношений. В тексте работы выделяются количественные и качественные изменения в системе политико-правовых отношений, обусловленные интенсивным внедрением цифровых технологий и стремительной технологизацией общественных отношений. Определяются основные векторы развития социотехнической реальности и этапы технологизации общественных систем, а также ключевые направления обеспечения цифрового суверенитета.

Ключевые слова: право, правовая политика, публично-властные отношения, суверенитет, технологизация общества, ценностно-нормативные основы, цифровая реальность, цифровые технологии

Исследование выполнено в лаборатории политико-правовых и социально экономических исследований Владивостокского государственного университета в рамках проекта № FZUG-2024-0006 «Прошлое, настоящее и будущее России в цифровую эпоху: формы и механизмы противодействия негативным контентам и фальсификациям» при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований.

THE PRESENT AND FUTURE OF THE STATE'S LEGAL POLICY: OVERVIEW OF THE MAIN POLITICAL AND LEGAL TRENDS

Abstract. The aim of the work is to identify and provide a meaningful description of the key political and legal trends in the development of modern legal policy of the state, substantiate the future trajectories of the development of law and public authority in the context of the technologization of society and the digital transformation of public relations. The text of the work highlights quantitative and qualitative changes in the system of political and legal relations due to the intensive introduction of digital technologies and the rapid technologization of public relations. The main vectors of the development of sociotechnical reality and the stages of technologization of social systems, as well as key areas of ensuring digital sovereignty, are highlighted.

Keywords: law, legal policy, public-power relations, sovereignty, technologization of society, value-normative foundations, digital reality, digital technologies

The research was carried out in the Laboratory of Political, Legal and Socio-economic Research of Vladivostok State University within the framework of the project No. FZUG-2024-

0006 "The past, present and future of Russia in the digital age: forms and mechanisms of countering negative content and falsifications" with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

Цифровые технологии являются мощнейшим инструментом управления информационно-эмоциональной репрезентацией реального мира.

В свою очередь, развитие цифрового пространства и его институциональное оформление реализуется сегодня в направлении формирования формальных и неформальных правил интерактивного взаимодействия, процедур и норм, регулирующих разнообразные интеракции в цифровой среде (например, на той или другой цифровой платформе, в социальной сети и т. д.), которые поддерживают стабильность определенных полей стратегических действий в цифровой среде (различные виртуальные сообщества), воспроизводство и устойчивость сетевой цифровой организации.

В настоящий период институциональную основу современной цифровой реальности общества можно рассматривать в двух направлениях:

– *во-первых*, это цифровизация традиционных институтов, например, оцифровка определенной устойчивой деятельности, перевод последней в цифровой формат;

– *во-вторых*, появление принципиально новых институтов (собственно цифровых институций) – цифровые платформы, цифровые политические партии, различные виртуальные организации, которые мобилизуют пользователей, нормируют разнообразные взаимодействия между цифровыми акторами (реальными или роботизированными).

В контексте обеспечения суверенности цифрового пространства, сохранение и воспроизводство социокультурной целостности важным является то, что развитие цифровых институтов, несмотря на их алгоритмическую природу, развивается с учетом национальных, этнополитических, духовных и иной специфики российского цифрового пространства.

При этом в процессе формирования алгоритмической архитектуры, цифрового кодирования, математического моделирования той или иной социальной деятельности, в процессе ориентированного машинного обучения (системы искусственного интеллекта): *с одной стороны*, цифровые институции создаются, обучаются и функционируют в рамках определенных рамок (этических, правовых, технических), что формирует определенную траекторию их развития; а *с другой* – процесс машинного обучения реализуется на определенном социокультурном материале, национально значимой информации и реальных данных, что всегда на практике создает специфические режимы работы цифровых алгоритмов и автономных роботизированных систем.

Следовательно, математическое кодирование, создание алгоритмической архитектуры, машинное обучение, а также сам процесс управления последним фундаментальным основанием современной «управленческой машины», важнейшим инструментом властно-управленческого (алгоритмического) воздействия на общественно-политические, социально-экономические и другие события. Ведь очевидно, что «если индивид в социуме все более окружен программным кодом – система “умный дом”, верификация личности, дистанционной работы и обучения,

электронной торговли, – то не удивительно, что программный код наращивает свое присутствие в сфере управления» [7. С. 8].

Вместе с тем для поддержания национального цифрового суверенитета как основы технологического суверенитета, а также сохранения и ускорения процессов цифровизации в российском обществе необходимо срочно решить следующие ключевые задачи:

- системный мониторинг состояния национального цифрового пространства, позволяющего оценить степень его уязвимости с точки зрения обеспечения цифрового суверенитета; замена технологических и ресурсных цепочек с целью исключения из них недружественных стран и развития технологических альянсов со странами ШОС и БРИКС+;

- развитие собственных (национальных) цифровых технологий, сервисов, платформ; формирование национального образа технологического будущего, национального технологического дискурса, а также символическое обеспечение цифрового суверенитета, заключающееся в создании и продвижении образов отечественных исследователей и достижения в сфере современных информационно-коммуникационных технологий.

В дальнейшем необходимо доктринально-правовое оформление и институциональное обеспечение единой национальной технологической политики государства как комплексного и стратегического направления, ориентированного на стимулирование развития критической технологической инфраструктуры страны и продвижение национальных цифро-алгоритмических решений в контексте обеспечения цивилизационной безопасности, сохранения гуманистической направленности в технологических инновациях и воспроизводством национально-культурных оснований российского общества, а также защиты политических, гражданских, социальных и формирующихся цифровых прав, свобод, законных интересы человека и общества.

Отмечается, что цифровая трансформация подошла к тому этапу, что само развитие технологий отходит на второй план, важнейшим/стратегическим направлением государственной политики становится обеспечение производства критически важными сырьевыми источниками, такими как латан, церий, неодим, прометий, гольмий, эрбий, тулий и многие другие вещества, и формирование запасов редких металлов для нового технологического витка развития и глобального энергетического перехода. А будущее геополитическое противостояние будет главным образом связано не с привычными углеродными ресурсами (уголь, газ, нефть), а с борьбой за контроль над добычей редких веществ, критически необходимых для технологического доминирования в мире [5].

Так, например, член-корреспондент РАН, Президент НИЦ «Курчатовский институт» М. В. Ковальчук отмечает, что ключевыми направлениями государственной политики является нормативно-правовое, организационно-правовое, социально-экономическое и другое обеспечение технологического воспроизводства системы живой природы и создание качественно иной энергетики, медицины, биологии, материаловедения и т. д. При этом государственная стратегия развития природоподобных технологий в настоящее время нуждается в серьезной доктринально-правовой разработке и существенных изменениях в действующем законодательстве РФ. Здесь выделяются три этапа развития государственной политики

в данной сфере: первый (2022–2026 гг.) ориентирован на формирование необходимой для развития природоподобных технологий научной и кадровой базы; второй (2027–2032 гг.) ориентирован на создание технологической базы и научно-производственных кластеров; третий (2033–2037 гг.) – формирование базовых элементов природоподобной техносферы [2].

Здесь одними из главных вопросов государственной политики, как отмечал еще в 80-х годах прошлого столетия Д. Вейценбаум, станут: «Какие человеческие цели и задачи нельзя в должной мере передать компьютерам? Когда люди не должны использовать роботов и технологии? Какое социально-техническое сочетание людей и робототехники лучше всего отвечает социальным и индивидуальным задачам, а также ценностям?» [6] и др.

Следующим этапом, который можно прогнозировать, станет формирование общего международно-правового документа, аналогичного современной «Всеобщей декларации прав человека» и соответствующих документов, актов, резолюций, рекомендаций в сфере стремительной технологизации и цифровизации человечества [3].

В настоящий момент развиваются политико-правовые институты, формирующие так называемый инструмент *живого* (международно-правовая, региональная, межгосударственная и национальная практика по защите цифровых прав или обеспечение достойных условий жизни на новом технологическом этапе развития) права.

Список литературы

1. Ахременко А. С., Петров А. П., Жеглов С. А. Как информационно-коммуникативные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12–45.
2. Вейценбаум Д. Возможности вычислительных машин и человеческий разум: от суждений к вычислениям. Москва: Радио и связь, 1982. 368 с.
3. Глушкова С. И., Летунов Е. Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4(31). С. 16–28.
4. Наука для жизни: как в РФ будут развивать природоподобные технологии // Известия. Наука и техника. 29 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1256928/maksim-khodykin/nauka-dlia-zhizni-kak-v-rf-budut-razvivat-prirodopodobnye-tekhnologii> (дата обращения: 08.09.2024).
5. Питрон Г. Третья цифровая война: энергетика и редкие металлы. Москва: АСТ, 2021. 320 с.
6. Сборник лекций Дмитрия Пескова. Якутск: Якутская республиканская типография им. Ю. А. Гагарина, 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://new.nlrs.ru/open/96572?ysclid=m0tzmpxnq1861141774> (дата обращения: 08.09.2024).
7. Фурс С. П. Анализируя новый социальный феномен – алгократия // Культура и безопасность. 2022. № 1. С. 5–9.

Р. В. Пузиков,

кандидат юридических наук, доцент,

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

ПОНЯТИЕ ПРАВОВЫХ ТРАДИЦИЙ И ПРАВОВЫХ НОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Аннотация. Статья посвящена проблеме сосуществования правовых традиций и правовых инноваций в правовой жизни общества, их роли и месте в совершенствовании правового регулирования и повышении эффективности законодательства в эпоху цифровизации. Анализируются существующие подходы к существенному пониманию данных феноменов, и предпринимается попытка выработки современных представлений об их признаках и роли в жизни общества, а также о функциях и значении цифровых технологий в их взаимообусловленности.

Ключевые слова: правовая доктрина, правовые традиции, правовые инновации, правовая жизнь, правовая политика, цифровые технологии

THE CONCEPT OF LEGAL TRADITIONS AND LEGAL INNOVATIONS IN MODERN LEGAL SCIENCE IN THE ERA OF DIGITALIZATION: AN INFORMATION-THEORETICAL APPROACH

Abstract. This work is devoted to the problem of the coexistence of legal traditions and legal innovations in the legal life of society, their role and place in improving legal regulation and increasing the effectiveness of legislation in the era of digitalization. The analysis of existing approaches to the essential understanding of these phenomena is made and an attempt is made to develop an author's vision of these manifestations and identify their signs and role in society, as well as identify the functions and significance of digital technologies for their interdependence.

Keywords: legal doctrine, legal traditions, legal innovations, legal life, legal policy, digital technologies

Введение. Правовые традиции и новации представляют собой основу формирования и развития правовой системы любого государства, включая правовые ценности, идеи, концепции и доктрины [11, 12]. Данные понятия пребывают в тесной взаимосвязи между собой: правовые инновации не являлись бы инновациями без правовых традиций, так как в таком случае они бы потеряли возможность быть представленными как инновации.

Основная часть. Право является феноменом, существующим вместе с обычаями, религией, моралью и другими социальными регуляторами. С. С. Алексеев, выдающийся ученый-правовед, говорил о том, что «инструментальный характер ценности права заключается в том, что оно выступает связующим звеном при реализации других значимых ценностей – товарно-рыночных институтов, управления, демократии, морали, культуры, является средством воплощения их в жизнь» [3. С. 163].

Основная цель права – регулирование и организация общественных отношений в государстве. В основе права лежат правовые ценности, которые имеют

большое значение в гражданском обществе и правовом государстве. Они закрепляются в законодательстве и обязывают граждан соблюдать законы. Правовые ценности устанавливают определенные нормы поведения, которые должны быть исполнены согласно рамкам правовой системы.

В настоящий момент единого мнения ученых относительно термина «правовые ценности» не существует. А. Н. Бабенко, доктор юридических наук, считает: «Правовые ценности – это переживаемые людьми и определяемые культурой формы их позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения, соответствующий этой системе, а также юридическую оценку событий» [5. С. 72]. По мнению Т. В. Петровой, «правовые ценности представляют собой проверенный временем инструмент, который регулирует поведение людей и способствует сохранению стабильности социальной и социокультурной системы» [18. С. 26].

Правовые ценности возникают из совокупности множества элементов – экономических, политических, духовных, исторических. Систему ценностей в праве можно представить в виде пирамиды, где на первом этаже будут находиться правовые идеалы, а на втором – юридические права и обязанности, постановления, предписания. К правовым ценностям традиционно ученые-юристы относят закон, справедливость, суд, свободу, равенство, гуманизм.

Ценность права проявляется как для государства, так и для личности. Для государства ценность права состоит в том, что оно применяется для формирования, организации и функционирования деятельности государственного аппарата. Для личности ценность права проявляется в следующем: оно закрепляет основные права и свободы, охраняет личность от вмешательства в ее личную жизнь.

Правовые ценности объединяются в правовые традиции, представляющие собой сложную юридическую концепцию. Правовые традиции аккумулируют ценности и тем самым формируют духовное развитие общества. Правовые ценности посредством правовых традиций передаются из поколения в поколение и воссоздают право любой страны и народа в его специфике и уникальности.

В обширном понимании традиции – это стабильный спутник деятельности и функционирования общества людей. В. И. Даль писал, что традиция – это «преданье, все, что устно перешло от одного поколения на другое» [8. С. 425].

Каждое государство имеет свой опыт накопления правовой культуры, правовых ценностей и концепций, которые можно обнаружить как в правоприменительной, так и в правотворческой областях. У каждой страны и народа имеется своя правовая специфика, с которой знакомятся туристы, приезжающие туда.

В настоящее время традиции выполняют мощную регулятивную роль в обществе, определяя конкретные направления поведения людей. Они обеспечивают и правовую систему, сохраняя ее исторические особенности, специфику.

Обобщая основные определения, можно выделить признаки и особенности правовых традиций [1, 2, 7, 9, 15, 16, 21–23]:

- 1) правовые традиции базируются на правовых ценностях;
- 2) медленное формирование правовых традиций, они образуются постепенно;
- 3) правовые традиции являются нормой права – устойчивой формой своего внешнего выражения;

- 4) правовая традиция прочно сопряжена с правосознанием общества;
- 5) они принимают участие в развитии и становлении правовой системы.

Можно выделить стадии эволюции правовой традиции в России, к которым относятся следующие этапы:

- 1) древнейший;
- 2) этап централизованного государства;
- 3) период правления императоров;
- 4) этап светской идеологии;
- 5) современный – становление идеи правового государства.

В период Киевской Руси господствовало обычное право, которое упоминается в договорах Руси с Византией и считается первым устным источником русского права. Впоследствии к нормам обычного права добавились законы и судебные решения Древней Руси, которые объединились в «Русскую Правду», ставшую важным источником для изучения социальных, правовых и экономических отношений Киевского государства. К источникам периода того времени также принадлежат судные грамоты (Псковская и Новгородская судные грамоты), княжеские уставные грамоты, византийское право, договоры с другими городами.

Следующий этап – становление централизованного государства – определяется тем, что имеется стремление к созданию кодификации законов. Иван Третий осуществил эту идею путем принятия в 1497 году Судебника, сыгравшего значительную роль в формировании русского права. С. В. Юшков отмечает, что Судебник – это «сборник великорусского права, где в первый раз и с достаточной последовательностью выявлены черты правового строя великорусского государства» [26. С. 172].

Кульминацией систематизации русских законов является принятие Соборного Уложения в 1649 году, регламентировавшего все отрасли права: гражданское (обязательственное, наследственное, земельное), уголовное, административное и процессуальное право. Свод законов резюмировал основные направления в формировании российского права того времени. «Именно в этот период стала складываться традиция единовластия, обусловленная подчинением русских земель единому центру» [9. С. 33].

В период Российской империи виды актов законодательства имели различные названия: указы, учреждения, регламенты, уставы. В это время общество переживало сильные изменения, в результате которых произошло столкновение с рационалистической концепцией западных стран. Предпринималась попытка создать российский Гражданский кодекс по подобию Кодекса Наполеона в Германии, но она оказалась неудачной. Т. В. Шатковская подчеркивает: «В целом официальные акты органов власти Российской империи не были свободны от влияния русских правовых традиций. Российское государство образовано на основе традиционного общества, ориентированного на ценностно-рациональный способ жизнедеятельности» [24. С. 20].

В советский период право характеризовалось тем, что почти полностью не признавало правовой опыт, существовавший до Октябрьской революции 1917 года. «Правовые нормы гражданского права подверглись радикальному пересмотру с позиций коммунистической идеологии» [15. С. 22]. Определенные традиции осознанно искоренялись большевиками, например, взаимодействие церкви

и государства. Обращаясь к этому примеру, можно понять, что традицию нельзя уничтожить, ее можно скрыть, а потом она снова может проявиться в связи с изменением обстановки в обществе. Суть правовой системы данного периода заключается в определенной идеологии марксизма-ленинизма того времени, вследствие чего и разрабатывались различные правовые, социальные и экономические программы.

Заключительный этап развития правовой системы связан с принятием Конституции РФ в 1993 году. Последствием этого стало принятие новых кодифицированных актов – Гражданского, Налогового, Трудового, Гражданского процессуального, Арбитражного процессуального, Уголовного, Уголовно-процессуального, Земельного, Градостроительного, Жилищного, Бюджетного, Семейного, Уголовно-исполнительного и некоторых других кодексов.

Главной особенностью этого периода является то, что был установлен приоритет международного гуманитарного права над национальным и выстраивание системы источников права, свойственных западным вариантам континентальной правовой семьи [15. С. 25].

К. В. Арановский пишет, что «...конституцию нужно понимать как традицию» [4. С. 139]. Он рассматривает Конституцию в качестве государственно-правовой традиции и резюмирует следующее: «Государственно-правовая традиция представляет собой исторически сложившееся, выраженное в устойчивых навыках нормативно-целостное правообразование, обусловленное религиозными или светскими верованиями, мировоззрением, чувствами, качеством потребляемой информации и восприятия, понимания права, власти, государственности. В таком содержании государственно-правовая традиция позволяет людям жить и действовать в политически устроенном, упорядоченном правом обществе. Качествами государственно-правовой традиции являются: вмешательство мифологии в образование политико-правовых убеждений и образов, качества мировоззрения, состав ценностей, принципов, идей, положенных в основание государственного права, навыки правового и неправового поведения, свойства восприятия, способы интерпретации явлений, состояние и подвижность эмоциональных состояний и реакций, вовлеченных в государственное право и др.» [4. С. 67].

Таким образом, правовые традиции сохраняют итоги прежней правовой деятельности, результаты, которые помогают избежать ошибок, допущенных ранее, и преобразовать правовую систему. Правовые традиции представляют собой тот основополагающий элемент развития и функционирования российской правовой системы, повлиявший на своеобразие, самобытность России и ставший элементом правовой культуры и менталитета.

Правовой системе свойственны две противоположные тенденции: к сохранению текущего положения в обществе и государстве и к непрерывному совершенствованию. Так, традиции, в том числе и правовые, играют важную роль в появлении различных инноваций. Правовые инновации не являлись бы инновациями без правовых традиций, так как в таком случае они бы потеряли возможность быть представленными как инновации. «Мы не должны забывать, что нечто, прежде чем стать традицией, когда-то было новацией, а новации когда-то будут традициями» [6. С. 145].

«Под правовой инновацией предлагается понимать внедренное в правовую систему новшество, качественно улучшающее ее элементы с целью гармонизации действующего права» [11. С. 50]. В настоящее время инновациями в юриспруденции являются IT-достижения, используемые при оказании юридических услуг. Например, можно назвать следующие услуги:

- 1) возможность общаться клиентам со своими юристами удаленно и круглосуточно, оплачивать предоставляемые услуги с помощью электронных систем;
- 2) перевод документов в электронную форму с максимальной защитой конфиденциальной информации, переписок, баз данных;
- 3) электронное сотрудничество с административными органами, судебными учреждениями, органами управления;
- 4) обеспечение юридических онлайн-платформ специальными грамотными поисковыми роботами и чат-ботами, в том числе и голосовыми.

Особое внимание можно уделить процессу правовой глобализации в юриспруденции. Глобализация значительно влияет на всю правовую систему посредством того, что право обретает новый смысл. Оно превращается в национально-международное формирование, воплощая в себе интернациональную интеграцию, что представляет собой одну из задач становления современного права в пределах границ глобализации.

Т. А. Кулизаде отмечает: «Правовая глобализация является интеграционным процессом, отражающимся во всех отраслях системы права, сущностью которого является установление единых правовых норм и стандартов правоприменения, а также создание наднациональных правоохранительных структур экстерриториальной юрисдикции» [10. С. 3].

Процесс глобализации является неоднозначным, имея как положительные, так и отрицательные стороны. К позитивным правовым моментам можно отнести то, что с помощью глобализации происходит облегчение обмена опытом и правовыми знаниями между государствами, их объединение для решения глобальных проблем в области прав и свобод человека.

К отрицательным последствиям глобализации относится большая зависимость от правовых систем западных стран, а также усложнение проблем, которые связаны с уменьшением национальной самобытности государств и неготовностью сразу принять новые тенденции в процессе глобализации. Также внутри самого государства может появиться дисгармония в национальной системе законодательства, когда начинается быстрое введение в глобализационные процессы.

«Вступление Российской Федерации в процессы правовой глобализации является позитивным, прогрессивным шагом, создающим огромные потенциальные перспективы (такие как интеграция в мировое сообщество в качестве равноправного субъекта, развитие политико-правового и экономического сотрудничества с различными государствами, сбалансированное развитие политической, правовой, экономической, а также системы социального обеспечения в целом)» [14. С. 34].

Глобализация существенно влияет на правовые традиции. Это проявляется через следующее:

- 1) глобализация систематически преобразовывает менталитет субъектов права, которые должны привыкать к новым правовым ценностям;

2) стимулируется развитие правовой системы, что связано с принятием большого количества нормативных актов;

3) изменение экономической действительности стимулирует активное развитие отраслей права, связанных с финансами, интеллектуальной собственностью, предпринимательством.

Таким образом, российская правовая система под влиянием процессов глобализации проходит через определенные противоречия между собственными правовыми традициями и международным воздействием.

В правовой системе России имеются примеры внедрения инноваций: «Это была не отмена старого акта и создание совершенно нового, абстрактно придуманного, а постепенное угасание древнего источника, наложение на него современного толкования, сохранение старой (как правило, обычной) правовой почвы, в силу чего ведущим методом правотворчества становится рецепция содержания действовавших памятников – как русских, так и иностранных» [19. С. 370].

Однако не всегда что-то новое можно оценивать как правовую инновацию, способную улучшить действующее законодательство. Можно привести пример ювенальной юстиции (система организаций, которая осуществляет правосудие по делам о правонарушениях, совершаемых несовершеннолетними), когда правовая инновация не смогла внедриться в правовую систему. В начале XXI века активно велась работа по ее принятию. Но проект по изменениям в законодательстве вызвал со стороны общества сопротивление.

Существуют основные направления правовых инноваций, например, предметно-правовое направление инноваций характеризуется формированием новых элементов в правовой системе – отраслей, источников, принципов, норм, институтов. В пределах границ преобразования судебной системы В. М. Розин представляет деятельность судов с применением инноваций. По его словам, судебная система «не столько создает новые образцы юридических действий, сколько способствует восстановлению права и законности в сфере юридической практики, одновременно повышая культуру работы и мышления судей» [17, 19].

Таким образом, правовые инновации в современной юридической науке рассматриваются как эффективное средство улучшения правового регулирования. Инновации в правовой системе выражаются в новой идее, которая впоследствии способствует совершенствованию правовой системы и юридического механизма.

Правовые инновации выполняют положительную роль в том случае, когда развивают и дополняют правовые традиции, когда они «...обладают способностью воспринимать и аккумулировать все то лучшее, подлинно гуманное, что выработано в ходе многовекового правотворческого процесса, а также отвечает назревшим потребностям общественной жизни» [25. С. 19].

Заключение. Обобщая все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам:

1. Правовые традиции и новации в современной юридической науке являются основой формирования и развития правовой системы любого государства, включая в себя правовые ценности, идеи, концепции и доктрины.

2. Правовые традиции и новации являются тесно взаимосвязанными и взаимодополняющими между собой понятиями. Инновации отвечают за совершенствование правовой системы, а традиции – за функционирование.

3. Правовые традиции помогают сохранить итоги и результаты правовой деятельности в прошлом, которые помогают избежать ошибок, допущенных ранее, и преобразовать правовую систему. Правовые традиции представляют собой тот основополагающий элемент развития и функционирования российской правовой системы, повлиявший на своеобразие, самобытность России и ставший элементом правовой культуры и менталитета.

4. С «правовыми традициями» тесно связаны понятия «правовые ценности» и «правовая культура». Правовые ценности посредством правовых традиций передаются из поколения в поколение и воссоздают право любой страны и народа в его специфике и уникальности. Вопрос о соотношении «правовых традиций» с «правовой культурой» в юридической науке является весьма дискуссионным, имеются разные точки зрения на этот счет.

5. Процесс глобализации имеет огромное влияние на всю правовую систему посредством того, что право обретает новый смысл. Правовая система под воздействием процессов глобализации проходит через определенные противоречия между собственными правовыми традициями и международным воздействием.

6. Правовые инновации представляют собой один из способов преобразования правовой системы. Чтобы инновации были успешно приняты и внедрены, должны быть соблюдены определенные условия.

Список литературы

1. Glenn H. P. Legal Cultures and Legal Traditions.
2. Watson A. Legal Culture v Legal Tradition // Epistemology and methodology of comparative law / edited by Mark van Hoecke. Oxford. 2004. P. 1.
3. Алексеев С. С. Теория права. М. 1995.
4. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
5. Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2002.
6. Веденеев Ю. А. Юриспруденция традиций и новаций эпохи постмодерна в поисках себя // LexRussia. 2024. № 1. Т. 77.
7. Гао Хунцзюнь. Правовая культура: понятие, значение и китайская перспектива.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1999.
9. Дорская А. А. Основные этапы формирования государственно-правовой традиции в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 2(106).
10. Кулизаде Т. А. Правовая глобализация: понятие и содержание // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1(67). Ч. 2.
11. Курышев Е. Ю. Содержание правовой инновации // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 3.
12. Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Т. II.

13. Летопись российской юридической науки: в 5 т. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция», 2023. Т. III.
14. Макогон Б. В. Процессы глобализации в современном праве и их проявление в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015.
15. Медушевский А. Н. Российская правовая традиция – опора или преграда? М., 2014.
16. Пашенцев Д. А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридические науки. 2016. № 1.
17. Розин В. М. Проблема инновационного творчества российских судей // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации. М.: Эдиториал УРСС, 2013.
18. Сергеева Т. Н. Правовые ценности и правотворчество в современном праве // Московский юридический журнал. 2018. № 3.
19. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2010.
20. Синюков С. В. Механизм правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
21. Скоробогатов А. В. Правовая традиция как культурная матрица // История государства и права. 2024. № 2.
22. Сонин В. В. Правовая культура и правовая традиция в их соотношении // Правоведение. 2014. № 2(313).
23. Цветикова Т. Н. Правовая культура, традиции и обычаи: их соотношение и взаимодействие // Юридические науки. 2022. № 2.
24. Шатковская Т. В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4.
25. Швеков Г. В. Преемственность в праве (эксплуататорские системы). М.: Высш. шк. 1983.
26. Юшков С. В. История государства и права СССР.

А. В. Скоробогатов,

доктор исторических наук, профессор,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Цель статьи состоит в философско-правовом исследовании категории «цифровые права человека». Цифровой поворот привел к появлению пятого поколения прав человека. Речь идет о совокупности прав человека в виртуальном пространстве, которые эксплицируют цифровые потенциалы личности в правовой коммуникации. Эти права получили название «цифровые права человека».

Действия цифровых прав основаны на их добровольном принятии субъектом правовой коммуникации. Наиболее значимым среди них является право на забвение, которое связано с обеспечением кибербезопасности.

Ключевые слова: цифровые права человека, правовая коммуникация, правовое взаимодействие, поколения прав человека, цифровое право, цифровое бытие человека, право человека на забвение

THE NATURE OF DIGITAL HUMAN RIGHTS: PHILOSOPHICAL AND LEGAL RESEARCH

Abstract. The purpose of the article is to conduct a philosophical and legal study of the category of "digital human rights". The digital turn has led to the emergence of the fifth generation of human rights. This is a set of human rights in the virtual space that explicate the digital potential of the individual in legal communication. These rights are called "digital human rights". The action of digital rights is based on their voluntary acceptance by the subject of legal communication. The most significant among them is the right to be forgotten, which is associated with ensuring cybersecurity.

Keywords: digital human rights, legal communication, legal interaction, generations of human rights, digital law, digital existence of a person, the human right to be forgotten

Введение. Современное общество переживает цифровой поворот, главным катализатором которого является бурное развитие компьютерных технологий. В науке под цифровым поворотом понимается «состояние изменения методологических подходов к получению нового знания в результате появления электронного (цифрового) типа социальной коммуникации» [4. С. 15]. Все больше сфер социального бытия подвергаются оцифровке и вторжению цифровых технологий и искусственного интеллекта. Получает широкое распространение использование социальных сетей, электронной коммерции и телематической деятельности как на уровне государственных и частных организаций, так и в личной сфере. Это не только приводит к трансформации социальных и правовых взаимодействий, но и порождает новые коммуникативные возможности для человека в его индивидуальном, коллективном и виртуальном образе, которые привели к формированию цифрового (информационного) общества.

Однако цифровое общество подразумевает нечто большее, чем только Интернет, и включает в себя набор социальных, экономических, культурных и правовых взаимосвязей, в которых информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) посредством огромного разнообразия устройств, инструментов и инфраструктур позволяют производить, распространять и обрабатывать информацию. Благодаря развитию цифровых технологий ИКТ присутствуют во многих видах деятельности человека, не только при автоматизации многих процессов в организациях, но и в задачах личного и социального характера.

Основная часть. Расширение роли ИКТ сопровождается существенными изменениями в организации и функционировании социальной реальности, на первое место в которой выступает транснациональная безопасность человека. В этих условиях не только происходит возникновение новых прав человека, связанных с использованием информационных технологий, но и встает вопрос об их природе.

Традиционно права человека рассматривались через призму достижения баланса между интересами человека в его индивидуальном и коллективном выражении и государства в процессе их взаимодействия в социальной реальности. Речь шла о создании механизма обеспечения безопасности человека и предоставления ему возможности реализовать свои потенции в соответствии с предоставленными ему возможностями, а также достижении конституционного равновесия [13]. Большую роль при этом играл источник происхождения прав человека (природа или государство), который определял потенциальные возможности политической власти легально ограничить действие этих прав. Примером может служить ст. 48 Конституции Германской империи 1919 г., предусматривающая право президента приостанавливать действие прав человека в случае введения чрезвычайного положения [1].

С появлением Интернета, а затем социальных сетей возникла принципиально новая среда социального взаимодействия, которая носит не просто экстерриториальный, а транснациональный характер [2]. Это позволяет говорить об их универсальности, хотя последняя может существовать лишь в информационном обществе. Возможности виртуального взаимодействия опосредованы не только действиями субъекта (человека, социальных групп, государства, международных организаций), но и зависят от технических условий функционирования новой коммуникативной среды, архитектура которой в значительной степени определяется транснациональными корпорациями, производителями, продающими и управляющими продуктами и услугами цифровых технологий, например, Google. Как следствие, изменяются источники формирования прав человека, которые приобретают не только социальный, но и технический характер.

В этой связи на повестку дня встает вопрос о природе прав человека в современном обществе и о степени их тождественности правам, выделенным наукой ранее. Наиболее целесообразным нам представляется рассмотреть этот вопрос через призму концепции поколений прав человека, которая в наибольшей степени учитывает не только содержание этого явления, но и их происхождение и природу.

Классическая теория поколений прав человека сложилась в середине 1970-х гг. «В зависимости от природы права человека были разделены на три поколения: (1) личные (гражданские) и политические права; (2) экономические, социальные и культурные права; (3) коллективные права (или, выражаясь словами основоположника теории К. Васека, «права солидарности») [19]. В конце XX в. наряду с тремя классическими правами человека был поставлен вопрос о четвертом поколении, появление которого было вызвано расширением пределов правового регулирования и вторжением в жизнь человека результатов биологических и технологических инноваций [7. С. 123].

В группу прав человека «четвертого поколения» следует включить: права личности в информационной сфере, т. е. права, связанные с цифровым бытием человека в социальной реальности (информационные права личности); права личности на социальную идентификацию, связанные с обеспечением социальных и правовых гарантий самоотождествления человека с определенным социумом и формированием его безопасного взаимодействия как с членами данного социума, так и с иными лицами в процессе межгрупповой коммуникации и др.

Однако обозначенные права эксплицируют социальное бытие человека и в настоящее время уже не охватывают все стороны жизни общества. Процессы информатизации и виртуализации общественных отношений и социальной коммуникации не только позволяют говорить о формировании принципиально новой среды взаимодействия человека с иными лицами, социальными группами, обществом и государством, которую можно обозначить как цифровое бытие человека, но и о появлении новых прав и обязанностей, которые существуют лишь в виртуальном пространстве. Речь при этом идет не просто о расширении пространства действия позитивного и социального права, а о формировании совершенно иных правил взаимодействия, не имеющих аналогов в физическом мире (цифровое право).

Это ставит на повестку дня вопрос о необходимости разработки механизма защиты индивидуальных и социальных интересов человека в виртуальном пространстве [14. Р. 21]. Одним из перспективных направлений такой деятельности нам представляется разработка теории пятого поколения прав человека. Эти права эксплицируют цифровые взаимодействия человека, юридических лиц, общества и государства. Для обозначения таких прав используется понятие «цифровые права человека» (киберправа). Содержание этого вида прав составляют возможности человека действовать и реализовывать свои потенции в киберпространстве. Выделение этих прав призвано защитить интересы человека в виртуальном пространстве и социальной реальности.

Появление новой категории прав детерминировано угрозами, которые несет возросшая возможность обмена информацией.

Во-первых, речь идет об угрозе конституционной идентичности личности со стороны других лиц (индивидуальных и коллективных, включая государство и международные организации). Примером могут являться клевета, разжигание ненависти, киберзапугивание, детская порнография, которые не только конструируют новый цифровой образ человека, но и ведут к разрушению и даже полному уничтожению личности индивида в виртуальном пространстве.

Во-вторых, существуют технические возможности блокировать или ограничивать передачу информации, которые могут использоваться не только лицами, ответственными за разработку и модерацию контента, но и политическими субъектами, например, государством. Последнее с целью защиты конституционного строя может придать своим действиям характер не только легальности, но и легитимности [11]. При этом возникает коллизия между осуществлением человеком своих прав и национальной безопасностью. Для России эта коллизия в соответствии с архетипами соборности и этатизма традиционно решается в пользу общих интересов, выразителем которых является государство.

В-третьих, поскольку информация может быть конфиденциальной и (или) может включать личные данные, незаконный доступ к такому контенту может нарушить права, направленные на защиту личной сферы человека. Противодействие таким угрозам может выражаться не только в распространении действия нормативных запретов на виртуальное пространство, но и в противодействии распространению недостоверной информации в Интернете. Примером реализации первого направления могут служить нормы уголовного права, запрещающие «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй

мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны» (ч. 1 ст. 354.1 УК РФ [9]). Для легализации и институализации второго направления в нашей стране предусмотрено создание единой системы противодействия распространению недостоверной информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [6].

В-четвертых, угрозу человеку несет потенциальная возможность оператора незаконно использовать (в т. ч. путем передачи) информацию, затрагивающую персональные данные человека. Противодействие подобным действиям предполагает необходимость создания правового и технического механизма их недопущения [12].

В значительной степени специфика правовой природы цифровых прав человека связана с особенностью регулирования отношений в виртуальном пространстве. В отличие от социальной реальности, где конструирование правовых норм преимущественно осуществляется на основе вертикальной коммуникации, в виртуальной среде формирование правил взаимодействия между субъектами происходит в процессе горизонтальной коммуникации. Правовые нормы в этом случае представляют собой конвенциональный результат взаимодействия равноценных субъектов в сфере достижения бесконфликтного сосуществования в пределах виртуального сообщества, с которым себя идентифицируют субъекты конкретного коммуникативного акта. Даже в случае создания правила поведения в виртуальной среде одной из интернет-платформ, ее соблюдение и распространение осуществляется не столько путем принуждения, сколько в форме их добровольного признания субъектами виртуального взаимодействия [18]. Это позволяет рассматривать данный вид коммуникации как квазигоризонтальный. «Однако в отличие от классической формы горизонтальной коммуникации при квазигоризонтальной коммуникации главным является не столько форма, сколько смысл, восприятие которого адресатом является не точным отражением значения, заложенного в него адресантом, а “добровольным принятием, основанным на ценностном суждении”» [8. С. 190]. Однако это «добровольное принятие» является не априорным, а зависит от авторитета адресанта [19. Р. 121].

Следует различать информационные и цифровые права человека. Первые являются продолжением прав человека в социальной реальности и регулируются нормами национального и международного права. Последние же связаны с реализацией непосредственно в виртуальном пространстве и эксплицируют цифровые потенции правовой коммуникации. Особенностью цифровых прав является ценностный характер, детерминирующий диспозитивность действия, основанную на их добровольном принятии. В этом смысле цифровые права можно рассматривать в качестве правовых принципов [9], определяющих основы организации, функционирования и развития виртуальной реальности. Главным при этом является готовность субъекта не только к равноправному взаимодействию с иными лицами, но и потребность в создании и соблюдении правил поддержания бесконфликтного сосуществования в виртуальном сообществе (специфичной форме номинальной социальной группы), с которым себя идентифицирует индивид.

Е. Х. Кова Фернандес приводит авторскую концепцию цифровых прав: право на примирение семьи и работы; право на постоянное обновление основных

и юридических прав в информационном обществе; право на обучение и грамотность в области цифровых, медийных и информационных навыков; право на объединение (цифровые сообщества и т. д.); право на нейтралитет в Интернете; право на доступ, исправление, аннулирование и возражение на использование персональных данных; право на свободный и равный доступ к услугам связи и информации; право на соответствующее, простое и полное взаимодействие с государственными и частными административными учреждениями; цифровая идентификация; конфиденциальность, защита персональных данных и кибербезопасность; право на равное участие в цифровом мире; обеспечение сетевого нейтралитета; право на специальную защиту несовершеннолетних, людей с функциональным разнообразием, пожилых людей (неблагополучных и/или уязвимых людей) в цифровом мире; право на цифровое включение; право на равные возможности в цифровой экономике, производстве и распространении информации и на рынке труда; право на данные о праве защиты; содействие обмену знаниями и творчеством: свободное программное обеспечение и технологическое развитие; этическое использование искусственного интеллекта; цифровое наследие; эффективное возмещение ущерба и доступ к правосудию в случае нарушения цифровых прав; право на прозрачность и ответственность при использовании алгоритмов; право подавать апелляцию и требовать пересмотра человеком автоматизированных решений, принятых экспертными системами или другими типами технологий; право на защиту цифрового наследия культуры, языка, истории человечества [15. Рр. 75–76].

В настоящее время наибольшее значение среди цифровых прав человека имеет *право на забвение (право быть забытым)*. С одной стороны, это право уже получило регламентацию в национальных и международных нормативных правовых актах [16] и судебной практике [5]. Понятие «право на забвение» определяет возможность личности контролировать свои данные, актуализируя их содержание, и требовать их блокировки или удаления, а также обязанность лиц, владеющих ресурсами хранения информации или модерлирующих такие ресурсы (операторов), уточнить, заблокировать или удалить информацию личного характера (ссылки на информацию) по требованию ее автора. Несмотря на то, что оператор выступает адресантом правовой коммуникации, в случае реализации человеком как адресатом правовой коммуникации своего права на забвение происходит инверсия субъектов. Автор персональных данных, обращаясь с требованием удаления информации о себе, выступает активным субъектом коммуникации, т. е. превращается в адресанта вертикальной коммуникации, в то время как оператор, на которого возлагается обязанность ее удаления, становится пассивным субъектом, т. е. адресатом.

Наряду с требованием человека удалить персональные данные, возможны и иные формы реализации права на забвение оператором, среди которых можно обозначить: отсутствие необходимости хранения такой информации; отзыв автором своего согласия на обработку персональных данных; юридически обоснованное возражение человека против обработки данных относительно себя; незаконный характер обработки персональных данных; наличие установленных законом обязательств для уничтожения персональных данных – по истечении срока, если сбор персональных данных носил временный характер. Хотя в Федеральном законе «О персональных данных» право на забвение нормативно не определено, при

характеристике права субъекта персональных данных на доступ к его персональным данным предусмотрены их блокировка или уничтожение в случае их искажения (ч. 1 ст. 14).

Заключение. Таким образом, переживаемый современным обществом цифровой поворот породил принципиально новые права человека, которые можно обозначить термином «цифровые права человека» (киберправа), представляющие собой совокупность прав человека в виртуальном пространстве и эксплицирующие цифровые потенции правовой коммуникации. Цифровые права имеют ценностный характер и предполагают диспозитивное действие, основанное на их добровольном принятии. По своей природе и особенностям действия цифровые права можно рассматривать как права человека пятого поколения. Несмотря на большое число выделяемых в науке цифровых прав, наиболее урегулированным как в международном праве, так и в национальных правовых системах является право на забвение, связанное с обеспечением безопасности киберкоммуникации.

Список литературы

1. Конституция Германской империи (11 августа 1919 г.) // Конституции буржуазных государств. М.; Л.: Госсюцгиздат, 1935. – Т. 1: Великие державы и западные соседи России. С. 83–115.
2. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 140–145.
3. Лонская С. В. Цифровая история права: начала методологии // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2(1). С. 14–33. EDN: CFNAHC.
4. Оганесян Т. Д. Правовые основы, пределы и стандарты применения права быть забытым: опыт Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 3. С. 750–767.
5. Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций «Диалог Регионы» на создание и обеспечение функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов: Постановление Правительства РФ от 16.11.2020 № 1844 (ред. от 09.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 47. Ст. 7545.
6. Прокопович Г. А. Современный подход к классификации прав и свобод человека и гражданина // Право: история и современность. 2019. № 2. С. 118–124.
7. Самохина Е. Г. Право и нарратив. Предисловие к лекции Дж. Элкинса «В чем суть нарративной юриспруденции?» // Правоведение. 2011. № 6. С. 186–193.
8. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Философско-правовая природа правового принципа: методологические проблемы исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2020. Т. 24, № 3. С. 547–571.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.
11. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.
12. Alexy R. The Construction of Constitutional Rights // Law & Ethics of Human Rights. 2010. Vol. 4, № 1. Pp. 21–32.
13. Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London, New York: Routledge, 2023. xii, 242 p.
14. Cova Fernández E.J. Derechos Humanos y Derechos Digitales en la Sociedad de la Información // Revista DH/ED: derechos humanos y educación. 2022. № 6. Pp. 61–80.
15. Lambert P. The Right to be Forgotten. London; New York; Dublin: Bloomsbury Professional, 2022. xxxvi, 525 p.
16. Perelman Ch. Justice, Law, and Argument: Essays on Moral and Legal Reasoning. Dordrecht; Boston: Reidel, 1980. xiii, 188 p.
17. Suzor N. Digital constitutionalism: Using the rule of law to evaluate the legitimacy of governance by platforms // Social Media and Society. 2018. Vol. 4(3). Pp. 1–11.
18. Vasak K. A 30-year struggle: The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // The UNESCO Courier: a window open on the world. 1977. Vol. XXX. Iss. 11. Pp. 28–29, 32.

В. С. Кононов,

магистр частного права, аспирант,

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ТЕОРИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Аннотация. В статье раскрываются закономерности, связанные с системой органов публичной власти, влияние на нее технологических укладов, выделены внутренние связи в системе органов, их влияние на правосубъектность органов публичной власти, раскрыт подход постклассической теории на природу и состав такой правосубъектности, рассматриваются признаки органа публичной власти как субъекта права.

Ключевые слова: закономерность в праве, конструктивизм, мем, орган публичной власти, постклассическая теория права, правосубъектность, правоспособность, субъект права, юридическая воля

THE THEORY OF PUBLIC AUTHORITY LEGAL PERSONALITY: INFLUENCE OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS

Abstract. The article reveals the patterns associated with system of public authorities, the influence of technological structures on it, highlights internal

connections of the system of authorities, their influence on the public organs legal personality, reveals the approach of postclassical theory to the nature and structure of such legal personality, examines the characteristics of a public authority as subject of law.

Keywords: consructivism, legal personality, legal capacity, legal will, meme, postclassical theory of law, public authority, regularity in law, subject of law

Научный подход к изучению государственно-правовых явлений, в том числе и правосубъектности органов публичной власти, связан с выделением закономерного и формированием нового знания, выраженного в понятиях. Закономерность имеет разные дефиниции в гуманитарных науках, общим для определений является использование сформулированных в философии признаков – «относительно устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями» [15. С. 38]. Правовая закономерность в доктрине формулируется как объективная и систематически повторяемая взаимосвязь фактов и явлений в сфере государства и права, которая является менее «императивной формой», чем закон, и не влечет неизбежных последствий [4. С. 7].

Общие закономерности служат основанием для применения к государственно-правовым явлениям системного подхода. В рамках общей закономерности выделяются единичные связи, которые обладают индивидуальными признаками и могут формироваться случайно. Таковой является связь инновации технологического уклада и выделения новых (или изменения существующих) функций государства, что может приводить к созданию органов или расширению функций действующих органов.

Сущностной (общей) причиной создания в социальной структуре органов государства являются объективные потребности усложняющегося общества, когда рост социальной системы потребовал создания вертикальной структуры [13. С. 85–86]. Подобные тенденции действуют в условиях пятого и шестого технологических укладов.

Со второй половины XX в. формирование информационного общества сопровождается ускоренным преобразованием институциональных основ правопорядка. «Цифровая революция» поставила вопрос об изменении субъектов права и сути правоотношения» [6. С. 19]. В западных странах отмечается усложнение механизма государства, наделение публичными функциями субъектов, традиционно не включаемых в него. Развитие цифровых технологий может привести к революционным изменениям в правовой сфере, связанных с сокращением участия государства в имущественных отношениях как контролирующего органа [30. С. 26]. Складывается несколько моделей государства: виртуального, сетевого, сервисная концепция. Первая из них признается эволюционным изменением торгового государства [42], в нем информация становится ведущим фактором и вытесняет в сфере управления материальные факторы. Однако пока рано говорить о существенном изменении доминирующей роли публичных властных институтов в правовой регламентации экономических отношений [39], поэтому сохраняют актуальность вопросы природы органов публичной власти, их системы и правосубъектности.

В современном обществе органы публичной власти признаны элементами механизма государства при статичном и при динамическом понимании этого понятия. Последний подход описывает органы как элементы функционирующей системы, учитывает совокупность взаимосвязей и взаимодействий между ними. Это позволяет выделять дее- и деликтоспособность органов публичной власти, тогда как в статичном подходе изучается только правоспособность.

Между функциями и задачами государства, организацией системы органов и их правосубъектностью существует закономерная связь. На них оказывают влияние инновации технологического уклада, которое не всегда имеет прогрессивные последствия. Так, в США в середине XIX в. технологическое усовершенствование процесса обработки хлопка-сырца способствовало сохранению рабовладения.

Связь между правом, публичной властью и государством отражена в положении: государство является правовой формой публичной власти. Это отражает правовой характер формирования и деятельности органов государства. Для системы органов публичной власти необходимо выделение элементов (органов) и обеспечение их самостоятельности, для этого используется правосубъектность.

В государственно-правовой сфере можно выделить не только связи жесткой детерминации, имеющие однозначный характер, но и вероятностные (статистические) связи. Первый подход использован в гегелевской концепции государства, в которой организм государства признан объективной субстанциональностью необходимости [5. С. 291], его деятельность реализуется в функционировании властей, разделенных для публичной свободы, но признано, что в их единстве заключен внутренний суверенитет, который раскрывается как осознание государством своей личности [5. С. 320]. Такое построение не охватывает связи, важные для сложноорганизованных, саморазвивающихся систем с органами власти и формирующей их правосубъектность правовой системой.

Более глубокие связи выделены [32. С. 83] между территориальным публичным коллективом, публичной властью и ее органами. Они выражены в положении: осуществление общих дел и реализация общих интересов в социуме возможны только при определенной социальной организации, когда формируется «общая воля» и социальная власть; первая выражается членами социума непосредственно или через создаваемые органы. Публичный и легальный характер власти органов государства обусловлен возникающими в обществе отношениями по поводу потребностей жизнеобеспечения людей [33. С. 26]. Необходимо отметить влияние на эти связи технологических укладов, «технологические новации становятся ведущим фактором глобального общественного развития, создавая предпосылки для утверждения социума нового типа» [9. С. 13].

Изучение правосубъектности органов возможно с позиции понимания взаимодействия явлений как причинно-следственного процесса, где от функции его стороны зависит выделение причины. Необходимость создания органа публичной власти (элемент системы) вызывается выделением функции государства. Орган государства признается европейскими учеными системой властей [38. Р. 64], публичная власть – правовой организацией [37. Р. 173], институтом [37. Р. 174], системой правовых отношений (позиций) между людьми, частью правовой организации общества. В отечественном законодательстве используются термины, отража-

ющие системное понимание публичной власти. В последней выделяются неделимые элементы (органы) и отношения между ними. Применительно к органу единство и неделимость имеют правовую форму – субъект права.

В системе все элементы служат целому, а целое – каждой части, поэтому правосубъектность органа включает возможности осуществления правосубъектности публично-правового образования. Отношения между публичной властью (системой) и ее органами (элементами) образуют структуру, которая отражает единство расчлененности и связанности элементов между собой и с системой через функции. Взаимодействие органов, наделенных правосубъектностью, связано с сущностью – публичной властью, а отношение между ними – с системным характером осуществления этой власти.

Можно выделить в системе сложные взаимосвязи: организованность публичной власти (система) зависит от разнообразия органов, оно влияет на уровень сложности и требует упорядоченности системы. Исключение органов местного самоуправления из системы государственной власти при закреплении единства публичной власти можно рассматривать как усложнение последней – относительное противопоставление ее частей, наблюдаются существенные изменения ее территориальных, организационных и компетенционных основ [14. С. 21]. Проведение административных реформ в европейских странах и России проявило тенденции развития публичной власти: усиление ее сложности, расширение видов связей между органами и ослабление упорядоченности системы [20. С. 14]. При этом обнаружилась потребность в механизме внедрения новых технологий, имеющих инновационный характер [1. С. VII].

Основой единообразия связей между органами и упорядоченности системы публичной власти можно считать правосубъектность ее органов. Наделение их функциями обеспечивает организованность системы. Органы публичной власти, используя правосубъектность, связаны с системой функционированием. Упорядочение функционирования элементов системы органов происходит с помощью целей и программ, но эта закономерность не всегда учитывается применительно к органам и не используется весь потенциал правосубъектности.

В отношениях между системой и ее элементом выделяют регуляционную и управляемую подсистемы, орган регуляции с функцией сохранения системы. Атрибутом первой является упорядоченность, второй – организованность. Отличительным признаком регуляционного отношения является подчинение, оно обеспечивает сохранение системы. Управление выделяется в рамках отношения «орган управления – элемент системы», для него также необходимо подчинение элемента системы органу регуляции. Подчиненность органов публичной власти имеет первостепенное значение, поскольку оно необходимо для сохранения публичной власти, а отсутствие их подчиненности исключает управляемость системы в целом. Информационные технологии позволяют повысить эффективность контроля за деятельностью органов с целью обеспечить их подчиненность.

При использовании системного подхода можно выделить сущностные характеристики органа публичной власти: он, являясь субъектной формой публичной власти, реализует ее, находясь в «вертикальных» и «горизонтальных» отношениях с другими органами, для чего использует правосубъектность.

Кроме приведенных внутренних связей и закономерностей системы органов, можно выделить закономерности в рамках внешних связей. Ряд внешних факторов обуславливают формирование правосубъектности органа публичной власти. Для их изучения важен принцип междисциплинарных исследований. Концептуальная модель, описывающая зависимость государственно-правового развития, эволюции политико-правовых явлений от технологического фактора, была предложена М. В. Залоило; на ее основе реализуется исследовательская программа изучения закономерностей правового регулирования в целом и динамики правовых норм под влиянием технологических укладов [16, 17]. Полагаем, что частью такой программы может стать изучение закономерностей правосубъектности органов публичной власти. Влияние на нее технологических укладов подтверждается исторически. В период первого технологического уклада (вторая половина XVIII в. – 1880 г.) в России произошла трансформация модели формирования органов государства. Становление технологического уклада вызвало изменение представлений о роли государства, менялись функции его органов, их положение в системе власти. Во втором технологическом укладе (доминировал в середине XIX в.) инновации в технологиях и новые способы осуществления экономической деятельности, проведение реформ привели к изменению модели участия государства в общественных отношениях и системы органов государства. В третьем технологическом укладе (преобладал с 80-х годов XIX в. и до 40-х годов XX в.) при возрастании роли крупных предприятий наблюдались противоречивые тенденции в формировании разных моделей участия государства в социально-экономических отношениях. В доктрине началось формирование конструкта правосубъектности органа государства, конструкции права органов государства на публичное имущество, что повлияло на содержание их правосубъектности. В четвертом укладе (1930–1990 гг.) расширилось участие государства в научной и промышленной сферах. В доктрине завершилась разработка элементов конструкта правосубъектности, они были применены к органам государства. В пятом технологическом укладе (1970–2020 гг.) происходит существенное изменение модели участия государства в отношениях. Можно отметить противоположные тенденции: с одной стороны, объективная обусловленность интеграционных процессов государств (для развития инноваций необходим определенный объем рынка, т. е. население, промышленность и т. д.), с другой – защита каждым государством своего суверенитета, в том числе экономического и технологического. Учеными был поставлен вопрос о разработке модели правового регулирования инновационной деятельности [21]. Шестой технологический уклад только формируется, прогнозируются инновации – использование гибких автоматизированных систем, информационных технологий, которые рассматриваются как ядро уклада. Цифровизация влияет на государственно-правовую сферу [29. С. 87], актуальность приобретают обеспечение суверенного права государств на регулирование информационного пространства, расширение диспозитивного правового регулирования, что влияет на правосубъектность органов публичной власти.

При изучении правосубъектности органа публичной власти с учетом влияния инноваций важно применение положений постклассической теории права о многомерности права, сконструированности правовой реальности, релятивизме и неопределенности [31. С. 105], принципа антропоцентризма [7. С. 8–10], а также

требований постнеклассической научной рациональности: междисциплинарный характер исследования, отрицание жесткого детерминизма при изучении явлений и др. [16. С. 12] Для анализа развития правосубъектности важен принцип конструктивизма, обосновывающий, что правовая реальность не задается изначально, а имеет сконструированный характер. Государственно-правовые явления формируются в деятельности людей, которые воспроизводят государство и его органы, формируют их правосубъектность.

Взаимосвязи технологического уклада и правосубъектности имеют сложный характер. Изменения системы права необходимы для технологических инноваций, так как при реализации нормы права действиями людей формируется основа технологического уклада. Поэтому правосубъектность органов публичной власти оказывает влияние на развитие (способствует или ограничивает) последнего.

Таким образом, можно выделить ряд закономерностей, связанных с технологическими укладами: под влиянием технологических инноваций и других факторов (социальных, идеологических, культурных и др.) происходит глобальная трансформация общества и государства, меняются механизм правового регулирования, функции и правосубъектность органов государства; технологизация формирует новый тип мышления и восприятие правовой реальности, а также влечет радикальные изменения в основаниях науки и в понимании правосубъектности.

Приведенные закономерности не исключают необходимости для создания конструкции правосубъектности органа публичной власти теоретической разработки учеными составляющих ее понятий. Признание органа публичной власти субъектом права является принципиальным положением для теории правосубъектности.

Понятия «субъект права» и «орган государства» изучаются в науке на протяжении нескольких столетий, они включены в источники права на текстуально-нормативном уровне, а в доктрине являются понятиями общей теории и отраслей права.

В Новое время правовое осмысление стороны правовых отношений в доктрине происходило под влиянием философских идей. Р. Декарт выделил две субстанции: вещь протяженная (*res extensa*) и вещь мыслящая (*res cogitans*). Вторая из них определялась как «субъект» – субстрат, который не поддается изменению. Концепция противопоставления в сфере сущего субъекта и объекта заложила традицию их дихотомии и выделение сущностного признака субъекта, проявляющегося в социальной сфере, – возможность изменения внешних условий. Революционным для юриспруденции стало предложение Г. Лейбница использовать понятие «субъект права» (*subjectum juris*) в современном его понимании – как обладателя прав и обязанностей [40. С. 51]. Произошло заимствование для правовой сферы философских представлений о субъекте без определения сущности и признаков этого понятия.

На направления его философского осмысления повлияли идеи И. Канта [11. С. 13]. И. Фихте писал, что субъект должен полагать себя как свободно действующее существо [27. С. 36], он порождает себя в акте свободы и допускает другие существа, только полагая себя состоящим с ними в отношении. Продолжая это направление, Г. Гегель отметил, что право вносит определенность и ограничивает свободу. Это происходит при взаимном признании индивидами друг друга в качестве равных субъектов свободы. Человек становится субъектом, будучи свободным, поэтому личность подразумевает правоспособность [5. С. 98], которая

составляет абстрактную основу формального права. Равная правоспособность лиц следует из равного абстрактно-всеобщего права.

Разработка философией понятия «субъект» не завершена, формируется концепция субъектности, в ней к сущностным признакам субъекта добавляются характеристики самосознания, транспарентности, причинности и автономности. Субъект представляют не как статичную, а как динамическую характеристику, поэтому выделяют этапы его становления: бытие-в-себе, бытие-для-себя, бытие-в-мире. Применительно к органам публичной власти эти этапы остаются неразработанными в доктрине.

Феноменология отказалась от субстанциональности субъекта, а в аналитической философии была отвергнута его феноменальная реальность. Субъект стал сводиться к языковым формам: язык конструирует субъект и феномены субъективности. С этих позиций проблема соотношения государства и его органов является продуктом субстанционального понимания субъекта и свидетельством его ограниченности. Подобная проблема отсутствует в постмодернизме, рассматривающем социум как гипертекст, а субъект – как его точку. Субъект описывается как попадание явления в определенную структуру, он опознается постфактум, поэтому отрицаются его изначальные признаки. Неклассическая философия сводит субъект к смысловой структуре и исключает его фактичность. Таким образом, развитие философского понятия «субъект» пришло к признанию невозможности его достоверного определения. Однако современные западные ученые возвращаются к положениям немецкой классической философии о том, что субъекты права – это индивиды, достигающие в процессе коммуникации нравственного признания друг друга [28. С. 30].

Философские идеи через доктрину влияют на право, размыают конструкт субъекта (к нему отнесли природу и т. д.), в современной европейской доктрине предложено понятие неличностной субъектности [22].

В рамках господствующей классической теории права не сложилось единство взглядов по вопросам состава правосубъектности органа публичной власти, соотношения с компетенцией и полномочиями. Общим для подходов доктрины к сущности понятия «субъект права» является влияние используемой учеными методологии.

В рамках сущностного подхода и нормативно-этического понимания субъект права раскрывается как носитель прав и обязанностей. Такая способность отнесена к свойству, предусмотренному нормой права. Данные положения показывают, что используется конструкция «носителя», которая заимствована из философии: субстанция обладает свойствами. Свойствами субъекта права являются волевая сфера и интересы, свобода воли отнесена к социальной предпосылке правосубъектности:

1) для этого используются наименование, а также дополнительные атрибуты. В публично-правовой сфере используются органы государства, для которых предусмотрена обособленная деятельность их частей, признаваемых субъектами права (Федеральное Собрание и др.);

2) обладание юридической волей, способностью вырабатывать и выражать ее, быть ее носителем. Свободу волеизъявления, основанную на автономии воли,

относят к основному признаку субъекта права, но такой подход не учитывает системные связи между органами публичной власти, наличие у них правовой обязанности осуществлять свои полномочия и права. Воля формируется во взаимодействии органов публичной власти [24], для них важно осуществление общей (публичной) воли, сложность образования которой можно обнаружить, например, при правотворчестве, когда согласованная воля общества отчуждается от него и становится государственной. Выделение воли как признака субъекта можно отнести к влиянию религиозной догматики. Конструкция юридической воли разрабатывалась с учетом способности субъекта определять свое поведение [34. Р. 7] и ориентирована на человека. Теория воли была связана с понятием права, в начале XIX в. оно описывалось как правовое состояние, принадлежность лицу власти – господство его воли. В доктрине преобладает взгляд о наличии воли исключительно у человека, происходит ее отождествление с юридической волей, хотя признается важность их разграничения. Юридическая воля сохраняет психические характеристики: способность делать выбор, принимать и осуществлять решение. Однако ученые отмечают, что ее роль в регулировании такого поведения переоценена. Понимание воли как способности сознания направлять поведение человека подвергается критике, так как не доказан исследованиями источник такой способности, отрицается за волей роль сверхрегулятора поведения, поскольку она сама есть потребность преодоления препятствий. Человек верит, что самостоятельно управляет волей, «работа» воли ограничена умственными действиями – ее проявлениями (willing), но не воля определяет, какое решение получит первое место [44. Рр. 62, 141, 145]. В современной англо-американской философии утверждается, что контроль над действиями человека не связан с волей, но одно из значений этого понятия – способность принимать решение [41. С. 5]. Отождествление воли с психическим процессом основано на психологической концепции «воля – это желание», соотношенное с выбором поведения. Такая концепция – вторичная, она заимствована из философии [36. С. 1] и политических доктрин [43. С. 76–77]. Это производное понятие затруднительно применять к иерархически сложной системе. Произвольность не является сущностной чертой воли. Затруднительно говорить и о свободе выбора, так как государство ограничивает активность субъектов права нормами законодательства, угрозой применения легального насилия, использует манипуляции [35. Р. 60]. Правовая воля не является «юридическим слепком» психической воли. В нормативной системе выделяется общее, учитываются, но не регулируются психические процессы. Правовое содержание воли составляет только типичное, в норме права оно выражено как абстрактное и обобщенное. Учеными признается, что социальная воля может стать правовой, если имеется нормативное отражение ее в позитивном праве [2. С. 52], которое сводится к закреплению в норме права типичных стремлений. Последнее рассматривают как существенную характеристику юридической воли органа публичной власти. Орган обладает сферой усмотрения (дискреция полномочий) и определенной свободой при принятии решения, так как публичная власть имеет социальную природу и регулятивный характер [23. С. 20]. С учетом приведенных доводов полагаем возможным использовать юридические характеристики воли органа публичной власти: в ней отражено объективное, типичное и нормативное. Для органа

государства важно ее проявление – в правовом решении, порядок принятия которого определен нормативно;

3) наличие интереса. Специфика его формирования у органа публичной власти отражена в норме об определении объема полномочий органов публичной власти с учетом интересов населения [25];

4) взаимодействие с иными субъектами права, при котором орган отличает себя от других лиц;

5) способность принимать решения, осуществлять их, быть участником социальных отношений, участвовать в правотворчестве и правоприменении, применять власть, осуществлять сохранение своей правовой личности;

6) наличие правосубъектности (формальная связь с правопорядком);

7) выделение «активных элементов в правосознании». Правовое сознание отнесено в доктрине к родовому признаку субъекта права. У органа публичной власти (в отличие от индивида) данный признак имеет особенности – он связан с коллективом людей;

8) признание ценностью. Зарубежная доктрина выделила этот аспект для защиты и охраны субъекта права. Наделение органа публичной власти правами означает признание его ценностью, но у органа права и обязанности связаны, а органы выступают средством достижения публичных целей.

При догматическом подходе орган публичной власти – субъект конкретной отрасли права. В доктрине нет общепризнанного определения органа публичной власти как вида субъекта права, наблюдается отказ от отнесения его к самостоятельному виду. В отечественном законодательстве к органу применяется понятие «юридическое лицо». Публично-правовое образование формирует юридическую личность своих органов, определяет организационно-правовую форму, внутреннюю структуру, закрепляет их компетенцию, функции и т. д. Создается конструкция, которая способна вырабатывать и выражать публичную волю, осуществлять властные полномочия [17, 26].

Свойства правосубъектности определены политическим сувереном в нормативной системе, поэтому большинство ученых характеризует существо правосубъектности как длящуюся связь с государством – право общего типа. В этом подходе можно выделить внутренние противоречия. Полагаем, что наличие связи органа с государством обусловлено свойством системы органов.

В доктрине отсутствует единство в решении вопросе о признаках понятия правосубъектности органа публичной власти. Выделенные отдельными авторами признаки [3. С. 44] отражают сущностную связь с функциями органов и отношениями собственности [17. С. 33].

Многоаспектность понятия правосубъектности важно учитывать, так как редуцирование его содержания к одному из них приводит к выделению отдельной стороны сложного явления. Постклассическая теория права предложила рассматривать понятия как искусственный конструкт – форму без социального содержания. Это позволяет не противопоставлять подходы ученых друг другу. Различные подходы в доктрине можно рассматривать как создание определенной правовой конструкции. Возможность больше относится к характеристике деятельности субъекта права, способность и качество – к внутренним свойствам, которые проявляются в отношениях с другими субъектами.

Перечисленные выше правовые формы применяются для определения состава всех видов правосубъектности.

В финансовом и налоговом праве ученые отметили в качестве предпосылки правосубъектности других отраслей права. Однако в большинстве случаев в отраслевых правосубъектностях редко рассматривают дополнительные (отличительные) признаки, что создает представление о тождественности сущности у всех видов. Единообразие свидетельствует о неразработанности понятий в отраслевых юридических науках. Для объяснения причин описанной ситуации можно предложить использовать новое междисциплинарное направление – меме-тики [8. С. 32–56]: состав общей правосубъектности является общепризнанным для всех отраслей права, так как он приобрел черты информационного паттерна, в котором генерализуется информация о правосубъектности, она передается в силу признания ее простоты, авторитетности, полезности и согласованности с имеющимися знаниями.

Черты «мема» приобрело представление о том, что у органов публичной власти право- и дееспособность не разграничиваются. Однако при рассмотрении состава правосубъектности с позиции динамического подхода право- и дееспособность разграничиваются как разные этапы развития связи с правопорядком [2. С. 131]. Правоспособность – первая стадия, она абстрактна и определяет возможности возникновения определенных правоотношений и правовые функции лица. На этой стадии нет оформленной воли, отсутствует готовность выполнять правовую функцию и быть субъектом, особенности органа публичной власти как субъекта права не проявляются вовне. Второй стадией (переходом от абстрактного к действительному) является дееспособность, когда правовая форма наполняется содержанием, происходят качественные изменения: абстрактный субъект права (как возможность) становится лицом (правовая действительность). Орган публичной власти выражает свою волю и правовые притязания (первый этап единичной воли), здесь проявляются его свойства и качества. Этой воле придается обязательный характер (второй этап); право обязывает считаться с ней. Единичная воля получает возможность выступать как целое, происходит ее самоопределение (третий этап). Изложенный подход близок к конструкции зарубежной доктрины о том, что из дееспособности выводится правоспособность. Динамический подход делает необходимым выделение в правосубъектности органа публичной власти право- и дееспособности.

Утверждение, что дееспособность органа государства возникает одновременно с его правоспособностью, не отражает правового положения отдельных органов (монарха, в отношении коллективных органов ученые указывают на зависимость возникновения и прекращения дееспособности органа от «фактического состояния лиц», которые выступают от имени органа публичной власти, или от их наличия [12. С. 17]). В доктрине высказываются суждения о возможном ограничении дееспособности органа публичной власти [18. С. 54–62].

В науке обосновывается подход, что для создания доктрины юридического лица публичного права необходимо разработать общеправовую конструкцию юридического лица. Можно предложить гипотезу, что реализация этой задачи связана с мемом: происходит генерализация конструкции частного права об организационно-правовой форме юридического лица и распространение ее на субъекты

публичного права. Такой подход не может быть использован для раскрытия правосубъектности органа публичной власти.

Изучение правосубъектности юридического лица публичного права по праву Испании, Франции, Германии показывает, что она не тождественна правосубъектности органа публичной власти, она отражает ее особенности у некоторых органов (осуществление публичной власти, обладание компетенцией и др., а способность участия в имущественных отношениях рассматривается как причина отнесения их к юридическим лицам).

Приведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Правосубъектность остается важнейшим понятием для характеристики органа публичной власти. Наделение ею вызвано закономерностями системы органов. Технологические уклады влияют на правовое регулирование их правосубъектности: технологические инновации детерминируют (вместе с другими факторами – социальными, идеологическими, культурными и др.) глобальную трансформацию государства и системы права, так как изменение общественных отношений меняет механизм их правовой регламентации, а новые подходы к определению правосубъектности вызваны радикальными изменениями в основаниях науки, происходящими под влиянием технологизации, которая формирует новый тип мышления и восприятия правовой реальности.

Можно предложить следующую модель влияния технологических укладов на правосубъектность органов публичной власти: возникновение под воздействием инноваций новых общественных отношений, выделение и осмысление в правосознании подходов к их регулированию, создание модели государства и его органов, определение участия их в общественных отношениях и их функций, на основании которых формируется содержание их правосубъектности, осуществление и воспроизводство новой модели в общественной практике. Смена технологических укладов приводит к изменению установок и ценностей людей, их правового поведения и тем самым оказывает воздействие на содержание правосубъектности органов публичной власти.

Список литературы

1. Административная реформа в субъектах Российской Федерации / под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. М.: Контракт: ИЗиСП, 2008. 333 с.
2. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.
3. Венедиктов А. В. Органы управления государственной социалистической собственностью // Советское государство и право. 1940. № 5–6. С. 24–51.
4. Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 28 с.
5. Гегель Г. Философия права. М: Мысль, 1990. 524 с.
6. Дорская А. А. Проблемы цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 213 с.

7. Дорская А. А., Честнов И. Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография. СПб.: Астерион, 2010. 304 с.
8. Залоило М. В. Концепция мема (меметика) и первичные механизмы социокультурной эволюции права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 3 С. 32–56.
9. Залоило М. В. Правовая меметика в исследовании правоприменения // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 11. С. 19–32.
10. Залоило М. В. Российское государство перед вызовом новой технологической реальности // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. 2023. № 2. С. 13–15.
11. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1964. 478 с.
12. Лексин И. В. Конституционно-правовые проблемы территориального устройства современного государства (особенности России и зарубежный опыт): авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 55 с.
13. Любашиц В. Я. Эволюция государства как политико-правового института: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д., 2005. 302 с.
14. Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследование / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Эксмо, 2010.
15. Новая философская энциклопедия / рук. проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 416 с.
16. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
17. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: НОРМА: ИНФРА-М, 2024. 184 с.
18. Пашенцев Д. А. Правосубъектность в современной теории права / Д. А. Пашенцев // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / ред. совет А. В. Габов и др. М.: Статут, 2017. С. 29–35 с.
19. Петров М. П. Совершенствование методов административно-правового регулирования инновационной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 54–62.
20. Постников А. Е., Бондарь Н. С., Помазанский А. Е. и др. Реформа организации публичной власти: основные направления реализации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 200 с.
21. Право и инновационная деятельность / отв. ред. В. А. Садовничий; под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Нестор-История, 2011. 431 с.
22. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // СПС «КонсультантПлюс».
23. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М.: Наука, 1972. 288 с.
24. Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 865 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901>
27. Фихте И. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: КАНОН, 2014. 391 с.
28. Хабермас Ю. Вовлечение другого. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
29. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. С. 87.
30. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
31. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с.
32. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 335 с.
33. Чиркин В. Е. Система государственного и муниципального управления: учебник. М.: Юрист, 2005. 379 с.
34. Balaguer M. Free Will. L.: The MIT Press, 2014. 139 p.
35. Bonanno A. The Legitimation Crisis of Neoliberalism. The State, Will-Formation, and Resistance. N.Y.: Palgrave, Macmillan, 2017. 254 p.
36. Dihle A. Theory of Will in Classical Antiquity. L.: University of California Press, 1982. 285 p.
37. Frandberg A. From Rechtsstaat to Universal Law-State. An Essay in Philosophical Jurisprudence. Law and Philosophy Library. L.: Springer, 2014. Vol. 109. 190 p.
38. Frandberg A. Legal Order. Studies in the Foundations of Juridical Thinking. Law and Philosophy Library. L.: Springer, 2018. Vol. 123. 333 p.
39. Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. 280 p.
40. Leibniz G.W. The New Method of Learning and Teaching of Jurisprudence According to the Principles of Didactic Art Premised in the General Part and in the Light of Experience / trans. Massimo de Iuliis G. New Jersey: Talbot Publishing, 2017. 306 p.
41. Pink T. Free Will: A Very Short Introduction. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 132 p.
42. Rosecrance R. The Rise of the Virtual State: the Wealth and Power in Coming Century. N.Y.: Basic, 1999. 288 p.
43. The Concept of Will in Classical German Philosophy. Between Ethics, Politics, and Metaphysics / ed. by M. Kisner, J. Noller. Berlin, 2020. 272 p.
44. Vihvelin K. Causes, Laws, and Free Will: Why Determinism doesn't Matter. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 296 p.

М. П. Тишаков,
кандидат юридических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет

**ВОЗМОЖНОСТИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО ОПЫТА
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ**

Аннотация. В работе отмечаются проблемы, которые не позволяют при существующих подходах в полной мере исследовать массивы исторической информации, содержащей незначительное количество материалов в рамках специализированных исследований, а также перспективы их преодоления с помощью цифровых технологий. В заключении делается вывод о необходимости более активного и повсеместного процесса внедрения нового цифрового инструментария в работе архивных учреждений, последующего всеобъемлющего качественного наполнения справочно-информационных систем с целью предоставления удаленного доступа к архивным материалам пользователям для оптимизации процесса изучения значительного массива информации по узкоспециализированной тематике.

Ключевые слова: архивные документы, архивные учреждения, ГАИ, Госавтоинспекция, правовые акты, цифровые технологии

**THE POSSIBILITIES OF DIGITAL TECHNOLOGIES
IN THE STUDY OF THE HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE
OF THE ACTIVITIES OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE**

Abstract. The paper highlights the problems that do not allow, with existing approaches, to fully explore the arrays of historical information containing a small amount of materials in the framework of specialized research, as well as the prospects for overcoming them with the help of digital technologies. In conclusion, it is concluded that there is a need for a more active and widespread process of introducing new digital tools in the work of archival institutions, followed by comprehensive qualitative filling of reference information systems in order to provide remote access to archival materials to users in order to optimize the process of studying a significant array of information on highly specialized topics.

Keywords: archival documents, archival institutions, traffic police, State traffic inspectorate, legal acts, digital technologies

Введение. На сегодняшний день цифровые технологии прочно вошли в жизнь подавляющего большинства граждан, охватывают абсолютное большинство сфер общественных отношений, стали своеобразным мерилом эффективности системы государственного и муниципального управления, выступают одним из фундаментальных достижений современной человеческой цивилизации. Вместе с тем, хотя цифровые технологии стали неотъемлемой частью настоящего и без преувеличения ближайшего будущего, они могут оказать существенную помощь и в изучении прошлого. В первую очередь интересует использование цифровых технологий для исследования функционирования Госавтоинспекции в ре-

троспективе, раскрытие их потенциала для последующего применения в ходе изучения исторического опыта деятельности различных служб правоохранительных органов.

Основная часть. Цифровые технологии представляют собой довольно широкое понятие, которое лишь относительно недавно вошло в повседневную жизнь и в поле зрения научного сообщества, ранее изучавшее информационные технологии [8]. Однако единого подхода к пониманию данного явления не выработано. В рамках представленного предмета исследования под цифровыми технологиями подразумевается их энциклопедическое содержание, которое включает в себя технологии, направленные на создание, хранение, обработку и распространение данных в электронной форме с использованием компьютера и информационных сетей [7]. Аналогичный подход используется и в англоязычных изданиях. Дополняя трактовку цифровых технологий еще такой немаловажной характеристикой для исследователей, как возможность извлекать данные с беспрецедентной скоростью и эффективностью [1]. Понимание с обозначенных позиций цифровых технологий и их последующее практическое использование в научных междисциплинарных исследованиях историко-правового характера открывает широкие возможности для ученых [2, 3].

Здесь сразу же стоит отметить, что, несмотря на наличие и все большую доступность, с каждым годом, возможностей по анализу обширных архивных материалов, в них отсутствует систематизированная информация о деятельности органов Госавтоинспекции, наблюдается слабая разработанность архивных фондов по данному вопросу, как и отдельно сформированных дел.

Акцентирование в ходе исследования именно на изучении архивных документов и материалов службы Государственной автомобильной инспекции определяется не только сферой научного интереса автора, но также и спецификой исследования функционирования данного правоохранительного органа, который обладает и обладал широкими надведомственными полномочиями. Вследствие этого материалы правоприменительной практики, превентивной деятельности, правовые основы, будь то ведомственные (региональные, республиканские и общесоюзные) акты, решения местных органов, постановления и распоряжения центральной власти содержат уникальные по своему характеру и сфере правовые нормы, не систематизированные до настоящего времени и расположенные среди огромного массива исторических документов, поиск и исследование которых представляет значительные сложности в силу обозначенных проблем.

Зачастую сведения не имеют четкой централизации, представляют собой хаотичные вкрапления отдельных документов и материалов в рамках обширного массива информационно насыщенных фондов органов власти общегосударственного и местного уровня, партийных комитетов и первичных парторганизаций, ведомственных документов, переписки между различными институтами власти и общественности и т. п. Такая ситуация свойственна как для государственных, так и региональных архивных учреждений, в связи с чем особенно остро стоит вопрос структурно-предметного отражения архивных материалов о деятельности органов ГАИ в описях соответствующих фондов [6. С. 195], их доступности для исследователей, автоматизации поиска и последующего изучения.

Для разрешения такого рода проблем, как отмечает А. М. Мацук, следует использовать метод фронтального просмотра больших документальных комплексов, а также авторские методики [5. С. 16]. В ходе своих исследований подтверждаем данные выводы, только следует дополнить их указанием на необходимость корректировки методики работы в каждом архивном учреждении, особенно это актуально для архивных фондов регионального характера. Поэтому значимым является использование цифровых технологий как в рамках процесса перевода информации в электронный формат, так и последующего предоставления свободного доступа для исследователей. В настоящее время уже начался этап постепенного перевода фондов, описей и содержащихся в них дел (пока только исходных данных) в цифровой формат, наполнение соответствующих баз данных, доступных для исследователей с целью последующего, более предметного ознакомления с материалами. Однако этот процесс далек от завершения и лишь малая часть всего архивного наследия в настоящем доступна в электронном формате, а еще меньше в дистанционном.

В большинстве архивных учреждений фактически происходит лишь оцифровка единиц хранения в виде фотодокументов без возможности полнотекстового поиска по их содержанию. Хотя как раз по деятельности службы ГАИ подавляющее количество документов и материалов, с которыми нам удалось на данный момент ознакомиться в различных архивных учреждениях федерального и регионального уровня, представлены в виде машинописного текста. Последний имеет значительный потенциал для оптического распознавания и перевода в цифровой формат с минимальными искажениями по сравнению с первоисточником и, как следствие, открывает широкие возможности для ознакомления с ним общественности. Изложенное характерно также и для различных нормативных правовых актов, которые зачастую не имеют тематических описей, структурированы лишь в хронологическом порядке, а в самих делах нет содержания о включенных в него юридических документах. Однако в данных актах присутствует значительный массив правовых норм, которые позволяют восстановить целостную картину и особенности правового регулирования деятельности органов Госавтоинспекции как в сфере противодействия аварийности, так и по выполнению смежных задач.

Таким образом, можно обозначить, что для детального исследования правовых основ функционирования правоохранительных органов, в частности ГАИ, немаловажную роль играет возможность обработки значительного массива нормативных правовых актов в автоматическом (полуавтоматическом) режиме, без необходимости проведения фронтального осмотра всех документов. Изложенное особенно характерно для фондов местных органов власти, где, как показывает опыт изучения архивных дел, периодически принимался ряд решений по вопросам обеспечения безопасности дорожного движения. Однако в общем массиве правотворческой деятельности, когда ежегодно принимались сотни (иногда даже более тысячи) решений местных органов, перед исследователями стоит поистине титаническая задача по просмотру всех принятых документов, насчитывающих порой десятки единиц хранения, что накладывает дополнительную нагрузку и на архивных работников. Выходом из сложившейся ситуации являются оцифровка и предоставление удаленного доступа в первую очередь к нормативным правовым актам органов власти за исключением документов с ограниченным грифом доступа.

Одновременно с получением широких возможностей доступа к подзаконным актам, хранящимся в архивах, цифровые технологии позволяют решить еще одну немаловажную задачу – создание электронных баз данных нормативных документов, в том числе отражающих различные вопросы деятельности ГАИ в историческом прошлом, хронологические рамки действия правовых норм, вносимые в них изменения и дополнения, взаимосвязь между актами различной юридической силы и т. п. Это, в свою очередь, как показывает практика, способствует более предметному поиску документов в архивных учреждениях, снимает проблему дублирования одних и тех же актов. Сегодня в качестве своеобразного первого шага в поиске правовых основ деятельности Госавтоинспекции в различных сферах в ретроспективном разрезе выступает информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, взявшая на себя функции справочной базы данных. Вместе с тем достоверность таких сведений небезосновательно вызывает сомнение, что требует последующего поиска источника хранения публикуемых материалов, а потом и непосредственная его проверка.

Исходя из изложенного, разделяем позицию Д. С. Артамонова, который поясняет, что активное создание исторических информационных ресурсов позволяет на более качественном уровне обеспечить доступность архивных источников за счет их перевода в цифровой формат. Особую значимость здесь приобретает доступность материалов для вторичного использования широким кругом исследователей, в том числе за счет более глубокого понимания текста первоисточника, создание научно-справочного аппарата [2. С. 101]. В дополнение к изложенному, с учетом специфики проводимых исследований отметим, что исторические материалы, содержащие в себе фактологические сведения о деятельности органов Госавтоинспекции, правовые и организационные основы их функционирования, особенности несения службы в различных регионах также в настоящее время являются слабо изученными в силу их малой доступности по обозначенным ранее причинам. Проведенный автором скрупулезный анализ деятельности службы ГАИ на территории смежных областей в середине прошлого столетия свидетельствует о наличии региональной специфики, различном отражении исторических сведений в архивных документах, их хранении в довольно специфических фондах. Для детального поиска такой информации существенную помощь могут оказать и уже оказывают цифровые технологии, однако их охват такого рода сведений все еще находится на довольно низком уровне.

Заключение. В том числе позволяют охватить значительный массив архивных материалов, содержащих малоизвестные факты в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в историческом прошлом, осуществлять комплексный сравнительно-правовой анализ деятельности органов Государственной автомобильной инспекции в различных регионах, их тесное взаимодействие с институтами власти и общественности. Однако практическое и всеохватывающее воплощение использования нового цифрового инструментария сопряжено не только с техническими сложностями, значительными временными затратами на наполнение общедоступных и региональных справочно-информационных систем требующих поистине титанических усилий архивных работников, но также и скорейшее разрешение вопросов правового, организационного и финансового характера.

Эффективное преодоление затронутой в работе проблематики позволит значительно облегчить работу для исследователей прошлого, в том числе по вопросам функционирования правоохранительных органов, их подразделений, обеспечит более широкое применение данных методик при изучении деятельности различных государственных институтов в ретроспективном разрезе, проведении сравнительно-правовых исследований и т. п.

Список литературы

1. What Is Digital Technology. URL: <https://citizenside.com>
2. Артамонов Д. С., Тихонова С. В. Время цифровой истории // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2020. Т. 22. С. 98–109.
3. Лонская С. В. Цифровая история права: начала методологии. Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2(1). С. 14–33.
4. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: НОРМА: ИНФРА-М, 2024. 184 с.
5. Мацук А. М. Реализация государственной политики в области безопасности дорожного движения в региональных условиях в середине 1930-х – начале 2000-х гг.: на материалах Республики Коми: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Екатеринбург, 2010. – 38 с.
6. Тишаков М. П. Актуальные вопросы изучения истории Госавтоинспекции Донбасса в 1940–1950 гг. На основе архивных материалов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18–2. С. 194–195.
7. Цифровые технологии (в праве). URL: <https://bigenc.ru>
8. Талапина Э. В., Жарова А. К. Иллариya Лаврентьевна Бачило – основоположник информационного права в России // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(1). С. 296–307. EDN: HIOEZH

А. Б. Чиквин,
аспирант,

Уральский институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ПРЕДИКТИВНАЯ АНАЛИТИКА В ПРАВОСУДИИ И ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация. В работе проанализированы два вопроса, представляющих актуальную проблему для отечественного и зарубежного правосудия. Первый касается анализа судебных решений с помощью систем искусственного интеллекта, основанного на его результатах прогнозе принятия судебных решений и нормативном регулировании предиктивной аналитики. Второй вопрос связан с практикой подготовки проектов законодательных актов с помощью нейросетей, проверки их законности и обоснованности.

Ключевые слова: правосудие, предиктивная аналитика, нейросети, искусственный интеллект, судебное решение, предсказательная аналитика, умный суд

PREDICTIVE ANALYTICS IN JUSTICE AND LAW

Abstract. The article analyzes two issues that are a pressing problem for domestic and foreign justice. The first concerns the analysis of court decisions using artificial intelligence systems, forecasting the adoption of court decisions on its basis and the regulatory framework for predictive analytics. The second issue is related to the practice of preparing draft legislative acts using neural networks, checking their legality and validity.

Keywords: justice, predictive analytics, neural networks, artificial intelligence, court decision, predictive analytics, smart court

Введение. Цифровая трансформация признана одной из национальных целей развития России [2. С. 1]. Ее достижение неизбежно коснулось и правосудия, которое активно переживает сегодня новую волну цифровизации [14. С. 231–232]. Председатель Совета судей РФ Виктор Момотов в качестве планового показателя обозначил, что уже к 2030 году ожидается переход полностью на электронное правосудие, предусматривающее онлайн-взаимодействие участников процессов: от момента подачи иска и до судебного заседания [3. С. 1].

Цифровизация при отправлении правосудия до недавних пор понималась в узком смысле, как оцифровка документов, проведение заседаний в формате видеоконференции, электронная регистрация судебных актов. Непосредственно в принятии решений, разрешении споров нейросети, искусственный интеллект до сих пор участия не принимали. Тем не менее при высоком уровне проникновения цифровых технологий в судопроизводство неизбежно возник вопрос о применимости технологий предиктивного анализа в правосудии.

Они используются сегодня в двух направлениях деятельности: аналитика в отношении уже состоявшихся судебных актов и подготовка проектов будущих актов на основе данных анализа нормативной базы. Разные страны находятся на разных этапах внедрения технологий предиктивного анализа.

Основная часть.

Предиктивная аналитика в правосудии

Интересен в этой связи опыт Китая, который одним из первых использовал на практике так называемую систему «умного суда» [14. С. 1].

«Умный суд» в Китае использует искусственный интеллект для автоматизации процессов и помощи судьям в вынесении приговоров. Первые итоги применения этой системы показали, что она снизила нагрузку на судей на треть и значительно сократила для граждан время ожидания судебного решения.

Второе серьезное опасение связано с тем, что разработка электронной судебной системы происходила при участии китайских технологических гигантов, что фактически могло бы передать власть экспертам в области технологий, поскольку именно они определяют параметры работы машинного кода. Один из последовательных критиков системы «умного суда» профессор Чжан Линхан из Китайского университета политических наук и права предупредил о возможной эрозии судебной власти со стороны технологических компаний [14. С. 3].

Однако ИИ играет в Китае значительную роль и за пределами залов суда. До 2016 года каждый суд первой инстанции имел свою информационную систему, и обмен данными между судами был ограничен. Электронная система «умного суда» привела не только к привычному уже преобразованию документов в цифровой формат, но и к подключению судов к центральной базе данных в Пекине. Кроме того, система получила прямой доступ к обширным базам данных полиции, прокуратуры и государственных органов.

Благодаря этому ИИ ежедневно анализирует сотни тысяч решений и постановлений по уже состоявшимся делам по всей стране, отслеживая возможные случаи коррупции и злоупотреблений. Эта практика сделала возможным активное участие ИИ в исполнительном производстве. Как известно, проблема исполнения решений судов актуальна из-за нехватки кадров, и не только в нашей стране. ИИ помогает с этой проблемой справиться, находя имущество должников, неисполненные аресты и запреты, которые алгоритм автоматически активирует, выставляет имущество на онлайн-аукционы и перечисляет денежные средства кредиторам. Можно сказать, что таким образом появилась практика внедрения технологии «ИИ-пристава».

В отличие от Китая, который использовал собственные технические решения, правительство Японии намерено использовать технологию ChatGPT для решения административных задач, при этом конфиденциальность информации будут обеспечивать центры обработки данных Microsoft AI, сервера которых физически находятся в Японии. В рамках этого процесса технологический гигант Microsoft предоставляет японскому правительству технологию, лежащую в основе широко известного генеративного искусственного интеллекта ChatGPT для использования в работе министерств и проведения анализа административной практики [13. С. 2].

Любопытно, что одной из задач ИИ в правительстве Японии является подготовка проектов ответов на парламентские запросы. Специально созданное в его структуре Цифровое агентство использует электронную систему также для подготовки протоколов и поддержки анализа государственной статистики.

Таким образом, задачи, которые решает в этой сфере общественной жизни ИИ, в Японии гораздо скромнее, чем, например, в Китае, но они в любом случае опережают аналогичную практику большинства стран.

Ведутся аналогичные разработки и у нас в России. Одним из примеров таких технологичных решений является «виртуальный юрист» LawAI от команды разработчиков Alliesverse. На сегодняшний день он работает в бета-версии, то есть нельзя говорить, что ИИ используется в правоприменительной практике. Тем не менее нейросетевая модель уже обучена на российских кодексах, умеет находить ответы на запросы пользователя, сопровождая это ссылками на соответствующие статьи, но пока не умеет анализировать вопросы в широком контексте [5. С. 1].

«Виртуальный юрист» пока испытывает трудности с решением междисциплинарных проблем, когда для решения вопроса необходимо сопоставить знания из разных отраслей права. Российская разработка в этом смысле уступает зарубежным аналогам, поскольку LawAI может заменить юридические знания, но в настоящий момент он не способен понимать юридические принципы, такие как справедливость, а также не может при оценке доказательств определить их достаточность, относимость, что исключает его применение в реальных ситуациях отправления правосудия.

Приведенный выше опыт Китая не ограничивается судебной практикой. Другая электронная система, которая в настоящий момент внедряется в этой стране, получила условное название «ИИ-прокурор». Тестирование системы показало, что с точностью более 97 % на основе описания дела она выносит заключение и предъявляет обвинение по уголовному делу [10. С. 1]. Важно отметить, что предлагаемое системой решение все же носит рекомендательный характер, поскольку само решение в конечном итоге принимает человек.

«ИИ-прокурор» на сегодняшний день обучен выявлять и выдвигать обвинения по восьми наиболее распространенным преступлениям в Шанхае. Это мошенничество с кредитными картами, проведение азартных игр, опасное вождение, умышленное причинение вреда, воспрепятствование выполнению служебных обязанностей, кража, мошенничество и хулиганство.

Несмотря на высокую точность работы системы, оставшиеся три процента ошибочных решений все же дают основания критикам этой системы полагать, что переходить на ее повсеместное использование рано. Кроме того, «ИИ-прокурор» может выдвигать обвинения только на основе предыдущего опыта и не способен предсказать общественную реакцию на случай изменившейся обстановки в социальной среде.

Предиктивная аналитика в законотворчестве

Примеров, когда ИИ использовался бы не при принятии решений на основе существующих законов, а при написании новых, не так много, но это тоже уже далеко не единичные прецеденты.

Курьезный случай произошел в городе Порту-Алегри, столице бразильского штата Риу-Гранди-ду-Сул, в котором городской совет принял закон, текст которого полностью написан с использованием искусственного интеллекта ChatGPT. Законопроект внес один из депутатов, после чего муниципальный совет его одобрил, а мэр подписал. Остальные депутаты, как и жители города, узнали, что законопроект создан с помощью нейросети, только после его принятия [8. С. 1]. Согласно документу, муниципалитет может не взимать плату с налогоплательщиков за замену счетчиков воды при их краже. Известно, что закон отзывать не стали, так что он является действующим, даже несмотря на то, что он представляет собой продукт генерации нейросети, пусть даже и формально за авторством одного из депутатов совета.

Однако бразильский опыт непоказателен, поскольку вмешательство ИИ носило необъявленный и официально не одобренный характер.

Иной подход продемонстрировали в Италии. Палата депутатов в этой республике интегрировала ИИ в законодательный процесс, что, как было объявлено, способствовало повышению прозрачности, подотчетности и эффективности работы парламента. Усилия Палаты направлены на использование ИИ для улучшения качества работы парламента – проект решает проблему дублирования и противоречий, а также способствует предотвращению коллизий в законодательстве. ИИ также сам предлагает решение для упрощения процесса поиска и выбора нужной информации, обеспечивая доступ к точной информации в большем масштабе [11. С. 1].

В настоящий момент ИИ только дополняет человеческий опыт в парламенте. Текст законопроектов вносят сами депутаты, и они же голосуют по документам. Тем не менее эксперимент продолжается, перед ИИ поставлена задача по

упрощению законодательства и предоставлении гражданам актуальной информации о деятельности их представителей через специальное приложение.

Можно смело утверждать, что внедрение ИИ в законодательную деятельность Италии создало революционный прецедент для функционирования парламентских систем. Его реальное значение, как и последствия для законотворчества в будущем, мы сможем понять только через несколько лет, когда накопится соответствующая практика.

Тем не менее российские законодатели, пусть пока и на региональном уровне, не отстают и также внедряют инновации по примеру зарубежных коллег. Заместитель губернатора ХМАО Павел Ципорин анонсировал запуск с осени 2024 года нейросети, по своим свойствам аналогичной ChatGPT, которая призвана помогать чиновникам в написании нормативно-правовых актов. Разработка ведется Югорским НИИ информационных технологий.

На первом этапе нейросеть будет работать в тестовом режиме. Она должна разрабатывать проекты новых документов и вносить изменения в действующие нормативно-правовые акты, чтобы разгрузить чиновников от однообразной работы, требующей большого внимания и сосредоточенности [6. С. 1].

Заключение. Как в случае с опытом ХМАО, так и более глобально оценивая опыт Италии, Бразилии, исследователи прежде всего поднимают вопрос о доверии нейросети при разработке законов.

Он остается спорным еще и потому, что граждане в ходе выборов делегировали право представлять свои интересы конкретной партии или депутату, придерживающимся определенных политических взглядов. ИИ, каким бы совершенным он ни был, во-первых, не представляет интересов какой бы то ни было социальной группы, а во-вторых, не имеет собственных политических предпочтений – только те установки, которые в него изначально заложили при создании.

Необходимо отметить, что такое понятие, как «доверие к ИИ», уже было предметом рассмотрения специалистов. Оно раскрыто в соответствующем национальном стандарте и раскрывается как «уверенность потребителя и при необходимости организаций, ответственных за регулирование вопросов создания и применения систем искусственного интеллекта, и иных заинтересованных сторон в том, что система способна выполнять возложенные на нее задачи с требуемым качеством» [1. С. 1].

Автор считает это определение достаточным, в связи с чем в настоящей статье это определение дополнительно не рассматривается.

Кроме того, необходимо отметить, что вопросы, которые обсуждаются научным сообществом, по сути, являются «догоняющим» дискурсом, поскольку практика применения предиктивных технологий давно ушла вперед теории. Этические вопросы, в том числе вопрос доверия, рассматриваются постфактум, уже по результатам экспериментов. Есть в том числе такая точка зрения, которая предполагает, что ИИ в состоянии справиться и с оценкой этичности собственной работы.

О такой разработке заявил факультет права Высшей школы экономики, который сообщил, что разработал нейросеть для оценки этичности российских законопроектов [4. С. 1]. Эта технология, по мысли ее создателей, позволит автоматически определять уровень этичности нормативных правовых актов. Сам проект в целом направлен на определение роли морали в правовом регулировании.

Мнения же самих нейросетей, которых привлекли также в качестве своего рода «участников», разделились: одни посчитали, что этические ограничения в их работе не нужны, другие согласны с необходимостью регулирования [7. С. 1].

Своеобразие текущего момента заключается в том, что, несмотря на предостережения научного сообщества о непредсказуемых последствиях повальной цифровизации, которая теперь захлестывает и такие сферы государственного управления, как отправление правосудия и принятие законов, предиктивные технологии продолжают внедрять. Для нас давно не является каким-то новшеством, например, фиксация дорожно-транспортных происшествий с помощью электронных систем.

Вместе с тем представляется, что использование предиктивных технологий как при анализе уже принятых нормативных актов, так и при разработке новых, необходимо жестко регламентировать. Прежде всего, принятие финального решения (и ответственность за него) в любом случае должен нести человек.

Что же касается законодательной деятельности, то автор полагает, что ИИ на существующем уровне развития не в состоянии сформировать то, что называется «политической волей», и, соответственно, даже подготовив связный текст законопроекта, не должен иметь возможности влиять на конечный процесс его принятия.

Список литературы

1. Бурнов В. Момотов заявил о переходе к электронному правосудию к 2030 году // РАПСИ [Электронный ресурс]. URL: https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20240402/309776746.html (дата обращения: 27.08.2024).
2. В НИУ ВШЭ разработали нейросеть для оценки этичности российских законопроектов // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/17323447> (дата обращения: 27.08.2024).
3. В России на базе искусственного интеллекта создан первый виртуальный юрист // Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/05/24/976570-v-rossii-na-baze-iskusstvennogo-intellekta-sozdan-virtualnii-yurist> (дата обращения: 27.08.2024).
4. Дроздецкая Кристина. Власти ХМАО осенью выпустят нейросеть, которая будет писать законы вместо чиновников // Вестник Сургутского района [Электронный ресурс]. – URL: <https://vestniksr.ru/news/68609-vlasti-hmao-osenyu-vypustjat-neiroset-kotoraja-budet-pisat-zakony-vmesto-chinovnikov.html> (дата обращения: 27.08.2024).
5. Медведев Юрий. Группа гуманоидных роботов заявила на саммите ООН, что они смогут управлять миром лучше, чем люди // Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2023/07/11/gruppa-gumanoidnyh-robotov-zaiavila-na-sammite-onn-chto-oni-smogut-upravliat-mirom-luchshe-chem-liudi.html> (дата обращения: 27.08.2024).
6. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 59276-2020 «Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23 декабря 2020 г. № 1371-ст) // СПС «Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200177291> (дата обращения: 27.08.2024).

7. СМИ: в Бразилии приняли первый в мире закон, разработанный нейросетью // ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19460293> (дата обращения: 27.08.2024).

8. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «Официальное опубликование правовых актов» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012> (дата обращения: 27.08.2024).

9. Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3, июль – сентябрь. С. 488–515.

10. «More than 97% accuracy»: Chinese scientists develop AI «prosecutor» // The Korea Times [Электронный ресурс]. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/world/2021/12/672_321168.html (дата обращения: 27.08.2024).

11. Anna Ascani. L'IA come supporto ai lavori parlamentari: la Camera gioca d'anticipo // Agenda Digitale [Электронный ресурс]. URL: <https://www.agendadigitale.eu/cultura-digitale/ia-come-supporto-ai-lavori-parlamentari-la-camera-gioca-danticipo> (дата обращения: 27.08.2024).

12. Takeuchi K., Watanabe N. ChatGPT tech to be adopted by Japan government for administrative tasks // Nikkei Asia [Электронный ресурс]. URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Technology/ChatGPT-tech-to-be-adopted-by-Japan-government-for-administrative-tasks> (дата обращения: 27.08.2024).

13. Lau M. China's courts use data analytics and blockchain evidence storage on the way to first AI-integrated legal system // South China Morning Post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3124815/chinas-courts-use-data-analytics-and-blockchain-evidence> (дата обращения: 27.08.2024).

14. Correia P., Pereira S., Bilhim J. Research of Innovation and Digital Transformation in Justice: A Systematic Review // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2(1). С. 221–250. URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.12>. EDN: idvewc

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ) ОТНОШЕНИЙ

Д. А. Басангов,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
лаборатории правового мониторинга и социологии права,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье анализируется зарубежный опыт использования цифровых технологий в борьбе с коррупционными проявлениями, подрывающими основы государственности и национальной безопасности. Наряду с традиционными технологиями отдельные государства используют новые технологические решения, реализуя их в сфере борьбы с коррупцией. Цифровые технологии открывают дополнительные возможности учета статистических данных, связанных с коррупционными проявлениями, способными с учетом культурных особенностей, местоположения и социально-экономических условий эффективнее осуществлять оценку коррупционных рисков в деятельности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления. Необходимым условием реализации наибольших преимуществ цифровизации является как наличие технологической инфраструктуры, финансовых ресурсов, так и кадрового состава, обладающих навыками работы в сфере информационных технологий. Рассмотрены примеры и категории рисков, допускающих новые проявления коррупции в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные проявления, цифровые технологии, технологии краудсорсинга, цифровые государственные услуги, большие данные, блокчейн, финансовый сектор, избирательный процесс

COUNTERING CORRUPTION IN THE CONTEXT OF DIGITAL DEVELOPMENT: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF REGULATION

Abstract. The article analyzes the foreign experience of using digital technologies in the fight against corruption manifestations that undermine the foundations of statehood and national security. Along with traditional technologies, individual states use new technological solutions, implementing them in the field of combating corruption. Digital technologies open up additional opportunities for accounting for statistical data related to corruption manifestations, which, taking into account cultural characteristics, location and socio-economic conditions, can more effectively assess corruption risks in the activities of officials of state and local government bodies. A necessary condition for realizing the greatest advantages of digitalization is both the availability of technological infrastructure, financial resources,

and personnel with skills in the field of information technology. Examples and categories of risks that allow new manifestations of corruption in the context of digital transformation are considered.

Keywords: corruption, corruption manifestations, digital technologies, crowdsourcing technologies, digital public services, big data, blockchain, financial sector, electoral process

Введение. Эксперты ООН оценивают размер ежегодного объема взяток в мире в 1 трлн долларов, при этом потери государственных доходов при проявлении коррупции составляют 2,6 трлн долларов, сумму, эквивалентную 5 % мирового ВВП [1]. В этой связи государствами разрабатываются меры антикоррупционного воспитательно-просветительского [2], этико-нравственного [3, 4] и иного воздействия [5, 6], усиливающие противодействие коррупционному поведению должностных лиц, активизируется раскрытие и расследование коррупционных преступлений.

Основная часть. Эффективность существующих мероприятий в области противодействия коррупции усиливается благодаря использованию современных информационных технологий, формирующих новую экосистему взаимоотношений, способную исключить большинство коррупциогенных факторов. Цифровизация сокращает прямые контакты потребителей государственных услуг с должностными лицами, расширяя доступ к информации, ее прозрачность и подотчетность, повышая риск обнаружения коррупции и пресекая ее предпосылки.

Опыт большинства развитых государств свидетельствует, что наибольшая эффективность цифровизации возможна лишь при наличии необходимой технологической инфраструктуры, финансовых ресурсов и кадров, имеющих навыки деятельности в сфере информационных коммуникационных технологий (ИКТ).

Ряд стран (США, Япония, Китай, Южная Корея, Финляндия, Эстония и др.) в борьбе с коррупционными проявлениями применяют современные информационные технологии (Big Data, DLT, блокчейн, Data Mining (нейронные сети), краудсорсинг, аудиторские аналитические инструменты (Forensic Tools), электронные системы верификации деклараций о доходах и т. д.), обеспечения прозрачности результатов проведения государственных и корпоративных закупок; эффективного управления государственными финансами; избирательного процесса; прозрачности механизмов реализации управленческих решений, профилирующих проявление коррупции при реализации социальной политики, и т. д.

Например, китайская система искусственного интеллекта Zero Trust, запущенная в 2012 году в 30 округах и городах Китая, позволила выявить свыше 9000 тыс. фактов коррупции среди государственных служащих, однако в дальнейшем по ряду причин руководство КНР в 2019 г. прекратило работу данной программы [7]. Система отслеживала подозрительные сделки с имуществом, строительством, приобретением земельных участков и сносом зданий и сооружений. Программа фиксировала рост баланса на банковском счете должностного лица и выявляла факт приобретения нового имущества. Система оценивала степени вероятности проявления коррупции в определенных действиях должностных лиц. В случае превышения их средних показателей расходов правительство получало соответствующее предупреждение. При возможном изменении должностными лицами

определенных данных Zero Trust сравнивало информацию из нескольких источников и выявляло расхождение [8].

Технологические возможности цифровизации позволяют минимизировать уровень коррупции при повторяющихся операциях; сузить рамки субъективного усмотрения; посредством мониторинга данных выявлять аномальное поведение при проведении различных финансовых операций; повышать уровень осведомленности общественности к коррупционным действиям, а также развивать общественные дискуссии, ориентированные на нетерпимость к фактам проявления коррупционного поведения.

Представляется целесообразным рассмотреть отдельные антикоррупционных практик, основывающихся на цифровых технологиях.

– Цифровые государственные услуги. Использование информационных систем предполагает ограничение личного взаимодействия представителей государства с их получателями. Цифровое взаимодействие государства, граждан и юридических лиц основывается на алгоритмах в соответствии с административными регламентами, которыми обеспечивается обезличенный характер работы с личными информационными сведениями обратившихся за получением государственной услуги.

Например, в Эстонии функционируют информационная платформа, на которой работают и взаимодействуют все службы электронного правительства. Ее особенностью является то, что услуги оказываются при предоставлении электронной подписи с использованием ID-карты. Также в Эстонии впервые использована возможность голосования через Интернет на выборах.

– Обработка больших данных (Big Data). Данные технологии направлены на получение и обработку информации путем прогностического анализа для определения тенденций и взаимосвязей в массивах данных. Примером является китайская правительственная программа оценки государственных служащих «Система социального доверия» (SCS) [9].

В России с апреля 2022 года действует информационная система противодействия коррупции «Посейдон», целью которой является профилактика коррупционных и иных правонарушений, при использовании информационных технологий анализа и сопоставления различной информации. Одним из основных элементов этой системы являются сведения о доходах, расходах и имуществе государственных служащих и определенных законодательством членов их семей [10].

В Испании путем применения нейросетевого программирования осуществляется прогнозирование коррупции посредством составления самоорганизующихся коррупционных схем и карт, учитывающих сложившиеся схемы и имеющиеся коррупционные факты, систему налогообложения недвижимого имущества, стоимость крупной собственности и высокодоходного бизнеса, появление новых финансово-спекулятивных предприятий, систематическая победа одной и той же политической партии, остающейся у власти долгое время, и др. Прогностическая матрица предоставляет различные профили коррупционного риска в зависимости от экономических условий региона, сроков прогноза, политической культуры [11].

– Технологии распределенных реестров (блокчейн). Направлены на минимизацию рисков, связанных с публичными регистрационными действиями по

сделкам (переход права собственности, заключение и исполнение государственных контрактов, осуществление целевого расходования бюджетных средств).

Электронные сертификаты повышают степень доверия к сделкам с недвижимостью и снижают риски совершения мошеннических действий, поскольку технология блокчейн не допускает внесения каких-либо изменений без одновременного их отражения в общей системе распределенного реестра [12].

Технология может использоваться в управлении цепочками поступления информации, обеспечивая ее полную прозрачность. Блокчейн применяется правительствами зарубежных государств для публичных транзакций и документов, например, для отслеживания бюджетных расходов [13], сохранения записей о землеустройстве и реестров компаний или изменения системы контрактов и платежей. Система блокчейна позволяет обеспечить безопасное хранение данных, предотвратить возможность взлома и мошенничества, усилить надзор и подотчетность. Преимуществом блокчейна является невозможность корректировки информации вручную с целью сокрытия истинного положения.

Примером использования данной технологии также выступает Эстония, где пациенты медицинских учреждений обладают электронными медицинскими картами, в которые не могут произвольно вноситься изменения. Данная технология также используется в Дании при выдаче гуманитарной помощи беженцам. Помощь можно получить путем сканирования сетчатки глаза – подобная информация занесена в биометрический идентификатор. В Кении данная технология позволяет осуществлять очистку публичных записей, связанных с получением документов об образовании, исключая возможности мошеннических действий.

Технологии блокчейн существенно облегчают процедуру доказывания коррупционных действий: используется институт презумпции (презумпция незаконности происхождения декларируемых активов) имплементированный из общего английского права инструментарий доказывания – «вне всяких разумных сомнений» (*beyond reasonable doubt*), «баланс вероятностей» (*balance of probabilities*), «наиболее вероятно» (*highly likely*), «показания с чужих слов» – (*hearsay evidence*), «необъяснимое богатство» (*unexplained wealth*), «общекриминальный образ жизни» (*general criminal lifestyle*); в контексте рассматриваемой ситуации незаконность происхождения активов ответчика более вероятна, чем законность, с возложением бремени доказывания на него же, при этом иск подается к имуществу, а не к ответчику (*action in rem*). Упрощение процесса доказывания соответствует запросам алгоритмизации цифровых программ выявления и упрощенного взыскания неправомерных доходов (традиционные же процедуры доказывания, предполагающие достаточный уровень усмотрения правоприменителя, несколько не «вписываются» [14].

– Технологии интеллектуального анализа данных (нейронные сети, искусственный интеллект). Использование возможностей нейронных сетей позволяет осуществлять выявление скрытых связей через анализ структуры данных. Одним из инструментов нейронной сети является самоорганизующаяся карта (нейросетевой алгоритм, выполняющий задачу визуализации и кластеризации), которая может извлекать шаблоны из больших массивов данных. Этот инструмент может

стать серьезным препятствием для продвижения коррупции. Однако качество работы подобных технологий непосредственно зависит от поступающей в них информации.

Так, например, компания Palantir (США), анализирует данные, собираемые из различных источников, выстраивает зависимости и выявляет подозрительные связи и т. д. К услугам данной компании прибегают правоохранительные органы и армия США с целью выявления связанных лиц, формируемых сговоров и альянсов, выявлением недостоверности в предоставляемых данных и т. д. В настоящее время компания предлагает коммерческие услуги по определению мошенничества в финансовом секторе, связанных лиц при трудоустройстве, и др.

Китайская компания SenseTime путем сбора данных из систем видеонаблюдения способна предоставлять и анализировать информацию о перемещениях, поведении, связях конкретных лиц. Данные SenseTime используют практически все государственные органы для раскрытия преступлений и понимания структуры взаимосвязей проверяемых лиц.

Высокую эффективность данные технологии обеспечивают в сфере государственных и корпоративных закупок, повышая степень прозрачности их результатов, расширяя потенциальные возможности конкуренции и облегчая выявление различных нарушений и коррупции. Система позволяет не только эффективно группировать данные о государственных закупках, но и обнаруживать скрытые механизмы, имитирующие конкуренцию в пользу картелей.

Корейская комиссия по добросовестной торговле использует автоматизированную систему обнаружения подозрительных стратегий торгов BRIAS (KONEPS). Согласно оценке добросовестности, проведенной Корейской комиссией по борьбе с коррупцией и гражданским правам, с момента запуска KONEPS индекс восприятия добросовестности Службы государственных закупок улучшился в полтора раза, позволяя преодолевать незаконную практику заимствованных электронных сертификатов [15].

По результатам цифрового интеллектуального анализа процедур состоявшихся государственных закупок в странах ЕС экспертами Будапештского исследовательского центра по вопросам коррупции были выявлены потенциально рискованные зоны, как то: короткие периоды торгов или спорные результаты (например, отсутствие конкуренции на государственных закупках, или неоднократно выигранные торги). В Молдове, например, платформа orepmoney.md показывает, кто является конечным бенефициаром публичных тендеров, а также сумму денежных средств с использованием открытых данных [16].

Современные отечественные интеллектуальные технологии в сфере высшего образования («Антиплагиат») позволили снизить степень коррупционных проявлений. Так, большинство квалификационных, дипломных, иных научных работ должно размещаться в открытом доступе, благодаря чему система путем сопоставления проверяемых данных с ранее размещенными сведениями проверяет авторство и обеспечивает прозрачность образовательного процесса.

Выявление конфликта интересов и направление информации в правоохранительные структуры для проверки коррупционных схем также возможно путем проверки неочевидных закономерностей и взаимосвязей в виртуальном пространстве при использовании технологии интеллектуального анализа массива сведений

(цифровые следы, поисковые запросы, геопозиции, финансовые транзакции, системы идентификации лиц и т. д.) [17].

– Технологии краудсорсинга. Выявление фактов коррупции и коррупционного поведения невозможно без развития обратной связи с общественными институтами. Возможность передавать информацию о случаях коррупции и обмениваться опытом обеспечивают краудсорсинговые платформы. Одной из основных целей данных платформ является доведение информации о случаях мелкой коррупции в государственном секторе. Это крайне важно, поскольку мелкая коррупция формирует основу недоверия к государственным институтам. Эффективность такого инструмента может быть обеспечена простотой использования, гарантии анонимности, широкого распространения такого рода платформ и действий, последующих за обращениями граждан.

Краудсорсинговые платформы по противодействию коррупции созданы в Республике Корея (OPEN), Венгрии (K Monitor), Индии, Кении (I Paid a Bribe), Литве (Manoseimas), Великобритании (FixMyStreet), США (SeeClickFix), Марокко (Mamdawrinch), Пакистане (Citizen Feedback Model), КНР (CCDI), Македонии (Draw a Red Line), Румынии (Bribe Market), Филиппинах (Check My School), Уганде (Yosobomo в Колумбии, Toidihoilo во Вьетнаме, Ushahidi в Кении и др. [18].

Потенциал данной технологии способен формировать каналы коммуникации между государством и обществом, усиливая общественный контроль над функционированием государственных органов, включая нормотворческую деятельность.

С целью расширения возможностей получения информации о коррупции в Литве с 2016 г. действует мобильное приложение Pranesk STT, разработанное при финансовой поддержке Фонда внутренней безопасности ЕС 2014-2020 [19].

Различные способы обратной связи, создаваемые с помощью сбора жалоб и претензий, новостных сайтов, краудсорсинговых платформ и социальных сетей, способствуют как гражданской мобилизации, так и непосредственному выявлению и пресечению коррупции. Вместе с тем активная антикоррупционная деятельность, осуществляемая виртуально в социальных сетях, зачастую не влечет аналогичных действий в реальности. В этой связи для эффективного функционирования рассматриваемых средств необходимо, чтобы любая получаемая информация анализировалась и оценивалась со стороны государственных органов, при обязательном наличии действующих правовых механизмов защиты заявителей о коррупционных правонарушениях.

– Информационные технологии, выявляющие коррупционные риски в финансовой сфере (Forensic Tools). Финансовый сектор в силу внутренней природы в наибольшей степени подвержен коррупционным рискам. Анализ осуществления финансовых транзакций, с возможностями прогнозирования и моделирования возможных вариантов, включая нарушения и коррупционные риски, позволяет осуществлять программный комплекс Self-Monitoring, Analysis and Reporting Technology (SMART). Алгоритмы оценки риска заранее могут предупредить и остановить потенциально неправильно сформированные платежи в процессе осуществления закупок. Преимуществом технологий Forensic Tools является автоматизация процессов сокращения случаев взяточничества [20].

Так, например, в Азербайджане система электронного мониторинга предоставила сведения о степени внедрения цифровых технологий и их влияние на процесс противодействия коррупции [21].

В сфере противодействия коррупции весьма перспективными представляются электронные системы верификации деклараций государственных служащих. Из 160 стран, внедривших системы декларирования, более 50 стран перешли на электронные системы раскрытия активов, среди которых Аргентина, Бутан, Чили, Коста-Рика, Хорватия, Эстония, Франция, Армения, Грузия, Индонезия, Республика Корея, Киргизская Республика, Латвия Литва, Мексика, Молдова, Монголия, Руанда, Сербия, Словения, Уганда, Украина, США и др. [22]

С 2013 г. во Франции осуществляется мониторинг средств массовой информации ARTEMIS, разработанный Высшим органом по обеспечению прозрачности в общественной жизни. В ходе мониторинга осуществляется сбор информации из открытых источников об активах и экономических интересах государственных должностных лиц.

– Технологии противодействия коррупции в избирательном процессе. Направлены на обеспечение прозрачности и достоверности результатов выборов в условиях удаленного доступа с помощью технологии идентификации и аутентификации (биометрические и ID данные), позволяя исключить вбросы и снизить коррупционные риски.

Системы электронного голосования действуют в Великобритании, Швейцарии, США и других странах. Полномасштабные электронные выборы впервые были проведены в Эстонии в 2005 году, при использовании гражданином ID-карты, голос которого подтверждался цифровой подписью.

Надлежащая организация цифровизации избирательного процесса, преимуществом которого является открытость и прозрачность, позволит не только исключить какие-либо манипуляции с подсчетом голосов населения государства и минимизировать коррупционную составляющую, но и выявить любые подозрительные действия ответственных лиц до их завершения.

Необходимо учитывать, что лица, контролирующие цифровые технологии, обладают уникальными знаниями, компетенциями и навыками, позволяющими обойти программные коды и избежать ответственности, в связи с чем находятся в условиях, способствующих коррупции. Такие лица требуют особого контроля со стороны правоохранительных органов.

Заключение. В отсутствие широкого антикоррупционного общественного дискурса, являющегося ключевым институциональным фактором борьбы с коррупцией, высокая степень цифровизации и распространенности Интернета в стране не способна обеспечить надлежащее выполнение задачи по снижению уровня коррупции.

Цифровые технологии не следует рассматривать в качестве основного средства и механизма борьбы с коррупцией. От позиции государства, его правовой политики зависят результаты данной борьбы. Этот вывод подтверждается и в работах зарубежных исследователей антикоррупционной деятельности с применением цифровых и информационных технологий [23].

Список литературы

1. ООН назвала ежегодный объем взяток в мире. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/12/2017/5a2cdb3a9a79470ece4735fe>
2. Антикоррупционное просвещение в Российской Федерации / отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: Проспект, 2021. 144 с. ISBN 978-5-392-33405-6. DOI: 10.31085/9785392334056-2021-128 ; EDN: XFYYXE
3. Антикоррупционная этика и служебное поведение: научно-практическое пособие / отв. ред. И. И. Кучеров, А. М. Цирин. Москва: ИНФРА-М, 2018. 124 с. ISBN 978-5-16-013736-0. EDN: UUQSCI
4. Черногор Н. Н., Залоило М. В., Иванюк О. А. Роль этических и нравственных норм в обеспечении соблюдения запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 130–141.
5. Противодействие коррупции: новые вызовы / отв. ред. Т. Я. Хабриева. Москва: ИНФРА-М, 2018. 384 с. ISBN 978-5-16-012463-6. DOI: 10.12737/21335 ; EDN: OGNKAV
6. Противодействие коррупции: новые вызовы: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2017. 356 с. ISBN 978-5-9908036-5-7. EDN: TPSGTW
7. Xiao W. Freedom of Information Reform in China: Information Flow Analysis // International Review of Administrative Sciences. 2013. Vol. 79. Pp. 790–808.
8. Степанов О. А., Басангов Д. А. Обзор возможностей использования цифровых технологий в целях противодействия коррупции // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10, № 2. С. 49–54.
9. Artificial_Intelligence, AI. URL: <https://hightech.fm/2018/12/09/corruption>
10. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.05.2022. № 18. Ст. 3053.
11. Lopez-Iturriaga F., Pastor Sanz I. Predicting Public Corruption with Neural Networks: An Analysis of Spanish Provinces // Social Indicators Research. № 140. Pp. 975–998. DOI: 10.1007/s11205-017-1802-2; URL: https://www.researchgate.net/publication/321222117_Predicting_Public_Corruption_with_Neural_Networks_An_Analysis_of_Spanish_Provinces
12. Цифровой робокор. Как ИИ может побороть коррупцию. URL: <https://nv.ua/opinion/korruptsiya-v-ukraine-kak-ii-boretsya-s-prestupnostyu-novosti-ukrainy-50059689.html>
13. Степанов О. А., Басангов Д. А. Об уголовно-правовом воздействии на оборот цифровой валюты в обществе // Международное публичное и частное право. 2023. № 1. С. 28–31.
14. Арямов А. А., Руева Е. О. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: отечественный опыт // Российский следователь. 2021. № 8. С. 57–60.
15. Хайрутдинова Л. Р. Антикоррупционный краудсорсинг, как социальный механизм обратной связи по схеме «общество – государство – общество» в противодействие коррупции // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 8. С. 347–352.

16. Трунцевский Ю. В. Е-антикоррупция или е-коррупция: влияние глобальной цифровизации // Международное публичное и частное право. 2019. № 4. С. 42–48.
17. Иванова Ю. А., Сарбаев Г. М. К вопросу о киберпреступности // Цифровые трансформации экономики и права: сборник научных тезисов Национальной научно-практической конференции, Москва, 8 декабря 2021 года. Волгоград, 2022. С. 58–64.
18. Kitts D. How mobile policing technology could bring cops closer to their communities [Электронный ресурс]. – URL: <https://tvo.org/article/current-affairs/how-mobile-policing-technology-could-bring-cops-closer-to-their-communities>
19. UN Guide for Anti-Corruption Policies. URL: [www.unodc.org/pdf/crime/corruption/ UN_ Guide.pdf](http://www.unodc.org/pdf/crime/corruption/UN_Guide.pdf)
20. Официальные интернет-ресурсы государственных органов Азербайджанской Республики. URL: <https://ems.gov.az>
21. Kossow N., Dykes V. Embracing Digitalisation: How to use ICT to strengthen Anti-Corruption. GIZ, 2018. URL: <https://www.giz.de/de/downloads/giz2018-eng-ICT-to-strengthen-Anti-Corruption.pdf>
22. Suleiman M.M. A Review of Improving Good Governance through ICT Revitalization. 2017. URL: <https://www.researchgate.net/publication/325668385>
23. Adam I., Fazekas M. Are emerging technologies helping win the fight against corruption in developing countries? Pathways for Prosperity Commission Background Paper Series. No. 21. Oxford. URL: [http:// www.govtransparency.eu/wp-content/ uploads/2019/02/ICT-corruption-24Feb19 FINAL.pdf](http://www.govtransparency.eu/wp-content/uploads/2019/02/ICT-corruption-24Feb19_FINAL.pdf)

И. А. Биккинин,
доктор юридических наук, профессор,
Уфимский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Аннотация. Цифровая трансформация общества и государства должна обеспечить гражданам повышение доверия и безопасности. Работа посвящена рассмотрению вопросов противодействия террористической деятельности средствами административно-правового воздействия на операторов связи. Исследуется действующее законодательство, регулирующее деятельность операторов связи в отношении запрета на подмену абонентского номера и блокировку номеров, проводится анализ практической работы в Республике Башкортостан. На этой основе предложены меры по совершенствованию организации борьбы с правонарушениями в данной сфере.

Ключевые слова: противодействие терроризму, информационные технологии, мошенничество, оператор связи, подмена абонентского номера

MEASURES OF COUNTERING TERRORIST ACTIVITIES THROUGH THE USE OF NEW INFORMATION TECHNOLOGIES: A CASE STUDY FROM THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract. The digital transformation of society and the state aims to provide citizens with increased trust and security. This paper discusses the issue of countering terrorist activities through administrative and legal measures on telecom operators when they violate the prohibition on number substitution and refuse to block numbers. The author examines current legislation on the activities of telecommunication operators regarding the prohibition of subscriber number substitution and blocking, and analyzes practical cases in the Republic of Bashkortostan. Based on this, measures are proposed to improve law enforcement agencies' work in this area to combat offenses.

Keywords: countering terrorism, information technology, fraud, telecommunications operator, subscriber number substitution

Введение. Цифровая трансформация общества и государства включает три составляющие: данные, доверие, развитие. Для человека она должна обеспечивать снижение стоимости доверия, повышение индивидуализации, удобства и безопасности [1].

Основная часть. Согласно отчету, сделанному по итогам опроса граждан компанией КРОС в рамках определения национального индекса тревожности, в первом квартале 2024 года самой сильной была боязнь телефонных мошенников (29 субъектов Федерации). Второе место занял страх террористических актов (23 субъекта Федерации). Сразу обе боязни вошли в топ-3 в 70 регионах России. Одни из самых высоких эти показатели в Республике Башкортостан (70 юнгов) [2]. Основным источником определяется деятельность украинских спецслужб и неонацистских формирований, нацеленных на вовлечение наших граждан в подготовку и совершение диверсионно-террористических актов. Проблемой называется недостаточная компетентность должностных лиц, занимающихся противодействием терроризму [3]. Особую опасность представляет вовлечение в совершение террористических актов с использованием новых информационных технологий, возможностей, которые дают вовлекающим в преступную деятельность новые способы коммуникаций. Прежде всего это относится к установлению контакта с помощью подменных телефонных номеров.

Действенными мерами предупреждения совершения телефонных мошенничеств выступают установление и реализация ответственности операторов связи за нарушение запрета на подмену номера и отказ от блокировки абонентских номеров и, следовательно, противодействие созданию образа достоверности сведений, передаваемых мошенниками в телефонном общении. Такие звонки совершаются преступниками в целях сообщения ложных данных, информации об актах терроризма, установления помех для деятельности энергетических, инфраструктурных объектов [4]. В апреле этого года сотрудники ФСБ и следственного департамента МВД задержали пять человек, которых подозревают в организации «незаконного виртуального узла связи». Этот узел связи использовался «украинскими call-центрами для телефонного мошенничества» [5]. По актуальным данным, жалобы на мошенников стало поступать в 2–5 раз реже после того, как были

атакованы электростанции в городах Украины типа Днепра. В этих населенных пунктах располагаются колл-центры, и откуда россиянам звонят преступники.

По Башкортостану в 2023 г. жители Уфы мошенники, используя предлог возмещения денежных средств, склонили к поджогу подразделения кредитного учреждения, а в Ишимбае местную жительницу направили совершить поджог помещения военного комиссариата [6]. Следователи ФСБ России возбудили уголовные дела в отношении двух граждан, пытавшихся под воздействием мошенников поджечь здания военкоматов в Архангельском и Зианчуринском районах [7].

Государством на сегодняшний день создан ряд IT-систем противодействия киберугрозам: ГосСОПКА, «Антифрод» (Роскомнадзор), «Антифишинг» (Минцифры), ФинЦЕРТ (Центробанк) и внутренние сервисы крупных цифровых компаний [8]. Административная ответственность операторов связи за пропуск через техническое оборудование подменных номеров, с помощью которых совершаются «телефонные преступления», определена Федеральным законом [9]. Оператор связи, участвующий в установлении телефонного соединения, должен передавать в сеть связи другого оператора в неизменном виде полученный абонентский номер [10].

Проведенный нами анализ применения установленного запрета в деятельности подразделений МВД по Республике Башкортостан показал, что в 2023 г. за неисполнение указанных требований закона по результатам проверок, в том числе по материалам уголовных дел, возбуждено 36 дел об этих правонарушениях на общую сумму 10,1 млн руб. [11].

Совершенствование взаимодействия деятельности по противодействию мошенничествам с использованием информационных технологий является важным резервом этого направления нашей работы. Об этом свидетельствуют выявленные недостатки. Так в Управление Роскомнадзора по Республике Башкортостан в 2023 г. поступил материал проверки из ОМВД России по К* району, который сопроводительным письмом от 22 марта 2023 г. возвращен начальнику ОМВД России по К* району. По аналогичным основаниям сопроводительными письмами в 2022–2023 годах возвращены более двух десятков материалов проверки [12].

Прокуратурой Республики Башкортостан проведена проверка исполнения Управлением Роскомнадзора по Республике Башкортостан законодательства об административных правонарушениях, в ходе которой выявлены факты непринятия мер по материалам, поступившим из органов полиции. В этой связи в адрес руководителя ведомства вынесено представление, одно должностное лицо привлечено к дисциплинарной ответственности.

Заключение. Подводя итог проведенному исследованию и выражая согласие с выводами проведенной прокурорской проверки, еще раз подчеркнем, что административно-правовые средства противодействия террористическим актам выступают важным юридическим инструментом этой работы. Совместная активная деятельность всех уполномоченных органов и должностных лиц, включая МВД России и Роскомнадзор, является существенным резервом в активизации борьбы с террористическими актами, которые реализуются с помощью мошеннических действий, совершаемых с использованием информационных технологий.

Список литературы

1. Голосов П. Куда ведет цифровая трансформация государства? // Сетевое издание «Ведомости». [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru/25/tsifrovoe_gosudarstvo/articles/2024/07/01/1047284-kuda-vedet-tsifrovaya-transformatsiya-gosudarstva (дата обращения: 10.07.2024).
2. Винницкая А. Мошенники страшнее смертной казни. // Газета Коммерсант. 2024. 11 мая. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6689394> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 05.02.2024 № 28 «Об утверждении государственной программы «Обеспечение общественной безопасности в Республике Башкортостан» и о признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Башкортостан». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0200202402120007?ysclid=m0s64khy5t104110170> (дата обращения: 10.07.2024).
4. Колычева А. Н. Механизм совершения мошенничества с использованием подмены телефонного номера // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 1, № 1(2). С. 302–308.
5. Смирнов Г. ФСБ задержала пять человек по делу об «украинских call-центрах» и ₽7 млрд // Сетевое издание «РБК». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/04/2024/661399849a7947d8c59ee6e4?ysclid=lyu3blvelm946756084> (дата обращения: 10.07.2024).
6. Архипов Д. Число звонков от мошенников упало в 5 раз после ударов РФ по объектам на Украине // Сетевое издание «Газета.ру». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/07/19/23492713.shtml> (дата обращения: 10.07.2024).
7. Балыкова Н. Жители Башкирии перечислили мошенникам 2,5 млрд рублей с начала года // Сетевое издание «Коммерсантъ». [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6424681?from=2_top_main_6 (дата обращения: 10.07.2024).
8. Исакова Т. Разделяй и защищай // Коммерсантъ. 2024, 24 мая. С. 7.
9. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2021 г. № 480-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.07.2024).
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=m0s68mbuop17134260 (дата обращения: 10.07.2024).
11. По инициативе прокуроров операторы связи привлекаются к ответственности за пропуск вызова с подменного телефонного номера // Официаль-

ный сайт Прокуратуры Республики Башкортостан. 2023. 31 августа. [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_02/mass-media/news/archive?item=89957211 (дата обращения: 10.07.2024).

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=m0s68mbuop17134260

(дата обращения: 10.07.2024).

13. Антонова Е. Ю. Преступления террористической направленности в эпоху цифровизации: формы деятельности и меры по противодействию. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(1). С. 251–269. DOI: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.10> ; EDN: HFPMTN

Н. Н. Бойко,

кандидат юридических наук, доцент,
Уфимский университет науки и технологии,
Стерлитамакский филиал

РАССМОТРЕНИЕ ВОПРОСОВ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности. Круг исследуемых правоотношений является относительно новым явлением в российском правовом поле, в связи с чем они надлежащим образом не урегулированы нормами отечественного права. Кроме того, данные отношения развиваются стремительно, что обуславливает необходимость оперативного реагирования на новшества в сфере информационной безопасности. Необходимость в обеспечении информационной безопасности очерчена в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Президентом России. В силу того, что количество угроз в рассматриваемой сфере выросло, предлагается их классификация, что позволит выработать более эффективные меры по борьбе с данными явлениями.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, интернет-технологии, информационное общество, информационная безопасность, угрозы информационной безопасности, кибербуллинг, несовершеннолетние, обеспечение безопасности личности

CONSIDERATION OF LEGAL SUPPORT ISSUES INFORMATION SECURITY

Abstract. The present article is devoted to the study of problems related to the provision of information security. The range of legal relations under study is a

relatively new phenomenon in the Russian legal field, therefore they are not properly regulated by the norms of domestic law. In addition, these relations are developing rapidly, which necessitates a prompt response to innovations in the field of information security. The need to ensure information security is outlined in the Strategy for the Development of Information Society in the Russian Federation for 2017–2030, approved by the President of Russia. Due to the fact that the number of threats in this area has increased, the author proposes their classification, which will allow to develop more effective measures to combat these phenomena.

Keywords: law, digital technologies, Internet technologies, information society, information security, threats to information security, cyberbullying, minors, personal security

Введение. Широкое развитие информационных технологий привело к тому, что они охватили все сферы жизнедеятельности человека, а также государства. Данное обстоятельство связано с тем, что технологии открывают новые возможности, решают проблемы, связанные с коммуникацией между различными субъектами, упрощают многие операции, а также повышает производительность работы всех ведомств и учреждений. Государство активно поддерживает внедрение новых технологий в различные органы и учреждения, выделяя денежные средства, а также обеспечивая различными социальными гарантиями IT-специалистов.

Основная часть. Цифровизация общества и государства привела к тому, что информационные технологии стали неотъемлемым элементом нашей культуры, создавая новые ценности в обществе и стандарты взаимосвязи между различными субъектами общественных отношений [1].

Между тем, обретая столь важное значение и место в обществе, общественные отношения в исследуемой сфере нуждаются в должном правовом регулировании. Традиционные проблемы общества, такие как преступность, построение общения между обществом и государством, социальное расслоение между различными классами общества, плавно перешли и в цифровое пространство. Более того, цифровизация общества наделила их новыми атрибутами, что требует от государства новых решений обозначенных проблем.

Для разрешения проблем, связанных с информационными технологиями, была разработана соответствующая концепция информационной безопасности, обозначенная в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

Исходя из содержания данного акта и анализа обозначенных угроз информационной безопасности, считаем, что их можно разделить на две группы:

– во-первых, угрозы, связанные с незаконным доступом к информации. В данном случае информация может носить конфиденциальный характер, и она не должна стать достоянием третьих лиц. Это могут быть сведения из личной или деловой переписки, информация, связанная с охраняемой законом тайны, личные фотографии и видеозаписи;

– во-вторых, угрозы, связанные с нарушением требований непосредственно к информации. В данном случае речь может идти о недостоверной (ложные све-

дения об угрозах безопасности граждан) или вредоносной (материалы порнографического характера, демонстрация фильмов с рейтингом 18+ несовершеннолетним и т. п.) информации.

Информация может носить открытый и ограниченный характер. В последнем случае информация может быть запрещена полностью (информация о местах продажи наркотических веществ, огнестрельного оружия, военная тайна и т. п.) либо частично (разрешена для взрослых лиц, запрещена для детей).

Отдельно также следует рассмотреть проблему общения в сети Интернет. Осознавая факт того, что лица, участвующие в переписке, находятся на разных концах России, а также что личность переписывающихся зачастую не идентифицируется, пользователи часто ведут себя агрессивно и неадекватно с другими собеседниками. Споры и ссоры нередко перетекают в угрозы, а оскорбления и издевательства порой затрагивают расовую, национальную и религиозную принадлежность собеседника. Часто жертвами подобных провокаций и оскорблений становятся дети, которые в силу особенностей своего психического развития могут более болезненно воспринимать данные негативные явления.

Для защиты детей от негативной информации Федеральным Собранием РФ был принят ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», однако он не решил многих проблем, едва коснувшись лишь информации, которая публикуется в СМИ.

К проблемам, связанным с защитой прав детей в информационно-телекоммуникационных сетях, можно отнести следующие:

1) кибербуллинг – оскорбления в сети Интернет, распространение недостоверных сведений или сведений, которые носят характер личной тайны, а также различного рода провокации [5. Р. 99]. Как уже было сказано, дети могут крайне чувствительно реагировать на подобного рода действия. Они могут уйти в себя, бросить заниматься учебой или увлечением и в худшем случае совершить самоубийство [4. Р. 183]. В настоящее время дети часто подвергаются травле со стороны взрослых за новое увлечение – квадербинг. Разумеется, данное увлечение может вызывать определенную обеспокоенность, однако это не является поводом оскорблять и унижать их;

2) размещение в сети Интернет информации, не предназначенной для детского просмотра. Интернет-провайдеры активно предпринимают усилия для недопущения размещения на платформах, которыми пользуются в том числе и дети, запрещенной или ограниченной в пользовании информации, однако полностью оградить детей от этого фактически невозможно. Кроме того, часто дети «проникают» в интернет-ресурсы, где не должны находиться. Подобные интернет-ресурсы часто формально подходят к вопросу ограничения доступа детей к своему контенту. Либо же это лишь предупреждение о размещении запрещенного контента, либо незамысловатая система регистрации, где достаточно указать в анкете ложные сведения о своем возрасте;

3) информация, вводящая в заблуждение детей. Дети, в силу отсутствия жизненного опыта, знаний и личной наивности, легко могут быть введены в заблуждение. Речь идет не только о различных формах интернет-мошенничества, которое заполонило все цифровое пространство. Это может быть реклама бесплатных онлайн-игр, где необходимо за реальные деньги приобретать товары для

игры, различные способы интернет-заработка и т. д. Законодательство европейских стран запрещает игровым издателям выпускать игры для детей с элементом азартных игр, а также такие, где необходимо регулярно делать платежи реальными деньгами. Отечественное законодательство никаких ограничений в этом плане не создает;

4) угроза сексуального насилия в отношении детей. Несмотря на то, что сексуальное насилие подразумевает физический контакт с потерпевшим, угрозу для психического и нравственного развития могут иметь и интернет-формы сексуального насилия. Нередко лица, имеющие сексуальные девиации, отправляют потерпевшим сцены сексуального насилия над детьми, животными, умершими; непристойные предложения; требуют отправить фотографии интимного характера. Будучи уверенными в своей безнаказанности и анонимности, данные лица все изощреннее ведут в себя социальных сетях [3. С. 363]. В данном случае проблема заключается в том, что отечественное законодательство не регулирует вопрос этики общения в сети Интернет на подобные темы. Сексуальное домогательство в своем легальном понимании подразумевает «живое» общение на подобные темы, в связи с чем достаточно сложно привлечь к ответственности лиц за подобного рода действия в сети Интернет;

5) нарушение конфиденциальности данных несовершеннолетних. Российское законодательство запрещает размещать персонифицированную информацию о детях, ставших жертвами преступлений, а также данные личного характера, сведения о тайне усыновления, медицинские данные и т. п. Однако часто СМИ данные требования игнорируют либо по своей невнимательности забывают деанонимизировать детей, ставших жертвами сексуального насилия.

Заключение. Таким образом, законодательство об информационной безопасности требует серьезной модернизации, особенно если речь идет о несовершеннолетних пользователях. При этом нельзя сводить все меры к запрету и ограничению, поскольку подобного рода меры показывают крайнюю неэффективность. Отношения в исследуемой сфере требуют более точечного подхода. Невозможно полностью огордиться в сети Интернет от нежелательной информации. В определенных случаях необходимо требовать от владельцев интернет-ресурсов проведения более оперативной модерации поступающей информации, в других случаях необходимо проработать меры ответственности за нарушение этики общения в сети Интернет. Также следует проводить воспитательные мероприятия с детьми и их родителями для выработки «иммунитета» от кибербуллинга и действий различных мошенников. Также считаем необходимым обязать интернет-ресурсы ввести в будущем специальный искусственный интеллект, который будет автоматически выявлять случаи нарушения законодательства об информационной безопасности и предпринимать меры по устранению данных нарушений и при необходимости собирать информацию о злостных нарушителях.

Список литературы

1. Анненкова И. В., Залоило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 140–155.

2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808 (дата обращения: 05.09.2024).

3. Филиппов В. М., Насонкин В. В., Папачараламбоус Ч. Права и интересы детей в информационной сфере: реформирование законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 2, № 2. С. 362–372.

4. Payyz M. A. O regulirovanii psikhicheskogo nasiliya normami UK RK [On the regulation of mental violence by the norms of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan] // Nauchnyye trudy YUKGU im. M.Auezova. 2021. № 1(57). Pp. 183–189.

5. Zhumabekova K. Topical issues of protecting children from cyberbullying // Journal of actual problems of jurisprudence. 2022. Vol. 104, № 4. Pp. 98–103.

И. И. Брянцев,

кандидат социологических наук, доцент,
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,

О. В. Брянцева,

кандидат физико-математических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ: ОБЩИЕ ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Аннотация. Цифровые информационные инструменты стали неотъемлемой частью системы сбора, хранения, обработки и передачи как уже имеющихся, так и только появляющихся знаний в сфере государственного и муниципального управления. Это обуславливает актуальность использования этих инструментов для повышения эффективности работы государственных органов, ускорения процессов принятия решений, обеспечения прозрачности и транспарентности публичной власти. В статье представлены результаты анализа региональных практик и особенностей формирования правовой среды и реализуемых организационных мер, обеспечивающих динамичное развитие цифровой среды.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, цифровая трансформация, цифровая среда, государственные услуги, органы публичной власти, общественный контроль

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE DIGITAL ENVIRONMENT: GENERAL TRENDS AND REGIONAL SPECIFICITY

Abstract. Digital information tools have become an integral part of the system for collecting, storing, processing and transmitting both existing and emerging knowledge in the field of public and municipal administration. This determines the

relevance of using these tools to improve the efficiency of government agencies, accelerate decision-making processes, and ensure transparency and transparency of public authorities. The article presents the results of an analysis of regional practices and features of the formation of the legal environment and the organizational measures implemented to ensure the dynamic development of the digital environment.

Keywords: law, digital technologies, digital transformation, digital environment, public services, public authorities, public control

Введение. Активное развитие процессов глобализации и постоянное усовершенствование информационных технологий привели к признанию значимости и важности информации как основного инструмента влияния на общественное сознание, регулированию жизнедеятельности на государственном уровне. В результате цифровые информационные инструменты стали неотъемлемой частью системы сбора, хранения, обработки и передачи как уже имеющихся, так и только появляющихся знаний в сфере государственного и муниципального управления.

В современном обществе информационные технологии становятся неотъемлемой частью деятельности различных сфер, включая государственное и муниципальное управление. С использованием цифровых технологий возможно повысить эффективность работы государственных органов, ускорить процессы принятия решений, обеспечить прозрачность и открытость власти. Значимость и необходимость внедрения современных информационных технологий в управление отмечают Президент Российской Федерации [11], в нормативно-правовых актах федерального [6] и регионального уровня.

Основная часть. В связи с появлением и развитием инновационных технологий, процессов цифровизации и цифровой трансформации различных сфер и отраслей публичного управления, все субъекты цифровой среды формируют метaprостранство данных, которое становится основой для предоставления услуг, а также эффективным инструментом взаимодействия граждан с институтами государственной власти. Одновременно с этим происходит автоматизация процессов работы с информацией, развивается межведомственный электронный документооборот, используются «облачные» технологии, внедряются системы электронного голосования.

При этом задачи внедрения современных информационных технологий связаны с общественными потребностями и ожиданиями по упрощению процедуры коммуникации с органами власти и сокращению времени на получение услуг.

Важным аспектом внедрения цифровых технологий выступает также и привлечение высококвалифицированных специалистов, обладающих знаниями и умениями по эффективной работе с информационными системами, ресурсами и технологиями, а также способных к осуществлению процессов их трансформации для нужд системы государственного и муниципального управления [1, 3].

Эта модель позволяет минимизировать и устранять выявленные проблемы и выступает необходимым условием формирования эффективного государства, в котором в качестве приоритетных организационно управленческих задач обозначается система мер, способных обеспечивать внедрение актуальных цифровых технологий: «большие данные» (big data), нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра (блокчейн), квантовые технологии, но-

вые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорики, технологии беспроводной связи (в частности, 5G), технологии виртуальной и дополненной реальности (VR и AR) [10].

Анализируя региональные практики, рассмотрим особенности формирования правовой среды и реализуемых организационных мер, обеспечивающих динамичное развитие цифровой среды. Например, в Саратовской области были приняты нормативные правовые акты, среди которых отметим: распоряжение Правительства Саратовской области от 13 августа 2021 года № 235-Пр [4], а также постановление Правительства Саратовской области от 19 августа 2021 года № 688-П [5], которым была утверждена Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Саратовской области. В результате принятия этих нормативных правовых актов в организационно-управленческой деятельности органов публичной власти стал формироваться тренд на увеличение доли электронного юридически значимого документооборота между исполнительными органами, местного самоуправления и подведомственными им учреждениями в Саратовской области; увеличивается доля проверок в рамках контрольно-надзорной деятельности, проведенных дистанционно, в том числе с использованием чек-листов в электронном виде; реализуется осуществление закупок и (или) аренда программного обеспечения исполнительными органами области и органами местного самоуправления области, а также подведомственными им организациями; увеличивается количество государственных (муниципальных) служащих, а также сотрудников подведомственных исполнительным органам области и органам местного самоуправления области учреждений, прошедших обучение компетенциям в сфере цифровой трансформации государственного и муниципального управления.

В качестве основных проблемных факторов, негативно воздействующих на динамику формирования цифровой среды государственного управления, следует обозначить: недостаток финансирования, кадрового потенциала, технологических мощностей и оборудования, «цифровой разрыв» между высокими компетенциями компаний и низким уровнем использования платформ внутри региона, а также низкий уровень цифровой грамотности населения и другие проблемы. По данным правительства Саратовской области по состоянию на август 2024 года, в общегосударственной автоматизированной информационной системе «Госуслуги» зарегистрировались 1 миллион 900 тыс. человек в Саратовской области, но при этом пользуются этим ресурсом 760 тысяч, остальные предпочитают получать услуги через систему МФЦ. В перечне услуг для граждан и организаций представлены 137 услуг из 274, определенных федеральным перечнем.

В связи с этим необходимо совершенствовать законодательство в данной сфере, своевременно обновлять программно-аппаратные комплексы в исполнительных органах власти Саратовской области, проводить систематическое обучение, повышение квалификации участвующих в цифровой трансформации сотрудников, осуществить перевод отраслей экономики на отечественное программное обеспечение, а также вовлекать научное и IT-сообщество в цифровую трансформацию публичного управления.

На сегодняшний день цифровая трансформация деятельности органов государственной власти Саратовской области включает в себя ряд характеристик, которые способствуют повышению эффективности и прозрачности их работы.

Во-первых, это ведение электронного документооборота, в том числе межведомственного, который позволяет органам публичной власти Саратовской области ускорить процессы принятия решений, улучшить коммуникацию и сократить время на передачу и обработку документов между структурными подразделениями.

Во-вторых, улучшение взаимодействия с гражданами и представителями бизнеса при предоставлении услуг. Многие услуги, оказываемые государством, уже переведены в электронный формат. Это означает, что внедрены удобные онлайн-сервисы, такие как электронная подача заявлений, получение различных документов, оплата государственных услуг и т. д. Это сокращает бумажную работу, упрощает процедуры и значительно снижает время ожидания. Цифровая трансформация позволяет органам власти установить эффективное взаимодействие с предпринимателями, предоставляя им возможность подачи отчетности, получения лицензий и разрешений онлайн, что способствует улучшению инвестиционного климата.

В-третьих, органами государственной власти Саратовской области уделяется внимание безопасности обработки и хранения данных. Внедрение современных технологий и систем защиты информации позволяет снизить риски утечки и несанкционированного доступа к данным [9].

В-четвертых, Саратовская область в 2023 году подала заявку на перевод цифрового сервиса «Карта жителя» на федеральную платформу «Гостех» как лучшую региональную практику. Картой жителя сможет стать банковская карта «МИР» любой финансовой организации. Это обеспечивается путем интеграции системы с автоматизированными системами банков и региональными отраслевыми информационными системами, например, такими как медицинская информационная система и ГИС в сфере социальной защиты [12]. Цифровой сервис «Карта жителя Саратовской области» – это информационная система учета предоставления мер социальной поддержки и иных услуг, а также приобретения (получения) товаров, работ, услуг на территории Саратовской области от партнеров проекта в рамках программы лояльности с использованием «Карты жителя».

Целями внедрения проекта «Карта жителя» являются совершенствование предоставления мер социальной поддержки и иных услуг, повышение качества жизни жителей области на основе использования передовых цифровых технологий, создание и развитие электронных сервисов, механизмов взаимодействия и др. В связи с этим органы публичной власти Саратовской области решают ряд организационно-управленческих задач [7]:

- предоставление населению Саратовской области многофункционального электронного инструмента для получения мер социальной поддержки и иных услуг;
- интеграция и обеспечение взаимодействия региональных информационных ресурсов и автоматизированных систем при предоставлении мер социальной поддержки и других услуг;
- увеличение доли безналичных расчетов на территории Саратовской области.

Реализация данного социального проекта обуславливает необходимость внедрения и использования следующих цифровых сервисов, таких как транспортная карта; карта школьника – сервис, позволяющий получать сведения о времени нахождения учащегося в общеобразовательном учреждении, его входе и выходе, о состоянии баланса денежных средств на личном счете при использовании услуги «Электронная столовая»; туристическая карта, предоставляющая скидки при посещении турбаз, гостиниц и ресторанов, льготы и бонусы от партнеров. Кроме того, карта жителя позволяет получить электронный рецепт, заменяющий бумажный бланк от врача, обеспечивает идентификацию при получении питания на льготной «молочной кухне».

Внедрение этих цифровых инструментов способствует обеспечению реализации организационно-управленческих мер поддержки населения и помощи бизнесу, цифровой трансформации публичного управления, формируя адресный и точный механизм решения управленческой задачи.

В-пятых, цифровая экономика и цифровая трансформация являются неотъемлемыми элементами развития современного государства и общества. Вопрос подготовки кадров для их реализации является ключевым, и поэтому уже сегодня крайне необходимы квалифицированные цифровые кадры в региональных и муниципальных ведомствах, а также в подведомственных им учреждениях. В 2022 году в рамках федерального проекта в регионе повысили свою квалификацию 117 государственных и муниципальных служащих [13].

Стоит отметить, что Саратовская область стала регионом, принявшим участие в проекте по масштабированию опыта Координационного центра Правительства РФ. Технология работы Координационного центра на территории Саратовской области будет обеспечивать взаимодействие с федеральными структурами в реальном времени, что ускорит принятие решений и позволит использовать наиболее эффективные модели реагирования на инциденты [8].

Еще один проект, реализуемый в Саратовской области, – это модернизация системы оповещения региона, которая реализуется как современный комплекс программно-аппаратных средств оповещения на базе передовых цифровых технологий с использованием искусственного интеллекта предназначенный для создания автоматизированных систем оповещения населения и структур гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций.

Саратовская область на сегодняшний день реализует один из крупнейших инвестиционных проектов – строительство центра обработки данных (далее – ЦОД), где также будут задействованы элементы искусственного интеллекта. ЦОД представляет собой масштабный технологический комплекс, в котором будет обрабатываться и храниться огромный массив информации.

Сбербанк совместно с Минцифры России и ФКУ «ГосТех» разработал единую цифровую платформу для оказания качественных государственных услуг гражданам в электронном формате. Кроме того, данный продукт полностью импортозамещенный.

Цифровая трансформация органов публичной власти Саратовской области имеет целью улучшение качества предоставляемых услуг, повышение уровня эффективности и прозрачности работы, а также содействие развитию инноваций и цифровой экономики в регионе.

Так или иначе, одним из важнейших инструментов цифровой трансформации в сфере публичного управления в регионах является реализация комплекса организационно управленческих мер, обозначенных в региональных стратегиях цифровой трансформации.

Эффективность реализации комплекса управленческих мер, определенных в Стратегии, во многом зависит от развития механизмов обратной связи между органами государственной власти, органами местного самоуправления и подведомственными им организациями. В качестве одного из действенных механизмов, обеспечивающих оперативное взаимодействие, можно рассматривать созданный в регионе Центр управления регионом.

Накопленный управленческий опыт по проведению цифровой трансформации системы регионального управления будет использоваться при разработке новой Стратегии до 2030 года.

Ключевой задачей цифровой трансформации в первую очередь является разработка эффективных документов стратегического планирования на всех уровнях управления. При этом необходимо придерживаться обязательных принципов цифровой трансформации и использовать передовой опыт в соответствующей области. Только таким способом возможно обеспечить успешную цифровую трансформацию и достичь поставленных целей.

Российская Федерация активно внедряет информационные технологии в публичное управление, находясь только на начальных стадиях этого процесса. Для обеспечения доступности и эффективности государственных сервисов происходит цифровизация сферы государственных и муниципальных услуг, активный процесс развития отечественных цифровых разработок и повышения уровня безопасности и защиты данных в информационной среде, в том числе с помощью платформенных решений. Тем не менее переход к цифровой трансформации публичного управления невозможен без готовности и понимания использования цифровых технологий и сервисов обществом.

Возникающие вызовы для государства в области цифровой трансформации требуют внедрения новых технологий и методов, направленных на минимизацию отрицательных последствий использования цифровых технологий.

Важнейшим элементом дальнейшего развития отечественного цифрового государственного управления является проработка действующей нормативно-правовой базы, а также принятие новых законодательных актов, которые должны устанавливать правовые принципы регулирования цифровой среды и использования ее инструментов. Проблемные аспекты следует тщательно изучить и разработать соответствующий комплекс правовых актов с целью минимизации возможных негативных последствий и предотвращения противоправных действий в этой области. Таким образом, основная задача законодателя сегодня – обеспечить безопасность цифровой среды для всех ее участников.

Ряд исследователей отмечают необходимо реализовать организационно управленческие меры по совершенствованию нормативно-правовой базы, которая бы способствовала созданию комплексной системы оценки процессов цифровой трансформации на всех стадиях от планирования и реализации до мониторинга и оценки результативности [2].

Заключение. Оптимизация работы органов публичной власти, благодаря передовым цифровым технологиям, позволит ускорить процесс принятия управленческих решений и качественно улучшить взаимодействие государства, граждан и бизнеса. Только современные и инновационные подходы позволят достичь высоких результатов в развитии цифрового общества и цифровой экономики.

Дальнейшее повышение эффективности функционирования органов публичной власти на основе внедрения инструментов цифровой трансформации требует перестройки процессов взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества и экспертным сообществом, через создание гибких и адаптивных к решению управленческих задач, которые требуют их участия. Особенно актуальна задача цифровизации такого процесса, как общественный контроль и интегрирование в единую цифровую среду всех его субъектов: общественные палаты, общественные советы, инициативные группы граждан и т. д., которые в рамках единого цифрового сервиса будут оперативно решать, как мониторинговые задачи исполнения принятых и реализуемых решений, так и участия в их принятии на стадии экспертного обсуждения и подготовки рекомендаций.

Список литературы

1. Демидов А. Ю., Лукашов А. И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. 2021. № 1. С. 28–34.
2. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024.
3. Краснодубская К. С. Проникновение информационных технологий в государственное управление или цифровизация как фактор открытости органов государственной власти // Global and Regional Research. 2022. Т. 4, № 2. С. 32–41.
4. Об утверждении перечня массовых социально значимых государственных услуг Саратовской области и муниципальных услуг, подлежащих переводу в электронный формат: Распоряжение Правительства Саратовской области от 13.08.2021 № 235-Пр. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406844249> (дата обращения: 02.09.2024).
5. Об утверждении Стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Саратовской области: Постановление Правительства Саратовской области от 19.08.2021 № 688-П. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/467730907> (дата обращения: 02.09.2024).
6. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: Распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/726583017> (дата обращения: 02.09.2024).
7. О реализации проекта по внедрению цифрового сервиса «Карта жителя Саратовской области»: Постановление Правительства Саратовской области от 11.03.2024 № 170-П [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6400202403130017?index=1> (дата обращения: 02.09.2024).

8. О региональном Координационном центре Правительства Саратовской области: Постановление Правительства Саратовской области от 19.09.2023 № 851-П [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6400202309210008> (дата обращения: 02.09.2024).

9. О создании штаба по обеспечению кибербезопасности Саратовской области: Постановление Губернатора Саратовской области от 11.01.2023 № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6400202301120010> (дата обращения: 02.09.2024).

10. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854 (дата обращения: 02.09.2024).

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111 (дата обращения: 02.09.2024).

12. Саратовская область предложила перевести на платформу «Гостех» цифровой сервис «Карта жителя» [Электронный ресурс]. URL: https://saratov.gov.ru/gov/news/saratovskaya_oblast_predlozhila_perevesti_na_platformu_gostekh_tsifrovoy_servis_karta_zhitelya/ (дата обращения: 02.09.2024).

13. Специалисты в органах власти Саратовской области прошли обучение цифровым компетенциям [Электронный ресурс]. URL: https://saratov.gov.ru/news/spetsialisty_v_organakh_vlasti_saratovskoy_oblasti_proshli_obuchenie_tsifrovym_kompetentsiyam (дата обращения: 02.09.2024).

Э. Р. Бурангулов,

доцент,

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В представленных тезисах дана оценка текущему состоянию сферы правового регулирования электронного обучения в России и сформулированы рекомендации по решению имеющихся проблем. Утверждается, что действующих законов недостаточно, необходимо создание особого законодательного акта об электронном обучении, в котором фиксируются предмет, основные понятия и принципы, задачи такого обучения, его специфика в сравнении с очным обучением и с учетом конкретного направления подготовки.

Ключевые слова: образование, дистанционное обучение, Интернет, нормативный правовой акт, право, цифровые технологии, цифровое право, электронное обучение

LEGAL REGULATION OF E-LEARNING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The purpose of the study is to determine the current state of the sphere of legal regulation of e-learning in Russia and formulate recommendations for solving existing problems. It is concluded that the current laws are not enough, it is necessary to create a special legislative act on e-learning, which fixes the subject, basic concepts and principles, the objectives of such training, its specificity in comparison with face-to-face training and taking into account the specific area of training.

Keywords: education, distance learning, Internet, normative legal act, law, digital technologies, digital law, e-learning

В России динамично развивается электронное (дистанционное) обучение (образование). Поэтому возникла необходимость правового регулирования этого нового направления.

Сегодня электронное обучение в России регламентируют Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Приказ Минобрнауки России от 23 августа 2017 г. № 816 «Об утверждении порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» и некоторые другие. В ст. 16 вышеуказанного федерального закона определяются электронное обучение и дистанционные образовательные технологии [2], в п. 5 вышеуказанного приказа очерчивается круг полномочий образовательных учреждений, применяющих электронное обучение и дистанционные технологии [1].

Действующие законы имеют общий характер и не охватывают все сложные и многообразные отношения по поводу электронного обучения. Такая ситуация в сфере электронного обучения порождает проблемы и неопределенность. Так, имеются трудности с авторским правом на лекции, представленные в прямом

эфире в Интернете, с объемом очного и электронного обучения для студентов, обучающихся на коммерческой основе и пр. Кроме того, наблюдаются значительные злоупотребления в информационной сфере, которые выявляют отечественные исследователи [3].

Для защиты прав и законных интересов обучающихся и педагогов, для эффективного развития электронного обучения и образования в нашей стране необходимо оформление полноценной нормативной правовой базы для российского электронного обучения, которая определила бы специфику электронного обучения в сравнении с очным обучением, где учитывалось бы конкретное направление подготовки. Например, для студентов медицинских, технических, естественно-научных направлений электронное обучение может применяться в строго ограниченном объеме. Думается, что такая база не требует отдельного федерального закона (достаточно общей рамки Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»), она может быть составлена из локальных нормативных актов вкупе с другими специальными нормативными правовыми актами. При этом вузы вполне могут сами определять конкретные параметры электронного обучения с учетом своей специфики. Именно этот способ поможет решить имеющиеся проблемы и предотвратить новые трудности, может содействовать электронному обучению в России.

Список литературы

1. Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816 «Об утверждении порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278297 (дата обращения: 31.08.2024).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 31.08.2024).
3. Яковлев М. В. Цифровой авторитаризм: концептуальные основания и модель легитимации // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 45–54.

В. С. Бутримов,

аспирант,

Московский инновационный университет,

О. С. Дудченко,

доктор юридических наук, доцент,

Российский государственный аграрный университет – МСХА

имени К. А. Тимирязева

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВНОГО СПОСОБА РАСЧЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу проблем и тенденций развития правового регулирования цифровой валюты как одного из альтернативных способов расчетов, ее роли и месту в финансовой системе Российской Федерации. Отмечается отсутствие единого подхода к определению и классификации криптовалют, эффективных механизмов контроля и надзора за криптовалютными операциями, высокий уровень анонимности и непрозрачности, связанный с использованием криптовалюты и другие проблемы.

Ключевые слова: блокчейн-технологии, закон, криптовалюта, цифровая валюта, финансовые активы, финансовая система

PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL CURRENCY AS AN ALTERNATIVE PAYMENT METHOD IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article analyses the problems and trends in the development of legal regulation of digital currency as an alternative method of settlement, its role and place in the financial system of the Russian Federation. The lack of a unified approach to the definition and classification of cryptocurrencies, effective mechanisms of control and supervision of cryptocurrency operations, high level of anonymity and non-transparency associated with the use of cryptocurrencies, and other problems are noted.

Keywords: blockchain technologies, law, cryptocurrency, digital currency, financial assets, financial system

Введение. На современном этапе развития общества значительно возросла популярность цифровой валюты как неотъемлемая часть финансового мира, что вызвало необходимость разработки соответствующего законодательства. Правовое регулирование обращения виртуальных валют является сложным процессом и требует комплексного подхода. С развитием технологий блокчейн и криптографии, возможности использования цифровых валют для осуществления платежей, переводов и инвестиций стали все более популярными. В Российской Федерации данная тема стала особенно актуальной, учитывая стремительное развитие технологий.

Основная часть. Первые попытки регулирования цифровой валюты в России начались в середине 2010-х годов. Изначально отношение властей к криптовалютам было осторожным, если не негативным. В 2014 году Центральный банк

Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) выпустил предупреждение о рисках использования цифровых валют, подчеркивая их анонимность и возможность использования в противоправных целях.

С 2017 года начались активные попытки государственного регулирования использования цифровой валюты. В 2020 году вступил в силу Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О цифровых финансовых активах...» 2020 г.). Этот закон стал первой попыткой комплексного регулирования криптовалют и цифровых активов в России, который ввел понятие «цифровой финансовый актив» и установил правила его обращения. Также криптовалюта была признана как объект права и предоставлена возможность ее использования в коммерческих операциях [4]. Тем не менее ФЗ «О цифровых финансовых активах...» 2020 г. все еще не решает всех проблем, связанных с регулированием использования цифровой валюты в России. Возникают вопросы относительно налогообложения криптовалюты, защиты прав потребителей, борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. Как следствие, необходимо разработать дополнительные законы и нормативные акты, которые учтут все эти аспекты и обеспечат безопасное и эффективное использование цифровой валюты.

В соответствии с ФЗ «О цифровых финансовых активах...» 2020 г. цифровая валюта признана имуществом, но не средством платежа. Этот момент является ключевым в понимании текущего отношения государства к криптовалютам.

Одной из основных тенденций является ужесточение контроля за оборотом цифровых валют. Власти стремятся предотвратить использование криптовалют в противоправных целях, таких как отмывание денег и финансирование терроризма. В этой связи большое внимание уделяется идентификации пользователей и мониторингу транзакций.

Важным аспектом является налогообложение операций с цифровыми валютами. В 2021 году были внесены изменения в Налоговый кодекс РФ, согласно которым физические и юридические лица обязаны декларировать доходы, полученные от операций с цифровыми активами. Нарушение этих требований может повлечь за собой серьезные штрафы.

Для обеспечения безопасности пользователей и стабильности рынка законодательство предусматривает лицензирование платформ, занимающихся оборотом цифровых валют. Это включает в себя требования по капиталу, безопасности и отчетности.

Одной из основных проблем в регулировании цифровой валюты в России является отсутствие законодательно закрепленного статуса криптовалюты. Официально в России цифровая валюта не признана законным платежным средством, что создает неопределенность и неустойчивость в отношении ее использования и обмена. Это приводит к трудностям в определении правового статуса криптовалютных операций и наносит ущерб развитию инновационных проектов, связанных с цифровой валютой [2. С. 45].

Еще одной проблемой в регулировании цифровой валюты является отсутствие единого подхода к определению и классификации криптовалют. В настоя-

щее время в России существуют разные подходы к определению понятия «цифровая валюта» и к классификации различных видов криптовалют. Это создает путаницу и затрудняет разработку единых правил и норм, регулирующих деятельность в сфере цифровой валюты. Кроме того, отсутствие единого подхода затрудняет сотрудничество с другими странами и международными организациями в области регулирования цифровой валюты [1].

Также одной из проблем, с которой сталкиваются регуляторы в России, является высокий уровень анонимности и непрозрачности, связанный с использованием криптовалюты. В отличие от традиционных финансовых систем, где существует возможность отследить и идентифицировать участников транзакций, криптовалюта обеспечивает высокий уровень анонимности, что может способствовать незаконным действиям, таким как отмывание денег и финансирование терроризма, что, в свою очередь, создает риск для финансовой стабильности и национальной безопасности страны [3].

Кроме того, регулирование цифровой валюты в России сталкивается с проблемами, связанными с отсутствием эффективных механизмов контроля и надзора за криптовалютными операциями. Стоит отметить, что в настоящее время нет единого регулирующего органа, ответственного за контроль и надзор за деятельностью в сфере цифровой валюты. Это затрудняет обнаружение и предотвращение незаконных действий и создает уязвимости для мошенничества и кибератак. Более того, правовое регулирование цифровой валюты сталкивается с вызовами, связанными с развитием технологической инфраструктуры государства. Для повышения его эффективности необходимо развивать и модернизировать технологическую инфраструктуру, включая системы и программное обеспечение для контроля и надзора за криптовалютными операциями. Однако разработка такой инфраструктуры требует значительных инвестиций и экспертизы, что является вызовом для российских регуляторов.

В целом правовое регулирование цифровой валюты в Российской Федерации сталкивается с рядом проблем и вызовов, которые затрудняют развитие и использование криптовалюты в стране. Отсутствие нормативно закреплённого статуса, отсутствие единого подхода к классификации, высокий уровень анонимности и непрозрачности, отсутствие эффективных механизмов контроля и надзора, а также необходимость развития технологической инфраструктуры – все это является вызовами, которые требуют внимания и разработки соответствующих регуляторных мер. Таким образом, важно разработать четкие и сбалансированные правила, которые обеспечат безопасность и стабильность цифровой валюты, а также способствуют инновационному развитию в этой области.

В России законодательство в области регулирования цифровой валюты все еще находится в стадии разработки и требует дальнейшего совершенствования. Несмотря на то, что Правительство РФ признало потенциал цифровой валюты и блокчейн-технологии, законы и нормативные акты, регулирующие ее использование, все еще не являются полными и четкими [5].

Одной из перспектив развития законодательства в области регулирования цифровой валюты в РФ являются разработка и внедрение государственной криптовалюты. Несколько стран уже выразили свои намерения создать собственные цифровые валюты. Государственная криптовалюта может стать альтернативным

средством платежа и способом расчетов, что позволит улучшить эффективность финансовой системы и обеспечить большую прозрачность операций.

Однако разработка и внедрение государственной криптовалюты также представляют определенные риски и вызывают вопросы относительно ее безопасности и конфиденциальности. Необходимо разработать соответствующие механизмы и протоколы, которые обеспечат защиту от хакерских атак и злоупотреблений.

Кроме того, перспективы развития законодательства в области регулирования цифровой валюты в РФ включают в себя создание специальных правовых рамок для ICO (InitialCoinOffering) и криптовалютных бирж. ICO – это метод привлечения инвестиций, при котором компания выпускает свои собственные токены и продает их инвесторам. Криптовалютные биржи, в свою очередь, представляют собой онлайн-платформы, где можно купить, продать или обменять криптовалюту.

Создание специальных правовых рамок для ICO и криптовалютных бирж позволит установить четкие правила и требования для их функционирования. Это поможет предотвратить мошенничество и защитить интересы инвесторов. Необходимо разработать механизмы лицензирования и регулирования ICO и криптовалютных бирж, а также установить требования к их деятельности и прозрачности операций.

Заключение. Таким образом, перспективы развития законодательства в области регулирования цифровой валюты в РФ включают в себя установление единого законодательно закреплённого определения и классификации криптовалюты, разработку законов и нормативных актов, регулирующих налогообложение, защиту прав потребителей и борьбу с отмыванием денег, создание государственной криптовалюты, разработку правовых рамок для ICO и криптовалютных бирж. Эти меры помогут обеспечить безопасное и эффективное использование цифровой валюты в России и способствовать развитию финансовой системы.

Список литературы

1. Дерр Д., Ковальски О., Невский С. И. Цифровизация и денежный порядок. Проблемы и перспективы регулирования рынка криптовалют // Terra Economicus. 2019. Т. 17. № 4. С. 6–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-denezhnyy-poryadok-problemy-i-perspektivy-regulirovaniya-rynka-kriptovalyut> (дата обращения: 25.05.2024).
2. Евстифеев И. В., Матвеева М. А. Правовое регулирование и перспективы использования криптовалют на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2023. № 1. С. 45. URL: http://trans-safety.ru/tpb/2023/04/trans_safety_45.pdf#page=139 (дата обращения: 25.05.2024).
3. Кочергин Д. А., Янгирова А. И. Центробанковские цифровые валюты: ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23, № 4. С. 80–98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentrobankovskie-tsifrovye-valyuty-klyuchevye-harakteristiki-i-napravleniya-vliyaniya-na-denezhno-kreditnuyu-i-platezhnuyu-sistemy> (дата обращения: 25.05.2024).
4. Раздорожный К. Б. Банк России как регулятор на рынке финансовых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3(124). С. 45–51.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bank-rossii-kak-regulyator-na-rynke-finansovyh-tehnologiy> (дата обращения: 25.05.2024).

5. Цветкова Л. А. Перспективы развития технологии блокчейн в России: конкурентные преимущества и барьеры // Экономика науки. 2017. Т. 3, № 4. С. 275–296. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-tehnologii-blokcheyn-v-rossii-konkurentnye-preimuschestva-i-bariery> (дата обращения: 25.05.2024).

А. А. Габович,

доцент кафедры,

Ростовский государственный экономический университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ЮРИСТОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Анализируется процесс развития гражданской позиции студентов – будущих юристов в условиях цифровизации. Выявляются законодательные аспекты, которые влияют на становление гражданской позиции студентов юридических вузов в условиях юридической клиники. Выработаны предложения по улучшению системы оказания государственной бесплатной юридической помощи. Актуализируется необходимость дальнейшего развития юридических клиник с использованием цифровых продуктов.

Ключевые слова: цифровизация, гражданская позиция будущих юристов, БЮП, бесплатная юридическая помощь, профессиональная подготовка студентов, клиническое юридическое образование, юридическая клиника.

TOPICAL ISSUES OF DEVELOPING THE CIVIC POSITION OF STUDENTS – FUTURE LAWYERS IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Abstract. The article analyzes the process of developing the civic position of students-future lawyers in the context of digitalization. Legislative aspects that influence the formation of the civic position of students of law schools in the context of a legal clinic are identified. The author has developed proposals for improving the system of providing state free legal aid. The need for further development of legal clinics using digital products is updated.

Keywords: digitalization, civic position of future lawyers, free legal aid, professional training of students, clinical legal education, legal clinic.

Введение. В наши дни государственная политика направлена на получение качественного высшего юридического образования, важным звеном в этой сфере выступают юридические клиники. События, происходящие на протяжении последних лет, показывают, что государство уделяет важное место профессиональной подготовке студентов юридических направлений подготовки, формированию их гражданской позиции. Отдельное внимание уделяется формированию таких гражданских ценностей, как патриотизм, служение Отечеству и гражданственность.

Основная часть. Правовые нормы, заявленные в нормативных документах, реализуются на практике в виде конкретных действий. В общеобразовательных школах учебная неделя начинается с поднятия Государственного флага России, исполнения гимна, проходят занятия «Разговоры о важном» – все это призвано активизировать гражданственность и создать условия для формирования гражданской позиции в молодежной среде.

Положительной представляется практика, при которой государственные органы оказывают поддержку организациям, которые содействуют формированию гражданской позиции студентов, например движение детей и молодежи, которому органы публичной власти оказывают поддержку и содействие в работе. Деятельность Российского общества «Знание» направлена на формирование у граждан активной гражданской позиции. В Ростовской области органам государственной власти предписано воспитывать гражданина, имеющего активную гражданскую позицию. Внимание государства к студенческой молодежи неслучайно, так как это граждане с различными жизненными установками и моделями поведения, имеющие разный уровень образования, воспитания, социальный статус, из разных регионов проживания.

Развитие цифровых технологий делает жизнь граждан комфортной. С появлением различных цифровых сервисов, таких как «Госуслуги», можно получать государственные услуги в ускоренные сроки, не посещая непосредственно государственных органов, при помощи электронных сервисов Росреестра получать информацию об объектах недвижимости.

Право получения государственной бесплатной юридической помощи предусмотрено статьей 48 Основного Закона Российской Федерации [1], далее правовые нормы конкретизируются в специальном Федеральном законе [2, 3]. Юридические клиники в Российской Федерации являются перспективным элементом профессиональной подготовки студентов – будущих юристов. Студенты, еще обучаясь, не имеют документа об образовании, тем самым не обладая возможностью полноценно оказывать юридическую помощь, но участие в деятельности юридической клиники позволяет им фактически выполнять роль профессиональных юристов.

В настоящее время наиболее распространенными форматами консультирования с использованием цифровой среды стали: 1) по видеосвязи; 2) в мессенджерах; 3) по электронной почте. Имеются и отрицательные стороны, к ним можно отнести недостаточное качество сигнала сети Интернет, отсутствие навыков использования цифровых сервисов у граждан. Следует отметить, что в эпоху развития цифровых продуктов происходит активное формирование гражданской позиции студентов в юридических клиниках. В образовательном пространстве вуза для реализации профессионального потенциала студента созданы такие студенческие объединения, как общий совет обучающихся, сформированный из представителей факультетов вуза, структурные подразделения (отделы, управления, центры) по реализации молодежной политики. На гражданскую позицию студентов оказывают влияние профориентационные мероприятия, такие как правовые диктанты, выездные занятия в правоохранительных органах, организация деловых игр, круглых столов с потенциальными работодателями.

Заключение. Цифровая среда способствует активизации познавательных компетенций студентов – будущих юристов, но вместе с тем имеются и недостатки, которые еще предстоит устранить.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.). Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г., № 0001202210060013 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/doc/constitution> (дата обращения: 08.09.2024).

2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121887 (дата обращения: 08.09.2024).

3. Залоило М. В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 20 с.

Е. В. Гаврилов,
советник юридического отдела экспертно-правового управления,
Законодательное Собрание Красноярского края

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕЖИМА СТАЦИОНАРНЫХ, ПЕРЕДВИЖНЫХ И МОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы правового режима стационарных, передвижных и мобильных средств автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения. Цель исследования – привлечь внимание к указанным юридическим проблемам. Новизна исследования обусловлена тем, что правовой режим указанных средств автоматической фиксации правонарушений является новым, а поднимаемые проблемы ранее отдельно не освещались. Сделан вывод о необходимости совершенствования федерального и регионального законодательства.

Ключевые слова: средства фиксации, цифровые технологии, правила дорожного движения, органы власти, полномочия

ON SOME PROBLEMS OF THE LEGAL REGIME OF STATIONARY, MOBILE AND MOBILE MEANS OF AUTOMATIC RECORDING OF TRAFFIC VIOLATIONS

Abstract. The article examines some problems of the legal regime of stationary, mobile and mobile means of automatic recording of traffic violations. The purpose of

the study is to draw attention to the specified legal problems. The novelty of the study is due to the fact that the legal regime of the specified means of automatic recording is new, and the problems raised have not been separately covered. The author comes to the conclusion that the federal and regional legislation on the designated topic requires improvement.

Keywords: recording means, digital technologies, traffic rules, authorities, powers

На территории Российской Федерации (в основном в крупных городах, на трассах, в наиболее опасных локальных местах) функционируют свыше 9 тысяч стационарных, более 3 тысяч передвижных и 656 мобильных комплексов автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения (далее – ПДД) [1. С. 80]. Такие технические средства автоматической фиксации правонарушений являются эффективным средством статистического обобщения информации, а также сбора доказательств совершения правонарушения, позволяют выяснить обстоятельства случившихся дорожно-транспортных происшествий, помогают в расследовании преступлений, фиксируя перемещения транспортных средств [2. С. 348]. Это наглядный пример использования цифровых технологий в дорожной деятельности, транспортных системах и праве.

При этом долгое время правовой режим работающих в автоматическом режиме стационарных специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи для фиксации нарушений ПДД, передвижных специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи для фиксации нарушений ПДД, мобильных специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи для фиксации нарушений ПДД (далее – стационарные, передвижные и мобильные средства автоматической фиксации нарушений ПДД) не имел нормативного регламентирования [3. С. 22].

Однако с 1 сентября 2024 года вступили в силу существенные изменения в Федеральный закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о дорожной деятельности).

Изменения связаны с установлением требований к стационарным, передвижным и мобильным средствам автоматической фиксации нарушений ПДД, в том числе регламентированы вопросы их размещения (применения), отключения и демонтажа, финансирования расходов, связанных с содержанием указанных средств фиксации и др. (см. статью 22¹ Федерального закона о дорожной деятельности).

Во-первых, перечисляются *признаки* стационарных, передвижных и мобильных средств автоматической фиксации нарушений ПДД (используются на дорогах; работают в автоматическом режиме; имеют функции фото- и киносъемки, видеозаписи; установленный порядок их утверждения в качестве средства изменения; наличие соответствующего сертификата и действующего свидетельства о метрологической поверке), а также их *цели* (выявлять и фиксировать нарушения ПДД без непосредственного воздействия человека).

Во-вторых, указываются субъекты, имеющие право на принятие решения о размещении (применении) на дороге стационарных средств автоматической

фиксации, передвижных средств автоматической фиксации и (или) мобильных средств автоматической фиксации (уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ, владелец автомобильной дороги, а также территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в субъекте РФ (далее – ОВД)). Эти же субъекты принимают решение об отключении и (или) о демонтаже указанных средств фиксации нарушений ПДД.

В-третьих, предусмотрено согласование вышеназванных решений между уполномоченным органом исполнительной власти субъекта РФ и владельцем автомобильной дороги, а также с ОВД. Решение об отключении и (или) о демонтаже, принятое ОВД, согласования с уполномоченным органом исполнительной власти субъекта РФ и владельцем автомобильной дороги не требует.

В-четвертых, указываются субъекты, устанавливающие стационарное средство автоматической фиксации или передвижное средство автоматической фиксации, использующие мобильное средство автоматической фиксации (уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ, владелец автомобильной дороги). Обращаем внимание, что непосредственно установка, использование средств автоматической фиксации нарушений ПДД возможны только при согласовании решения о размещении.

В-пятых, отключение и (или) демонтаж стационарных, передвижных и мобильных средств автоматической фиксации, независимо от того, кто принял решение об отключении и (или) о демонтаже, осуществляет уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ. При этом демонтаж отключенных стационарных средств автоматической фиксации или передвижных средств автоматической фиксации помимо уполномоченного органа исполнительной власти субъекта РФ осуществляет владелец автомобильной дороги. Федеральный закон о дорожной деятельности не ставит вопрос об отключении и (или) демонтаже средств автоматической фиксации в зависимость от согласования решения об отключении и (или) о демонтаже.

В-шестых, большая доля финансовых аспектов, связанных со средствами автоматической фиксации нарушений ПДД, передана уполномоченному органу исполнительной власти субъекта РФ, соответственно, это вопросы регионального бюджета.

Кроме того, регламентируются более узкие организационные вопросы правового режима стационарных, передвижных и мобильных средств автоматической фиксации нарушений ПДД. Правила размещения стационарных средств фиксации, передвижных средств фиксации или мобильных средств фиксации утверждены Постановлением Правительства РФ от 01.06.2024 № 754.

Нетрудно заметить, что значительная часть нововведений касается региональных органов власти, их полномочий. В этой связи региональные законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ подлежат приведению в соответствие со статьей 22¹ Федерального закона о дорожной деятельности.

В своей профессиональной деятельности при приведении законодательства Красноярского края в соответствие с вышеназванными новеллами (в рамках правовой экспертизы краевого законопроекта, на основе которого впоследствии был принят Закон Красноярского края от 04.07.2024 № 7-2971 «О внесении изменений в статью 3 Закона края «О разграничении полномочий органов государственной

власти Красноярского края в области использования автомобильных дорог и осуществления дорожной деятельности, организации дорожного движения и организации проведения технического осмотра транспортных средств» и статью 2 Закона края «О дополнительном финансировании возложенных на полицию обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на территории Красноярского края» (далее – Закон края № 7-2971) автор настоящего исследования столкнулся со следующими проблемами правового регулирования, несовершенством федерального законодательства:

1. Федеральным законом о дорожной деятельности не урегулирован вопрос о том, кто осуществляет установку стационарного средства автоматической фиксации, передвижного средства автоматической фиксации, если решение о размещении таких средств принимает ОВД в соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 22¹ Федерального закона о дорожной деятельности. В пункте 1 части 9 статьи 22¹ Федерального закона о дорожной деятельности установка связана только со случаями принятия решения уполномоченным органом исполнительной власти субъекта РФ или владельцем автомобильной дороги. О решении ОВД не говорится.

По нашему мнению, в рамках опережающего правового регулирования уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ может взять на себя обязательство по установке стационарных средств автоматической фиксации или передвижных средств автоматической фиксации в случае согласования принятого ОВД решения о размещении. Законодатель Красноярского края пошел именно по этому пути (абзац шестой пункта 3 статьи 1 Закона края № 7-2971).

2. Из статьи 22¹ Федерального закона о дорожной деятельности неясно, вправе ли уполномоченный орган исполнительной власти субъекта РФ устанавливать средство автоматической фиксации нарушений ПДД в случае, если решение о размещении принял владелец автомобильной дороги.

Так, например, в Новосибирской области уполномоченный орган имеет полномочие по установлению стационарного средства фиксации или передвижного средства фиксации *в случае принятия решения о его размещении уполномоченным органом* (пункт 11.5 статьи 6 Закона Новосибирской области от 02.05.2009 № 329-ОЗ «О дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения»). Получается, в других случаях уполномоченный орган не осуществляет установку средства фиксации.

Полагаем, пункт 1 части 9 статьи 22¹ Федерального закона о дорожной деятельности сформулирован таким образом, что возложение на региональный орган власти полномочия по установке стационарных, передвижных средств автоматической фиксации, решение о размещении которых принимает владелец автомобильной дороги, допустимо (отсутствует прямая зависимость установки от того, кто (уполномоченный орган или владелец автомобильной дороги) принимает решение об установке; запрета нет).

3. В соответствии с частями 16 и 17 статьи 22¹ Федерального закона о дорожной деятельности действие положений указанной статьи не распространяется на стационарные средства автоматической фиксации нарушений правил проезда через железнодорожные переезды, за исключением положений, предусмотренных подпунктом «в» пункта 2 части 9 статьи 22¹ указанного Федерального закона (о финансировании расходов на осуществление юридически значимых действий);

действие положений частей 2–6 части 9 (за исключением подпункта «в» пункта 2), части 14 указанной статьи не распространяется на использование мобильных средств автоматической фиксации, установленных на транспортные средства полиции.

Считаем, что в региональном законодательстве, регламентирующем соответствующие отношения, указанная оговорка (например, в форме примечания) также должна присутствовать. В противном случае можно говорить о таком коррупциогенном факторе, как «принятие нормативного правового акта за пределами компетенции» (подпункт «д» пункта 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26.02.2010 № 96). Однако изучение регионального законодательства показало, что указанная оговорка предусмотрена лишь в некоторых субъектах РФ (например, в Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Красноярском крае).

На основании вышеизложенного отмечаем, что статья 22¹ Федерального закона о дорожной деятельности, вступившая в силу с 1 сентября 2024 года, имеет некоторые недостатки, которые с учетом правоприменительной практики могут быть устранены путем корректировки указанной статьи, а региональные законы не должны противоречить изменившемуся федеральному законодательству.

Список литературы

1. Антонов С. Н., Молчанов П. В. Особенности имплементации отдельных конституционных норм, затрагивающих права и законные интересы граждан, в законодательство в области обеспечения безопасности дорожного движения и охраны общественного порядка // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 76–82.

2. Воронкова Д. М. Об оценке эффективности использования технических средств автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения // Проблемы совершенствования российского законодательства: сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов, Барнаул, 11 апреля 2019 года / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. С. 347–349.

3. Шевченко О. А. Возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях в области дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

М. В. Гуркина,
соискатель,

Ростовский государственный университет путей сообщения

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье представлена характеристика взаимодействия государства и общества в условиях информационно-цифровой трансформации. Проанализированы особенности данного влияния с точки зрения социально-гуманитарных наук. Представлены современные взгляды ученых. Изучены положения основных нормативно-правовых документов в исследуемой области. Также выявлены факторы, замедляющие взаимодействие государства и общества в контексте стремительного развития цифровых технологий. Перечислены результаты деятельности государства при реализации социальной политики в сфере цифровизации. На основании проведенного исследования сделаны выводы о неоднозначности указанного взаимодействия с точки зрения позитивных и негативных последствий.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, общество, государство, цифровое государство, право, теория государства и права

INFLUENCE OF DIGITIZATION ON INTERACTION OF THE RUSSIAN STATE AND SOCIETY

Abstract. The article presents the characteristics of the interaction between the state and society in the context of information and digital transformation. The features of this influence from the point of view of social and humanitarian sciences are analyzed. The modern views of scientists are presented. The provisions of the main regulatory documents in the field under study have been studied. The factors slowing down the interaction of the state and society in the context of the rapid development of digital technologies are also identified. The results of the state's activities in the implementation of social policy in the field of digitalization are listed. Based on the conducted research, the author came to the conclusion about the ambiguity of this interaction in terms of positive and negative consequences.

Keywords: digitalization, digital technologies, society, state, digital state, law, theory of state and law

Введение. Процесс взаимодействия общества и государства многогранен и сложен. На протяжении исторического развития общества данная тема по-разному раскрывалась в научных трудах. Указанная историческая обусловленность вызвана практической значимостью (наряду с теоретической), поскольку взаимоотношения общества и государства всегда носили противоречивый характер. В данном случае следует согласиться с мнением А. В. Брылева: «Главная причина всех противоречий заключается в том, что общество как социальное образование апеллирует к морали, а государство как политическая система – к интересам» [2. С. 37]. Но, несмотря на множество нерешенных вопросов, наличие противоре-

чий и различных научных точек зрения, следует констатировать, что существование государства и общества не представляется возможным по отдельности. В процессе осуществления государственной власти применение цифровых технологий набирает обороты и тем самым проникает в государственные органы [8. С. 78]. В настоящее время цифровые технологии выступают как один из ключевых факторов изменения форм коммуникаций государства с обществом. Несмотря на наличие некоторых трудностей [1. С. 17–19], стоит согласиться с мнением ученых о строительстве «цифрового государства» [3. С. 169]. Таким образом, вопрос о влиянии цифровых технологий на взаимодействие государства и общества является актуальным.

Основная часть. Влияние стремительно развивающегося процесса цифровизации и обогащение информационно-коммуникационного пространства затронуло все сферы жизни общества. Под влиянием цифровых технологий трансформировалась российская государственная политика. На протяжении последних лет принимаются нормативно-правовые акты различных уровней. Например, на основании ряда перечня поручений Президента РФ с 2020 по 2022 год было принято распоряжение Правительства РФ «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления». Целью реализации указанного программного документа является «обеспечение свободного, устойчивого, безопасного информационного взаимодействия между органами государственной власти, гражданами, бизнесом, а также технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры» [7. С. 8]. Также одной из популярных в последнее время концепций является концепция «электронного государства». Для получения наиболее полного представления об особенностях влияния цифровизации на взаимодействие общества и государства необходимо обратиться к научным исследованиям некоторых социально-гуманитарных наук. В социологическом исследовании М. В. Рыбаковой и Н. А. Ивановой указан высокий процент доступности цифровых технологий при оказании государственных услуг. Следует согласиться с выводом авторов о том, что «цифровые технологии сегодня являются критически важными элементами современного управления, в том числе и государственного, и очень важна не только трансформация системы государственного управления, но и переформатирование взаимодействия между гражданским обществом, бизнесом и государством» [9. С. 158]. Для поддержания связи с обществом государство использует различные формы взаимодействия. Ввиду цифровизации они претерпели трансформацию. У граждан появилась возможность получать государственные услуги, оплачивать госпошлины, штрафы и задолженности через интернет-портал «Госуслуги». Также существуют другие информационные ресурсы: Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), Досудебное обжалование, Единая система нормативно-справочной информации (ЕСНСИ), Система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), Информационная система головного удостоверяющего центра (ИС ГУЦ), Ситуационный центр. Для эффективной реализации государственной политики необходимо общественное мнение. В связи с чем регулярно проводятся опросы среди граждан. Например, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ при разработке проек-

тов для повышения уровня информатизации и цифрового развития страны проводит опросы среди граждан с помощью справочно-информационного интернет-портала «Госуслуги».

Среди факторов, замедляющих цифровую трансформацию форм взаимодействия общества и государства, выделим следующие:

1. Навыки принятия решений на основании цифровых технологий имеются у ограниченного количества лиц, выполняющих управленческие функции.
2. Проблемы обеспечения информационной безопасности.
3. Недостаточность развития цифровой инфраструктуры.
4. Социально-культурные особенности регионов.
5. Различия в уровне жизни населения (цифровое неравенство) и в цифровых компетенциях у поколений (цифровой разрыв между поколениями).

Но, несмотря на наличие замедляющих факторов, следует отметить, что в целом взаимодействие государства и общества можно охарактеризовать положительно. Среди успешных результатов деятельности государства при реализации социальной политики в сфере цифровых технологий отметим следующие:

1. Увеличение нормативно-правовой базы в сфере применения цифровых технологий.
2. Расширение перечня оказания государственных услуг [10. С. 142].
3. Разработка новых форм обеспечения кибербезопасности.
4. Принятие технологических программ «умный город» в процессе управления населенными пунктами [4. С. 47].
5. Стимулирование граждан к использованию государственных услуг в электронной форме [5. С. 62].

Все вышеуказанное в конечном счете приводит к формированию цифрового суверенитета [11].

Заключение. Подводя итог, отметим, что влияние цифровизации на взаимодействие государства и общества неоднозначно. С одной стороны, цифровые технологии способствуют эффективной коммуникации, а с другой – приносят определенные риски для государства и общества. Под влияние цифровых технологий трансформировалась парадигма взаимодействия государства и общества, что требует дальнейшего детального исследования.

Список литературы

1. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. № 2.
2. Брылев А. В. Взаимодействие общества и государства // Образование и право. 2023. № 6.
3. Жучаев А. А. Цифровизация как основной аттрактор эскалации публичной власти // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41).
4. Зорин Г. Е. Технологии «умный город» и их применение в управлении территорией // Вестник РУК. 2021. № 1(43).
5. Пашенко И. Ю. Современный этап развития информационного общества в Российской Федерации: цифровая информация, информационные технологии и

государственное управление // NB: Административное право и практика администрирования. 2022. № 3.

6. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024.

7. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 г. № 637-р. URL: <https://www.consultant.ru>

8. Романовская О. В. Правовые основы цифрового государства // Наука. Общество. Государство. 2024. № 2(46).

9. Рыбакова М. В., Иванова Н. А. Цифровизация управления как фактор эффективного взаимодействия государства и общества // Социология. 2021. № 5.

10. Сизимова О. Б., Бурова А. Ю. О принципах построения правового механизма цифрового профилирования граждан // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 1(101).

11. Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(3). С. 673–690. EDN: NFWLYF

Р. Р. Данакари,
аспирант,

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

ЕДИНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА В СФЕРЕ ЗАКУПОК: ЭФФЕКТИВНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. Исследования в сфере закупок нельзя обойти без изучения единой информационной системы, которая является цифровой технологией, улучшающей обеспечение государственных и муниципальных нужд. В связи с актуальностью данной темы исследования для современного общества и государства была выявлена цель исследования, согласно которой необходимо определить степень эффективности проявления цифровых технологий в публичных правоотношениях на примере единой информационной системы в сфере закупок. Для достижения указанной цели рассмотрены особенности осуществления закупок через единую информационную систему. Поднимается проблема отсутствия досудебного порядка обжалования решений антимонопольного органа. Реализация предложенных идей связана с необходимостью изменения единой информационной системы как цифровой технологии.

Ключевые слова: единая информационная система, цифровые технологии, публичные правоотношения, государственные и муниципальные нужды, сфера закупок, решения антимонопольного органа, досудебный порядок обжалования

UNIFIED INFORMATION SYSTEM IN THE SPHERE OF PROCUREMENT: EFFECTIVE MANIFESTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC LEGAL RELATIONS

Abstract. Procurement research cannot be avoided without studying the unified information system, which is a digital technology that improves the provision of state and municipal needs. In connection with the relevance of this research topic for modern society and the state, the purpose of the study was identified, according to which it is necessary to determine the degree of effectiveness of the manifestation of digital technologies in public legal relations on the example of a unified information system in the field of procurement. To achieve this goal, the author has considered the features of procurement through a unified information system. The author raises in this study the problem of the lack of a pre-trial procedure for appealing against the decision of the antimonopoly authority. Realization of the author's ideas regarding the solution of the mentioned problem is connected with the necessity to change the unified information system as a digital technology. The search for a way to solve this problem led the author to the relevant conclusions.

Keywords: unified information system, digital technologies, public legal relations, state and municipal needs, procurement, antimonopoly authority decisions, pre-trial appeal procedure

Введение. Федеральный закон о контрактной системе (далее – ФЗ о контрактной системе) направлен на «регулирование общественных отношений, связанных с необходимостью обеспечивать удовлетворение государственных и муниципальных нужд» [2]. С целью успешного функционирования контрактной системы государством была разработана уникальная цифровая площадка – единая информационная система (далее – ЕИС), которая полностью обеспечивает проведение закупочных процедур, от стадии регистрации заказчиков и участников до стадии исполнения путем подписания приема-сдаточных документов.

Основная часть. В настоящее время закупки для государственных и муниципальных нужд реализуются посредством информационных систем, непосредственно взаимосвязанных с ЕИС. Представляется целесообразным перечислить указанные информационные системы, что позволит сформировать более полное представление о развитии цифровых технологий в сфере закупок. При этом необходимо также отметить и то, что все перечисленные дальнейшие информационные системы являются как государственными, так и коммерческими.

Первая информационная система – это ГИИС «Электронный бюджет». В качестве второй информационной системы следует отметить операторов электронных площадок, перечень которых утвержден распоряжением Правительства РФ от 12.07.2018 № 1447-р. Третья информационная система включает в себя региональные и муниципальные информационные системы. К примеру, на территории Волгоградской области органы государственной власти субъекта РФ и местного самоуправления, а также подведомственные им учреждения используют информационную систему АЦК «Госзаказ». Четвертая система – это ГИС «Независимый регистратор». И наконец, в качестве пятой информационной системы в сфере закупок следует назвать информационные системы антимонопольного органа, с помощью которых возможно осуществление процедур

обжалования действий уполномоченного органа и рассмотрения заявлений заказчика о включении недобросовестного участника закупки в реестр недобросовестных поставщиков.

Электронное взаимодействие заказчиков и участников закупок друг с другом осуществляется как в ЕИС, так и на электронных площадках. В настоящее время контракт между заказчиком и участником закупки, а также соглашения об изменении его условий заключаются на электронных торговых площадках, а в ЕИС спустя определенное время лишь появляется соответствующая информация. Также операторы электронных площадок взаимодействуют с кредитными организациями по вопросу блокировки и удержания денежных средств у участников закупок, находящихся на специальных счетах.

Вместе с тем считаем необходимым отметить, что с 1 января 2023 г. через ЕИС не только осуществляется электронная приемка поставленных товаров, оказанных услуг, выполненных работ, но и обжалуются действия Заказчика и/или уполномоченного органа на любой стадии Закупки. Мы полагаем, что в полном сопровождении закупочного процесса проявляется уникальность ЕИС. Акцентировать внимание, на наш взгляд, необходимо на том, что при существенном нарушении другой стороной контракта его условий заказчик или участник закупки обладает правом расторгнуть контракт, в связи с чем обязан разместить соответствующую информацию в ЕИС и спустя определенное время направить документы в антимонопольный орган для проверки принятого им решения на предмет законности и соблюдения процедуры. Более того, в личном кабинете участника закупок в ЕИС выгружаются независимые гарантии об обеспечении заявок, об обеспечении исполнения контракта, о гарантийных обязательствах, выданные уполномоченными организациями в интересах участника закупок.

С учетом сказанного, следует обратить внимание на точку зрения Л. В. Андреевой, которая считает, что существующая цифровая технология в сфере закупок в виде ЕИС «обеспечивает формирование, обработку, хранение и предоставление информации по всему процессу закупок», «осуществляет также функцию контроля за соответствием идентификационных кодов и непревышением объема финансового обеспечения закупок» и «обеспечение использования усиленной квалифицированной электронной подписи для подписания электронных документов, предусмотренных Законом о контрактной системе» [1].

Таким образом, полагаем, что на сегодняшний день ЕИС представляет собой уникальную государственную информационную систему, которая как современная цифровая технология выполняет множество функций, посредством которых обеспечивается вся закупочная процедура от ее начала до конца. При этом следует подчеркнуть не только учетную и агрегирующую функции ЕИС. Важно отметить, что данная цифровая технология представляет собой инновационную площадку, с помощью которой происходит взаимодействие заказчиков, участников закупок и контрольного органа при осуществлении закупок, обеспечивающих государственные и муниципальные нужды.

М. В. Шмелева считает, что ЕИС является такой цифровой технологией, которая существенно влияет на работу антимонопольного органа, поскольку «максимально нивелирован субъективный фактор и, как следствие, будет гораздо меньше ошибок и потерянных решений» [6]. Мы полагаем, что с данным тезисом

можно согласиться лишь частично, поскольку, на наш взгляд, М. В. Шмелева рассматривает вопрос взаимодействия антимонопольного органа в широком смысле. Такой подход, как нам кажется, не позволяет увидеть актуальную проблему, для решения которой необходимо внести изменения не только в актуальное законодательство, но и в цифровую технологию.

С 1 января 2023 года законодатель предоставил участникам закупки возможность обращаться с жалобами на действия или бездействия следующих категорий лиц: заказчика, уполномоченного органа, комиссии по осуществлению закупки, оператора электронной площадки, банков и иных гарантийных организаций. Для реализации данного правомочия в единую информационную систему, как уникальную цифровую технологию, в личный кабинет участника закупки была добавлена опция подачи жалобы.

Между тем по смыслу части 11 статьи 104 и части 9 статьи 106 Закона о контрактной системе решения антимонопольного органа о включении участника закупки в реестр недобросовестных поставщиков и решения, принятые по итогам рассмотрения жалобы участника закупки, могут быть обжалованы исключительно в судебном порядке. На наш взгляд, существенным недостатком, который был допущен федеральным законодателем, является отсутствие права у участника закупки обжаловать в вышестоящий антимонопольный орган решения, которые были приняты соответствующими территориальными подразделениями.

На уровне государства признана необходимость практической реализации досудебных процедур обжалования. Президент РФ в 2003 году в Послании ФС РФ акцентировал внимание на «необходимость совершенствования административных процедур с целью формирования эффективно работающего механизма разрешения споров между гражданином и государством» [4].

Значимость функционирования института досудебного обжалования не стоит приуменьшать. Исследователи в области публично-правовых наук настаивают на том, что принципы законности и справедливости, являющиеся основополагающими, должны соответствующим образом быть отражены в рамках государственного управления. На наш взгляд, процедура обжалования решения антимонопольного органа до обращения в суд наиболее соответствует указанным принципам. Так, подобного взгляда на досудебное обжалование придерживается Ю. Н. Старилов, который утверждает, что в Российской Федерации целесообразно развитие института досудебного урегулирования споров с государственными органами [5].

Считаем также необходимым согласиться с позицией М. А. Шатиной, поскольку стадия досудебного обжалования предоставляет участнику закупки, право которого нарушено, и антимонопольному органу более продуктивно и внимательно подготовиться к судебному процессу [7].

Правительство РФ в период с 17 августа 2020 года по 30 июня 2021 года приняло правовой акт о проведении эксперимента, суть которого заключалась в том, что ненормативные правовые акты контролирующих и надзирающих органов могли быть обжалованы в административном, а не судебном порядке [3].

Между тем данный эксперимент не позволяет принять участие антимонопольным органам и их должностным лицам, что, по нашему мнению, является упущением. Так, в порядке эксперимента у участников закупки, не согласных с решением ФАС РФ, появилась бы возможность обжалования в досудебном порядке, что позволило минимизировать временные и финансовые затраты.

Предлагаем внести изменения в часть 11 статьи 104 и части 9 статьи 106 ФЗ о контрактной системе, предоставив возможность обжалования в досудебном порядке решения антимонопольного органа о включении участника закупки в реестр недобросовестных поставщиков. Внесение изменений в соответствующий нормативно-правовой акт приведет к изменению цифровой технологии в виде ЕИС.

Заключение. Таким образом, по итогам настоящего исследования можно сделать вывод о том, что ЕИС является уникальной цифровой технологией, которая позволяет юридическим и физическим лицам принимать участие в закупках на государственные и муниципальные нужды с минимальными временными затратами из различных субъектов РФ. В результате создания и функционирования ЕИС взаимодействие участников закупки, заказчиков и антимонопольного органа является прозрачным и эффективным.

Однако в настоящее время есть проблема, связанная с отсутствием досудебного порядка обжалования решения антимонопольного органа. Данный правовой пробел необходимо разрешить и предоставить участникам закупок возможность в личном кабинете ЕИС обжаловать решение антимонопольного органа.

Список литературы

1. Андреева Л. В. Правовой режим функционирования единой информационной системы в сфере государственных и муниципальных закупок // Актуальные проблемы российского права [Электронный ресурс]. 2020. № 8(117).
2. Данакари Р. Р. Институт обязательного досудебного обжалования решения антимонопольного органа о включении либо об отказе во включении в реестр недобросовестных поставщиков // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы Международного конгресса молодых ученых. В 3 т., Москва, 05–06 апреля 2024 г. М.: Изд. центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 72–75.
3. Постановление Правительства РФ от 24 июля 2020 г. № 1108 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по досудебному обжалованию решений контрольного (надзорного) органа, действий (бездействия) его должностных лиц» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ» // Российская газета. 2003. № 93.
5. Старилов Ю. Н. Административное судопроизводство: учебное пособие для бакалавриата, магистратуры, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность» / под ред. Ю. Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 624 с.
6. Шмелева М. В. Цифровые технологии в государственных и муниципальных закупках: будущее или реальность // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12(109).
7. Штатина М. А. Административно-спорная юрисдикция в Испании и странах Латинской Америки // Антология научной мысли: сборник статей. М.: Статут, 2008. С. 721.

А. С. Даниелян,
кандидат юридических наук,
ООО «Центр правовой поддержки «Веритас»

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОПТИМИЗАЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и перспективы применения искусственного интеллекта (далее – ИИ) в правоприменительной деятельности. Анализируются основные направления использования ИИ в юридической сфере, включая его применение судьями, юристами-практиками и обычными пользователями. Особое внимание уделяется потенциалу ИИ в автоматизации и повышении эффективности правоприменительных процессов, анализе документов и обеспечении доступа к юридической информации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правоприменение, правосудие, электронное правосудие, цифровизация, машинное обучение, цифровые технологии

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL FOR OPTIMIZING LAW ENFORCEMENT

Abstract. The article examines the possibilities and prospects for the use of artificial intelligence in law enforcement. The main areas of AI use in the legal sphere are analyzed, including its use by judges, practicing lawyers and ordinary users. Particular attention is paid to the potential of AI in automating and increasing the efficiency of law enforcement processes, analyzing documents and providing access to legal information.

Keywords: artificial intelligence, law enforcement, justice, e-justice, digitalization, machine learning, digital technologies

В эпоху стремительного развития цифровых технологий ИИ все активнее проникает в различные сферы человеческой деятельности, правоприменительную практику, что, в свою очередь, детерминирует исследование основных направлений применения ИИ в судебной системе, юридической практике и других областях правоприменения, а также анализ потенциальных преимуществ, ограничений данной технологии и ее воздействия на эффективность и качество деятельности государственных органов (судебных и административных).

По мнению А. В. Макутчева, на текущий период формы внедрения и использование ИИ в рамках правоприменительной деятельности можно разделить на три группы [8. С. 50–51]:

ИИ для правоприменителей. Технологии искусственного интеллекта активно внедряются в работу судей, должностных лиц и полиции. Особенно перспективно использование ИИ судьями при вынесении решений. Программные системы на основе ИИ применяются для прогнозирования вероятности рецидива или побега подсудимого при решении вопроса об освобождении под залог. Эти системы обрабатывают данные о преступности и формируют прогнозы поведения подсудимого [13, 16, 17].

ИИ для юристов частной практики. В частной юридической практике ИИ используется для автоматизированной обработки материалов дел. Технологии машинного обучения помогают сортировать и классифицировать документы, выделять релевантные электронные сообщения из большого объема данных. Это значительно упрощает работу юристов. Кроме того, ИИ применяется для анализа контрактов и других юридических документов, что позволяет прогнозировать исходы правовых споров.

ИИ для пользователей. Для физических и юридических лиц разрабатываются экспертные системы на базе ИИ, которые помогают оценивать юридические риски в бизнесе. Также популярность набирают системы юридической самопомощи, такие как чат-боты (например, DoNotPay, Harvey AI, CaseMine, Casetext), способные отвечать на базовые юридические вопросы пользователей, делая правовую информацию более доступной для широкого круга лиц.

В целом использование ИИ в правосудии имеет потенциал для автоматизации и повышения эффективности процессов, включая принятие решений, анализ документов и обеспечение легкого доступа к юридической информации для пользователей.

Несомненно, внедрение цифровых технологий способствует повышению объективности в правоприменительной практике, создавая для этого необходимую правовую базу и гарантии. Тем не менее такие изменения заставляют задуматься о будущем морально-этических аспектов и оценочных понятий в процессуальном законодательстве. Возникает вопрос, как сохранить индивидуальный подход к рассмотрению дел с учетом их специфических обстоятельств в условиях цифровизации правовой системы [2. С. 127]. Указанный процесс трансформации открывает дискуссию о балансе между технологической эффективностью и сохранением человеческого фактора в правоприменении, особенно когда речь идет о нравственных аспектах и категориях (конструкциях), требующих индивидуальной оценки (к примеру, «добросовестность», «злоупотребление правом» (ст. 10 ГК РФ), «компенсация морального вреда» (ст. 151 ГК РФ), «степень заботливости и осмотрительности» (ст. 401 ГК РФ), «разумный срок судопроизводства» (ст. 6.1 ГПК РФ; ст. 6.1 АПК РФ; ст. 6.1 УПК РФ; ст. 10 КАС РФ), «тяжкое оскорбление» (ст. 107, 113 УК РФ), «тяжкие последствия» (ст. 27, 63 УК РФ), «исключительный случай» (ст. 100, 108 УПК РФ).

Цифровизация налогового администрирования отличается, в частности, тем, что правоприменительная деятельность налоговых органов становится все более автоматизированной. Этот процесс осуществляется за счет внедрения современных цифровых технологий, среди которых важное место занимают программные продукты с элементами искусственного интеллекта [5. С. 112]. Также обладают признаками ИИ отдельные компоненты автоматизированной информационной системы «Налог-3», с помощью которых в автономном режиме решаются практические задачи, возникающие в рамках осуществления налогового контроля (к примеру, поиск хозяйственных операций и (или) налогоплательщиков со значительными рисками и т. д.) [5. С. 51].

Программное обеспечение, использующее ИИ, поможет в оптимизации рабочего процесса судье, особенно в подготовке проектов судебных актов [2. С. 127].

По утверждению Е. П. Русаковой, дальнейшему развитию ИИ в судебной сфере препятствует фундаментальное ограничение: неспособность машины обеспечить тот уровень справедливости и верховенства закона, который достижим для человека [9. С. 25]. Ключевое различие заключается в особенностях функционирования человеческого мозга и искусственных нейронных сетей. Нейроны человека способны не только передавать информацию «вперед», но и получать обратную связь, корректируя ранее принятые решения. ИИ, напротив, действует по заранее заданному алгоритму и не может взаимодействовать с объектом правового регулирования с такой же гибкостью.

Как разумно заметил А. В. Аргунов, «процесс принятия судебного решения неразрывно связан с правосознанием и идеологическими принципами судьи, формирующими основу для законного и справедливого выбора, не поддаются простому переводу в компьютерный код» [1. С. 48].

Применение систем ИИ становится все более неотъемлемой прикладной частью и в криминалистической деятельности [3, 11, 14]. Современные ученые-криминалисты видят потенциал в совершенствовании методик расследования и раскрытия преступлений в применении:

1. современных методов шифрования, файрволлов;
2. систем обнаружения вторжений от несанкционированного доступа (напр., Intrusion Detection Systems, IDS);
3. метода Temeline для выявления лиц, совершающих преступления экстремистского характера с применением технологий «Даркнет» и пр. [14. С. 134].

Внедрение ИИ и иных инновационных цифровых технологий, включая и нейронные сети, в судебную-экспертную практику способно значительно повысить эффективность не только экспертной деятельности, но и всей системы судопроизводства в целом [14. С. 135]. Это открывает новые возможности для более точного и объективного анализа доказательств, ускорения процессов и улучшения качества правосудия.

Переход на новые, «цифровые» рельсы интеракции государства и граждан влечет за собой перспективу целевой поддержки отдельных граждан и социальных институтов. Однако многие граждане, как подчеркивают Л. В. Санникова и Ю. С. Харитонов, проявляют инертность и даже сопротивление в отношении цифровизации государственного управления [10. С. 93]. Подтверждением данного тезиса может служить и результат социологических исследований, демонстрирующих, что лишь 23 % граждан готовы к цифровому взаимодействию с государством по всем вопросам, тогда как большинство хотят совмещать онлайн-взаимодействие и личные визиты в госорганы [12]. В связи с этим взвешенной является позиция сохранения традиционной формы оказания государственных услуг для сторонников аналогового режима существования, чтобы не лишиться их возможности получения государственных услуг на неопределенный срок [10. С. 93].

Одним из таких «гордиевых узлов» являются размытость и неопределенность современного правопонимания, что ведет к конфликту между широким и узконормативным подходами к праву. Юридический позитивизм, основывающийся на идее силлогизма в правоприменении, игнорирует многоуровневую реальность этого процесса, который включает не только законы и факты, но также обычаи и смыслы, присущие правовым нормам. При разработке ИИ в сфере правосудия

необходимо принимать во внимание широкий спектр нормативно-правовых образований, включая обычное право, судебную практику, общественное и естественное право, а также принципы и ценности права. Разработчику ИИ для правосудия следует придерживаться широкого подхода к праву, учитывая не только нормы законодательства, но и другие нормативно-правовые образования: обычное право, судебную практику, общественное и естественное право, договорное и корпоративное право, деловые обыкновения, правовую доктрину, принципы, идеи и ценности права. Каждый из этих элементов имеет особенности применения и осмысления, которые необходимо принимать во внимание при создании эффективных и адаптивных систем ИИ для справедливого разрешения правовых споров и утверждения верховенства права [7. С. 482].

Утверждается, что в данный момент ИИ относится не только к технологии, но и к этике, а система отправления правосудия, основанная на ИИ, может создать неравенство и лишить людей возможности получить справедливое решение по типу «человек – человек» [4. С. 188].

Можно солидаризироваться с позицией, что первоочередной задачей в деле применения систем ИИ является обеспечение справедливости общедоступных приложений и применение этических ценностей к любому лицу, без создания какого-либо неравенства с точки зрения социальной сплоченности [15].

По замечанию К. ван Ноордта и Л. Танги, наличие ИИ в системе государственного управления не всегда приводит к достижению социального блага, так как в принятии решения о внедрении ИИ и последующей эффективности играют роль множество факторов [17]. Например, исследования по использованию чат-ботов в Китае показали, что значительное давление на окружающую среду может привести к решению использовать технологии чат-ботов на начальном этапе, но производительность этих чат-ботов сильно различается в зависимости от уровня экономического развития и организационной готовности организации [19].

В связи с изложенным необходимо выделить сдерживающие факторы, стоящие на пути процесса цифровизации государственной жизни. Очевидными, но от этого не менее значимыми являются предложения необходимости обновления действующего законодательства для адаптации к цифровой эпохе посредством введения новой терминологии, форм отчетности и методов контроля, применимых как к государственным органам, так и к бизнесу [6, 13].

В качестве общих рекомендаций внедрения ИИ в сфере государственного управления с помощью ИИ можно предложить:

- сформировать на государственном уровне программу применения ИИ с ориентацией на удовлетворение запросов граждан;
- учитывать мнения граждан при создании и развертывании платформ ИИ;
- реализовывать программы развертывания платформ ИИ с опорой на имеющиеся технологические ресурсы.

Конечно же, эти рекомендации идут в комплекте с базовым набором традиционных предложений соблюдения безопасности в вопросах конфиденциальности данных и снижения этических рисков при принятии решений [21].

Тезисно резюмируем: исследование применения систем ИИ в сфере правоприменения подтверждает значительный потенциал этих технологий для повышения эффективности и качества работы юридических институтов.

Однако, несмотря на очевидные преимущества, существуют и значительные риски, связанные с автоматизацией юридических процессов. Ключевыми из них являются вопросы конфиденциальности, безопасности данных и возможность возникновения системных ошибок, которые могут привести к непредвиденным правовым последствиям. Также важным аспектом является сохранение человеческого участия в принятии ключевых решений, чтобы избежать деперсонализации правосудия.

Список литературы

1. Аргунов А. В. Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 32–49.
2. Аулов Д. С. О перспективах использования технологии искусственного интеллекта в гражданском процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 123–130.
3. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 504 с.
4. Браво-Хуртадо П. Автоматизация отправления правосудия: обращение к трем ошибочным суждениям об искусственном интеллекте // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 181–199.
5. Изотов А. В. Налоговые правоотношения в условиях цифровизации: современное состояние и перспективы развития: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 283 с.
6. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024.
7. Овчинников А. И., Хакимов И. А. Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 481–484.
8. Макутчев А. В. Современные возможности и пределы внедрения искусственного интеллекта в систему правосудия // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 8(141). С. 47–58.
9. Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 375 с.
10. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Трансформация права в цифровую эпоху: взгляд в будущее // Государство и право. 2019. № 9. С. 87–96.
11. Саркисян А. А. Цифровизация судебно-экспертной деятельности: теоретические, правовые и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 168 с.
12. Эксперты РАНХиГС рассказали, как россияне относятся к цифровизации госуслуг. URL: <https://www.ranepa.ru>

13. Юридическая концепция роботизации: монография / Н. В. Антонова, С. Б. Бальхаева, Ж. А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.
14. Янгиров А. И. Совершенствование методического обеспечения судебно-экспертной деятельности в условиях цифровизации: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2024. 235 с.
15. Declaration by the Committee of Ministers on the risks of computer-assisted or artificial-intelligence-enabled decision making in the field of the social safety net (Adopted by the Committee of Ministers on 17 March 2021 at the 1399th meeting of the Ministers' Deputies) (Decl(17/03/2021)2. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.coe.int/cm?i=0900001680a1cb98> (дата обращения: 04.09.2024)
16. Morin-Martel A. Machine learning in bail decisions and judges' trustworthiness // AI & Society. 2023. April. Pp. 1–12.
17. Ryberg J. Criminal Justice and Artificial Intelligence: How Should we Assess the Performance of Sentencing Algorithms? // Philosophy and Technology. 2024. Vol. 37, № 9. Pp. 1–15.
18. Van Noordt C., Tangi L. The dynamics of AI capability and its influence on public value creation of AI within public administration // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40. Iss. 4. Pp. 1–14.
19. Wang Y., Zhang N., Zhao X. Understanding the determinants in the different government AI adoption stages: Evidence of local government chatbots in China // Social Science Computer Review. 2022. № 40(2). Pp. 534–554.
20. Zarsky T. Z. The trouble with algorithmic decisions: An analytic road map to examine efficiency and fairness in automated and opaque decision making // Science, Technology & Human Values. 2016. Vol. 41(1). Pp. 118–132.
21. Yadav N. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics: Key Issues and Modern Ways to Solve Them. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(4). Pp. 955–972. EDN: MDIEFV

Е. И. Дискин,
кандидат юридических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

МЕЖДУ ПРИВАТНОСТЬЮ, СУВЕРЕНИТЕТОМ И ЦЕНЗУРОЙ – ПОСЛЕДСТВИЯ АРЕСТА ДУРОВА

Аннотация. Арест Павла Дурова представляет собой серьезный водораздел с точки зрения применения законодательства о регулировании цифровых технологий. Разделение стран на государства с высоким уровнем защиты свободы слова, приватности и гарантий соответствующих прав теряет смысл и прикладное значение, превращаясь в банальную декларацию. Доказано, что в ситуации с арестом Павла Дурова идентичные в своей основе проблемы в коммуникации между государством и цифровой платформой в случае Европейского союза привели к использованию значительно более жестких и даже репрессивных инструментов, ранее не имевших прецедента. Этот факт не только подчеркивает вывод о том, что

Российское государство необоснованно обвинялось в репрессиях против Telegram, но и то, что Россия остается в роли защитника свободы слова на международной арене.

Ключевые слова: Дуров, цифровое право, цифровые технологии, свобода слова, Интернет, цифровые платформы, Закон о цифровых услугах ЕС

BETWEEN PRIVACY, SOVEREIGNTY AND CENSORSHIP – AFTERMATH OF DUROV'S ARREST

Abstract. The arrest of Pavel Durov represents a serious watershed in terms of the application of legislation to regulate digital technologies. The division into states with a high level of protection of freedom of expression, privacy and guarantees of appropriate rights loses meaning and application value, becoming a banal declaration. The author argues that in the situation of the arrest of Pavel Durov identical in their basis problems in communication between the state and the digital platform in the case of the European Union have led to the use of much more severe and even repressive tools, Unprecedented in history. This fact not only underlines the conclusion that the Russian state has been unreasonably accused of reprisals against Telegram, but also that Russia remains a defender of freedom of speech on the international scene.

Keywords: Durov, cyberlaw, digital technology, freedom of speech, the Internet, digital platforms, EU Digital Services Act

Введение. Арест основателя мессенджера Telegram после приземления его частного самолета в Париже в августе 2024 года вызвал грандиозный шок для мирового технологического сообщества и общественности [1. С. 14]. Как заявил сам Павел Дуров, «ни один инноватор не будет создавать новые продукты, если он знает, что может быть лично ответственным за потенциальное злоупотребление этими продуктами». С этим замечанием трудно не согласиться. Немаловажно и то, как стремительно изменяется правовой ландшафт относительно цифровых платформ. Зарубежные исследователи любили выделять государства с «низким уровнем свободы в Интернете», к которым «традиционно» относят Китай и Российскую Федерацию, и государства с «высоким уровнем правовых гарантий свободы слова» – после ареста Павла Дурова, вероятно стоит чрезвычайно осторожно относиться к таким тезисам, а лучше всего вообще отвергнуть такое деление, признав, что оно является не более чем пропагандистским штампом.

Тем не менее важен оперативный анализ последствий для регулирования платформ такого шага французской прокуратуры, а они весьма масштабны.

Основная часть. В первую очередь следует отметить, что Закон о цифровых услугах ЕС (Digital Services Act, DSA) приобретает мрачную репрессивную окраску. Например, следует напомнить о случае, когда Илон Маск объявил о том, что ему поступило предложение от руководства Еврокомиссии заключить тайную сделку с целью установить цензуру на платформе X (бывший Twitter¹): «Если мы

¹ X (Twitter) – социальная сеть, заблокированная на территории Российской Федерации за распространение незаконной информации.

будем тихо осуществлять цензуру, никому не сказав, они не будут нас штрафовать. Другие платформы согласились на эту сделку. X² не согласился». Отметим, что представители Еврокомиссии ранее выступали с недвусмысленными угрозами в адрес X³, в частности, Тьерри Бретон, комиссар Еврокомиссии по внутренним рынкам, обращался с открытым письмом к Илону Маску накануне запуска интервью с кандидатом в президенты США Дональдом Трампом 12 августа 2024 года на платформе X⁴, где заявил следующее: «Мы следим за потенциальными рисками в ЕС, связанными с распространением контента, который может подстрекать к насилию, ненависти и расизму в связи с крупными политическими или общественными событиями во всем мире, включая дебаты и интервью в контексте выборов».

В контексте заявления Илона Маска о непубличном предложении о возможной цензуре платформы X⁵ со стороны Еврокомиссии, следует сделать вывод, что реальное значение Digital Services Act в том, чтобы дать руководящим органам ЕС мощные инструменты установления контроля за информационным пространством, а ссылки на необходимость борьбы с ненавистью, расизмом и другими угрозами – это скорее риторика, призванная прикрыть цензурные требования.

Если мы посмотрим на ситуацию с Павлом Дуровым и Telegram именно в таком контексте, мы увидим продолжение данной политики, а точнее, новую точку эскалации в борьбе за информационное пространство. Какие же обвинения были предъявлены Дурову и как они связаны с описанными выше процессами? Их список несколько меньше, чем было объявлено при аресте, и тем не менее он весьма значителен и серьезен:

1. отказ передавать компетентным органам информацию и документы;
2. предоставление услуг криптографии для обеспечения конфиденциальности без сертифицированного декларирования;
3. соучастие в организованном мошенничестве;
4. соучастие в хранении порнографических материалов;
5. соучастие в приобретении, перевозке, хранении, продаже наркотиков;
6. соучастие в обеспечении незаконных транзакций в организованной группе [2].

Тот факт, что данные обвинения намного серьезнее, чем те, которые в свое время выдвигали российские правоохранительные органы, можно назвать достаточно ироничным, однако на самом деле смешного здесь мало. В 2017 году в результате принятия поправок в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» и другие законодательные акты, которые получили неформальное название «пакет Яровой» [3], была установлена обязанность для организатора распространения информации в сети Интернет предоставлять в уполномоченный федеральный орган исполнительной власти (им является Федеральная служба безопасности) необходимую для декодирования электронных сообщений информацию. Именно в этих условиях разразилась громкая

² То же.

³ То же.

⁴ То же.

⁵ То же.

общественно-политическая кампания по защите Telegram от «незаконных требований, нарушающих гарантии тайны личной переписки». Здесь следует напомнить, что требования в адрес мессенджера были связаны с чудовищным терактом в метро Санкт-Петербурга, произошедшим 3 апреля 2017 года, в котором погибли 15 человек и были ранены более 100.

Иными словами, в адрес Telegram были выдвинуты практически идентичные претензии в отношении криптографической защиты переписки, что были установлены «пакетом Яровой» [4], однако, как мы видим по общественно-политической реакции на его арест, ситуация напоминает древнеримскую поговорку «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Причем, если в России, в такой ситуации было вынесено решение о блокировке на основании решения суда, то в ЕС сразу перешли к аресту и предъявлению уголовных обвинений генеральному директору компании.

Идентичность ситуации, которая послужила исходной точкой для принятия мер по блокировке Telegram [5].

Заключение. На момент написания статьи мы не можем достоверно утверждать, что Павел Дуров будет осужден по какому-либо из предъявленных обвинений (более того, мы исходим из его невиновности), однако, обвинения были утверждены следственным судьей, т. е. с точки зрения французского правосудия, были найдены достаточные аргументы и доказательства для их утверждения и установления меры пресечения. А это уже само по себе серьезный повод не только пересмотреть представления о том, где преследуется свобода слова, а где проводится работа по противодействию терроризму, экстремизму и другим правонарушениям, представляющим большую общественную опасность.

Данная ситуация несет в себе серьезное напоминание о том, что право во многом становится заложником политической ситуации, когда закрепившиеся в общественном сознании представления о наличии неких правовых гарантий защиты личности, правосознания и законности начинают настолько отличаться от существующих реалий западных стран, что они начинают представлять собой две параллельные реальности. Это в свою очередь приводит к тому, что роль защитника прав и свобод в сети Интернет переходит к России. Это налагает на юридическое сообщество особые обязательства, которые требуют усилий по выработке подходов, позволяющих сохранить такие фундаментальные права человека, как конфиденциальность и право на свободу слова, не только в России, но и в мировом информационном пространстве. При этом необходимые усилия по преодолению давления на свободу слова, которую осуществляют западные страны, как это наблюдается на примере Павла Дурова.

Список литературы

1. Douglas Y. Pavel Durov – The Russian Jesus: A Beacon of Digital Freedom in an Age of Surveillance [Electronic resource] // Researchgate.Net. 24 Aug. 2024. URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.28971.25129>.
2. Petkova D. Freedom of Speech and Democratic Values in the Digital Epoch: A Critical Perspective on the Post-totalitarian Media Culture. In: Rouet, G., Côme, T. (eds) Participatory and Digital Democracy at the Local Level. Contributions to Political Science

[Electronic resource]. Springer, 2023. Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20943-7_6

3. Кемпф В. А., Сорокина С. А. Правовые и технические проблемы реализации «пакета Яровой» // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1(40). С. 100–102. EDN: FAFGZD.

4. Незаконные транзакции, наркотики и порнография // В чем обвиняют Павла Дурова. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/discussion/2024/08/29/nezakonnye_tranzakcii_narkotiki_i_pornografiya_v_chem_obvinyayut_pavla_durova (дата обращения: 06.09.2024).

5. Павел Дуров против закона: биография крупных дел [Электронный ресурс]. – URL: https://zakon.ru/blog/2024/09/04/pavel_durov_protiv_zakona_biografiya_krupnyh_del (дата обращения: 06.09.2024).

6. Роскомнадзор начал блокировку мессенджера Telegram. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/16/04/2018/5ad097519a794731ea5fa036 (дата обращения: 06.09.2024).

С. В. Зуев,

доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЭФФЕКТ ДОВЕРИЯ К ВЛАСТИ

Аннотация. В статье обосновывается связь между осуществлением цифровой трансформации уголовного судопроизводства и необходимостью укрепления доверия к власти. Сделан вывод о том, что требуется государственная воля и четкие решения соответствующих субъектов власти по обеспечению материально-технической составляющей, а также необходима кропотливая работа по перестройке сознания людей для формирования готовности к широкому внедрению цифровых технологий в уголовный процесс.

Ключевые слова: цифровизация, уголовное судопроизводство, электронное взаимодействие, электронный документооборот, электронное правосудие, искусственный интеллект, доверие

DIGITALISATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS: THE EFFECT OF TRUST IN THE AUTHORITIES

Abstract. The article substantiates the link between the implementation of the digital transformation of criminal proceedings and the need to build trust in the authorities. It is concluded that the state will and clear decisions of the relevant government entities are required to ensure the material and technical component, and painstaking work is also necessary to rebuild the consciousness of people to create readiness for the widespread introduction of digital technologies in the criminal process.

Keywords: digitalisation, criminal proceedings, electronic interaction, electronic document management, electronic justice, artificial intelligence, trust

Введение. Актуальность проведенного исследования определяется важностью решения проблем уголовного судопроизводства, обусловленных цифровизацией общества и государства. Целью статьи является обоснование неразрывной связи между цифровой трансформацией уголовного судопроизводства и необходимостью укрепления доверия к власти. Утверждается, что одной заинтересованности граждан в изменениях социальных основ под влиянием развития информационных технологий недостаточно. Требуются государственная воля и четкие решения соответствующих субъектов власти по обеспечению защиты прав и законных интересов в цифровой среде уголовного судопроизводства.

В ходе исследования применялись общенаучные и частно-научные методы познания правовой действительности, отражающие диалектический подход в рассмотрении теоретических вопросов уголовного процесса. Среди методов познания следует особо отметить формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой и статистический.

Основная часть. В последнее время отмечается повышенная роль государства в продвижении идеи цифровой трансформации во многих структурах государственной власти и сферах жизнедеятельности человека. Достаточно указать на некоторые руководящие документы [7].

Продолжая взятый курс на цифровизацию, 7 июня 2024 года Президент России выступил на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума и в рамках национального проекта «Экономика данных» указал на необходимость к 2030 году создания цифровых платформ во всех сферах экономики [8].

Одновременно государство уделяет пристальное внимание правовому регулированию использования новых технологий [6]. Искусственный интеллект должен стать новой главой в жизни человечества. Эта технология «делает более простыми и удобными многие повседневные процессы» и все шире применяется в сфере госуслуг и госуправления [9].

Определенные попытки предпринимаются по созданию Цифрового кодекса. В настоящее время сформулирована концепция и структура такого документа [2].

Поскольку сфера уголовного судопроизводства не может оставаться в стороне, представители научного сообщества должны активно включаться в обсуждении актуальных вопросов развития цифровых технологий в данной области знаний, что в действительности происходит.

По результатам опросов, проведенных на сайтах МАСП (Международная ассоциация содействия правосудию) и РИТВУС (Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве), большинство опрошенных юристов положительно относятся к переходу на ведение дел в электронном формате, а также к цифровизации в целом. Вместе с тем наблюдается еще настороженное отношение к этому среди отдельных ученых и граждан.

Для преодоления сомнений и прямого отторжения в рядах последних необходимо в вопросе цифровизации уголовного судопроизводства уделить должное внимание доверию населения к государству по реформированию системы отправления правосудия.

Представляется, что требуемое доверие к власти может быть достигнуто при сохранении чувства защищенности граждан в случаях обращения к государственным органам для защиты от преступных посягательств. Правоохранительные органы должны незамедлительно реагировать на подобного рода обращения, принимать меры к установлению лиц, совершивших преступления. Кроме того, должна быть гарантирована судебная защита по восстановлению нарушенных прав и свобод, а также по назначению виновным справедливого уголовного наказания.

Немаловажным фактором является надежность информационных систем, их нацеленность на решение задач уголовного судопроизводства. Надлежащее рассмотрение заявлений, жалоб, ходатайств в электронном виде всех заинтересованных лиц является одной из важнейших гарантий стабильности работы всех систем и цифровых платформ. В данном случае можно согласиться с мнением В. Н. Григорьева и О. А. Зайцева в том, что ходатайства и жалобы являются неким «градообразующим» элементом сущности уголовного процесса [1. С. 15].

Однако следует отличать доверие к власти от доверия к цифровым технологиям. Причем власть здесь понимается неоднозначно. Речь идет не столько о трех ветвях власти (законодательной, судебной и исполнительной), сколько о государственных органах, на которые возложена функция обеспечения уголовно-процессуальной деятельности: органы внутренних дел, прокуратура, суд, ФСБ России, Следственный комитет РФ и др. Отдельно хочется выделить президентскую власть, поскольку в нашей стране Президент играет заметную роль в развитии общества и государства.

Доверие к власти во многом зависит от личного обращения граждан к правоохранительным органам, от взаимодействия общества и власти, от соответствия текущей ситуации ожиданиям. Важное значение имеет пропаганда и культура [14. С. 118].

«Реагирование на заявления и сообщения о преступлениях является одним из факторов оценки деятельности органов власти и показывает эффективность государственного управления в целом» [7. С. 136]. Так, например, в 2022 году прокуратурой выявлено 3 417 399 нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, 1419601 случай отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, по которым было принято 157917 решений о возбуждении уголовных дел [12].

Негативная оценка правоохранительных органов может быть перенесена и на отношение к цифровой трансформации, поскольку она становится частью внутренней политики государства.

На доверие к цифровым технологиям дополнительно оказывает влияние надежность работы информационных систем, уровень технической оснащенности, степень их внедрения в устоявшиеся механизмы правового регулирования уголовного судопроизводства. Опыт удаленного осуществления правосудия во время пандемии, с одной стороны, показал возможность перехода на удаленное ведение судопроизводства, с другой – выявил массу нерешенных пока проблем [11]. При этом в науке уже имеются различные рекомендации по использованию электронных документов, удостоверению личностей участников процессуальных

действий, ознакомлением с материалами уголовного дела в электронном виде, в том числе с копиями принятых решений и т. д.

Важным аспектом является доверие к цифровой «среде», то есть к информации, находящейся на той или иной цифровой платформе [3. С. 82]. Вопросы доверия лежат в плоскости решении вопросов, связанных с цифровым суверенитетом личности, обеспечением неприкосновенности персональных данных и т. д. [13].

По мнению Д. Слама, безопасность является ключевым фактором цифрового доверия, наряду с другими аспектами, включая этические соображения, конфиденциальность данных, качество и надежность [15. С. 327].

Внедрение технологий искусственного интеллекта накладывает свой отпечаток. Зарубежный опыт свидетельствует о широком применении данных технологий в отдельных странах. К примеру, в Китае судья должен каждое свое решение сверять с искусственным интеллектом [4]. Технологии ИИ могут использовать практику ранее принятых решений и предлагать наиболее вероятное решение с учетом обстоятельств дела. Такой подход можно оправдать тем, что участники уголовного судопроизводства вправе ожидать наиболее вероятное решение по делу. В этом, как представляется, кроется некая правовая сила, значение гарантии судебной защиты.

Заключение. Подводя итог, хочется заметить, что проводимые реформы, направленные на цифровую трансформацию уголовного процесса, можно рассматривать как некую проверку общества на доверие к власти. Одной заинтересованности граждан в трансформации устоев общества под влиянием цифровизации явно недостаточно. Требуется государственная воля и четкие решения соответствующих субъектов власти по обеспечению материально-технической составляющей, а также необходима кропотливая работа по перестройке сознания людей для формирования готовности к широкому внедрению цифровых технологий в уголовный процесс.

Список литературы

1. Григорьев В. Н., Зайцев О. А., Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как «градообразующий» элемент сущности уголовного процесса // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1 (71). С. 10–16.
2. Козин Н. В Совфеде рассказали, как будет выглядеть Цифровой кодекс России [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-sovfede-rasskazali-kak-budet-vyglyadet-cifrovoy-kodeks-rossii.html> (дата обращения: 22.06.2024).
3. Колмыкова М. В. Доверие в условиях цифровизации социальных отношений // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2023. – № 3. – С. 77–85.
4. Коробатов Я. В Китае суд вершится в мессенджере. Судья – искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – URL: <https://kp.ru.turbopages.org/kp.ru/s/daily/27422.5/4621422> (дата обращения: 21.06.2024).
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) // Российская газета. 2018. 9 мая.

6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41, ст. 5700.

7. О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации (вместе с «Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»): Постановление Правительства РФ от 02.03.2019 № 234 (ред. от 13.05.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 11, ст. 1119.

8. Путин продлил федеральный проект по развитию ИИ до 2030 года // РБК [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65ce7b5c9a79474b22d2ebb2> (дата обращения: 24.06.2024).

9. Родионова Д. Путин призвал сформировать к 2030 году цифровые платформы во всех отраслях экономики [Электронный ресурс] // Газета.– URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/06/07/23198185.shtml> (дата обращения: 20.06.2024).

10. Сасыкин К. Ю. О необходимости усиления конституционно-правовых гарантий на доступ к уголовному правосудию // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 11. С. 132–139.

11. Смахтин Е. В. Использование в условиях пандемии цифровых коммуникационных технологий как способ повышения эффективности правосудия // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 95–101.

12. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращения: 19.06.2024).

13. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2024.

14. Царев А. В., Крупенков В. В., Миненко Т. К. Проблема доверия к власти в России // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. – 2014. – № 4. – С. 118–121.

15. Slama D. Trust & Security // Slama D., Rückert T., Thrün S., Homann U., Lasi H. (eds). The Digital Playbook. Springer, Cham. – 2023. – Pp. 327–335 [Электронный ресурс] – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-88221-1_25 (дата обращения: 20.06.2024).

Д. А. Казанцев,
кандидат юридических наук,
Торгово-промышленная палата Российской Федерации

САЖАТЬ ЛИ РОБОТОВ В ТЮРЬМУ? К ВОПРОСУ О ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Вовлечение технологий искусственного интеллекта в повседневные отношения требует регулирования тех, пусть даже немногочисленных, случаев, в которых следствием действий робота стало причинение вреда физическому или юридическому лицу. Этот вопрос, в свою очередь, требует как анализа самого феномена деликтоспособности ИИ, так и разработки матрицы ответственности за последствия его действий. Не являясь исчерпывающим изложением всех вариантов решения данной проблемы, настоящая статья приглашает к размышлению на эту тему. Ведь данный аспект использования ИИ не является сугубо теоретическим, а прямо влияет на перспективы распространения цифровых технологий.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, правовая ответственности, правовая субъектность, деликтоспособность, робот, искусственный интеллект

SHOULD ROBOTS BE JAILED? TO THE QUESTION OF THE DELICTOUS CAPABILITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The involvement of artificial intelligence technologies in everyday relations requires regulation of those cases in which the actions of a robot have caused harm to an individual or legal entity. This issue requires an analysis of the very phenomenon of the legal subjectivity of AI and the development of a matrix of responsibility for the consequences of its actions. This article invites you to reflect on this topic. After all, the legal liability of AI is not only a theoretical issue. The quality of regulation of AI liability directly affects the prospects for the spread of digital technologies.

Keywords: law, digital technologies, legal liability, legal subjectivity, delictual capacity, robot, artificial intelligence

Роботизация производств и все более широкое использование технологий искусственного интеллекта в различных аспектах повседневной жизни переводит из теоретической в практическую плоскость вопрос о правовых последствиях причинения роботом вреда человеку. За пределами этой статьи остается и вопрос условности понятия искусственного интеллекта на текущем уровне научно-технического развития, и вопрос о неопределенности границ понятия «робот» [9, 11].

Сегодня вопрос ответственности ИИ имеет не только теоретико-правовое, но и сугубо практическое значение. Отсутствие соответствующего регулирования создает правовой вакуум, который потенциально может создать ситуацию отсутствия ответственности за целую группу правонарушений. Это, в свою очередь, с неизбежностью повлечет стремление физических и юридических лиц избегать, насколько это возможно, вовлечения в такие правоотношения, в которых потенциальное нарушение их прав и законных интересов не будет иметь никаких последствий. Проще говоря, неурегулированная правовая ответственность ИИ – это один

из ключевых факторов депопуляризации повседневного использования цифровых технологий, а значит, и важное препятствие на пути их развития.

Классическим набором элементов правовой ответственности принято называть наличие субъекта, субъективной стороны, объекта и о объективной стороны. И если наличие объекта и объективной стороны не устраняется фактом причинения вреда в результате действий ИИ, то наличие двух оставшихся факторов представляется в высшей степени дискуссионным.

Сам феномен деликтоспособности неразрывно связан с понятием правоспособности. Иными словами, лишь субъект права может нести правовую ответственность [6]. Однако как быть в ситуации, когда причиной возникновения деликтных обязательств стали действия субъекта, не относящегося к субъектам права?

На сегодня преждевременными представляются разговоры о присвоении искусственному интеллекту статуса правового субъекта. Ведь сходство не означает тождество, а присвоение роботу антропоморфных черт не означает обретения им тождества с человеком. С точки зрения достигнутого уровня развития техники на сегодняшний день «очевидна несостоятельность предложения признания за искусственным интеллектом правосубъектности, аналогичной правосубъектности физического лица, и, несмотря на использование принципов работы человеческого мозга для построения системы искусственного интеллекта, принципы правового регулирования статуса физического лица не могут быть применены к искусственному интеллекту» [2. С. 33]. Вопросы о правосубъектности ИИ активно обсуждаются и на страницах периодических изданий [1–4; 6; 13].

Несмотря на стремительное развитие нейросетей и технологий роботизации, все еще остается актуальным мнение о том, что «придание роботам (системе искусственного интеллекта) статуса субъекта права не повлечет за собой в обозримом будущем каких-то явных негативных последствий. В то же время не видны и преимущества такого решения по сравнению с рассмотрением роботов (систем искусственного интеллекта) в качестве квазисубъектов права. Исходя из философского принципа Оккама не умножать сущности без крайней на то необходимости, мы полагаем, что введение в правовую сферу такого принципиально нового субъекта права, как робот (система искусственного интеллекта), является преждевременным (хотя не исключено, что такая необходимость появится)» [4. С. 108]. Присвоение ИИ прав человека стало бы лишь сугубо некорректной экстраполяцией свойств человека на ИИ [12. Р. 15], не учитывающей ни специфику человека, ни специфику искусственного интеллекта.

Очевидным образом, подобная правовая конструкция неприменима к случаям возникновения деликтных обязательств в результате деятельности искусственного интеллекта. Однако невозможность применения той или иной конструкции не должна означать невозможность самой ответственности. Распространение на случаи причинения вреда роботом правового режима обстоятельств непреодолимой силы очевидным образом создает пространство для злоупотреблений. Как же в таком случае надлежит регулировать вопросы правовой ответственности за действия искусственного интеллекта?

В самом первом приближении необходимо уяснить (а где это возможно, и закрепить в нормативных актах) корректное соотношение ролей человека и искусственного интеллекта в хозяйственных и правовых отношениях. По общему правилу, недопустимо возлагать на ИИ принятие ключевых решений. Эти решения должны оставаться исключительной прерогативой человека там, где это возможно.

Дело здесь не только и не столько в упомянутом выше принципе антропоцентризма. Точнее, это обстоятельство обусловлено вовлечением человека в круг потенциальных последствий деятельности робота уже не в качестве субъекта, а в качестве объекта. Например, в случае принятия решения об аварийном отключении мощностей электростанции или об аварийном сбросе воды из водохранилища даже самый продвинутый алгоритм в отсутствие сложных дополнительных настроек будет оценивать сугубо экономические последствия каждого из возможных решений. И вполне может оказаться, что внезапное затопление близлежащего поселка искусственный интеллект сочтет в данной ситуации экономически целесообразным.

Это возвращает нас к понятию субъективной стороны правонарушения. Высокотехнологичная команда разработчиков может создать алгоритм, позволяющий до известной степени включить в механизм принятия решения роботом интересы человека в качестве наиболее высокого приоритета. Но даже она не сможет придать роботу морально-этические свойства человека, имитировать нравственные переживания и психоэмоциональные отношения к совершаемому действию.

Не нужно забывать: методы мышления человека и методы обработки информации условным искусственным интеллектом качественно различаются. Это два разных типа обработки информации, каждый из которых обладает своими достоинствами и недостатками. И даже при наличии схожих целей неуместно переносить на один тип свойства другого.

В этих условиях по общему правилу лишь человек – при этом обладающий и надлежащей экспертизой, и развитыми этическими установками, и именно антропоцентричной аксиологией – может принимать решения, затрагивающие ключевые права и законные интересы другого человека. И потому сегодня ИИ может быть лишь источником данных для эксперта, а не заменой этого эксперта. Более того, не теряет своей актуальности правило: использование ИИ тем целесообразнее, чем меньше оно влияет на жизнь и здоровье физических лиц.

При соблюдении данного правила не требуются новые правовые конструкции. Вопросы деликтоспособности вполне могут решаться с помощью существующих правовых механизмов, пусть даже адаптированных к использованию такого специфического инструмента, как ИИ. Но как быть в ситуации, когда устранение человека от принятия решений и составляет саму суть роботизации?

В качестве понятного примера можно привести роботизированное такси, автопилот морского судна или робота для микрохирургических операций. Технологическая сложность выполняемых ими задач прямо обуславливает экономическую и прикладную целесообразность устранения человека от контроля за этими операциями. Проще говоря, если за рулем находится водитель, то робот в таком такси уже не нужен – а если такси управляет робот, то наличие водителя нивелирует экономические преимущества от роботизации такси. Именно для подобных

ситуаций актуальным является формирование новых правовых механизмов регулирования ответственности за действия ИИ.

Теоретик и историк права может справедливо предположить, чтобы в данной ситуации актуально не столько изобретение новых правовых конструкций, сколько обращение к старым, давно забытым правовым моделям. Речь идет, например, о модели взаимоотношений *pater familias* и раба в римском праве. При таком подходе «правовое положение ИИ становится тождественным или близким тому, которое было у римских антропоморфных коллективных организаций, либо еще более редуцированным – раба, домочадцев, детей, в том числе *filius in potestate tua est*» [1. С. 21]. Однако простой принцип «за все действия раба правовую ответственность несет хозяин» невозможно механистически перенести на модель распределения ответственности за последствия действий робота.

Это отнюдь не означает того, что современный ИИ более сложен в психоэмоциональном аспекте чем, например, древнеримский гладиатор. Наоборот, при исследовании первопричин того или иного решения ИИ мы можем с большей легкостью выделить по меньшей мере несколько ключевых субъектов, причем каждый из этих субъектов будет являться физическим лицом, юридическим лицом либо группой лиц. «Отношения с использованием искусственного интеллекта – это всегда отношения между субъектами права или по поводу объектов права. В любом случае это отношения, которые на том или ином этапе инициированы, запрограммированы человеком – субъектом права с той или иной степенью ответственности (в том числе в рамках деятельности юридических лиц). Волеизъявление человека на те или иные действия искусственного интеллекта может быть выражено в разной степени: от действий ИИ, находящихся под полным контролем воли человека, до автономных действий ИИ, опять же допускаемых и осознаваемых в своих возможных пределах и последствиях человеком (группой лиц)» [5. С. 64].

Эта возможность, в свою очередь, может и должна стать основой для рационального и справедливого распределения ответственности между ними. Речь идет о таких субъектах, как владелец ИИ, пользователь ИИ, разработчик ИИ, а также третьи лица [7, 8].

Разумеется, мы не можем применить уголовное или административное наказание к ИИ. Любая мера ответственности, примененная к ИИ, в любом случае повлечет за собой неблагоприятные последствия для его пользователя: например, административный запрет на работу ИИ в течение определенного срока будет означать издержки не для самого ИИ, а лишь для того субъекта, который использовал данную систему ИИ в своей хозяйственной деятельности.

Именно этот тезис является отправной точкой для конкретизации абстрактного тезиса об индивидуализации решения о распределении ответственности в каждом конкретном случае с учетом комплекса факторов. Владелец ИИ в таком контексте предстает владельцем источника повышенной опасности, а в саму категорию источника повышенной опасности можно и должно включать роботов и системы ИИ в целом. По умолчанию, ответственность за неблагоприятные последствия деятельности ИИ несет его владелец – но лишь до тех пор, пока не доказана вина иных лиц.

Список литературы

1. Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31.
2. Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5.
3. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 32–46.
4. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12.
5. Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 63–72.
6. Черногор Н.Н., Емельянов А.С., Залоило М.В. Трансформация идейной основы юридической ответственности: между архаикой и постмодерном // Вопросы истории. 2021. № 11(2). С. 248–259.
7. Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5. DOI: 10.5235/17579961.5.2.214.
8. Colonna K. Autonomous Cars and Tort Liability // Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet. 2012. Vol. 4. DOI: 10.2139/ssrn.2325879.
9. Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Committee on Legal Affairs (31.05.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf?redirect (дата обращения: 5.09.2024).
10. Duffy S.H., Hopkins J.P. Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability // SMU Science & Technology Law Review. 2013. Vol. 16.
11. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).
12. Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016.
13. Филипова И. А., Коротеев В. Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(2). Рр. 359–386. EDN: immoam

Г. И. Калинин,
кандидат юридических наук,
Министерство культуры Российской Федерации
Л. Е. Калинина,
кандидат юридических наук, доцент,
Российская таможенная академия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В последние годы подход к концепции осуществления органами контрольно-надзорной деятельности предполагает, прежде всего, снижение в отношении данных субъектов административной нагрузки и приоритет профилактических мероприятий. Ожидается, что цифровизация контрольно-надзорной деятельности существенно поможет в реализации указанных установок, а также снизит коррупциогенные риски. При этом практически не исследуется вопрос удобства пользования цифровыми ассистентами самих контролеров, что тоже очень важно при внедрении механизмов цифровизации в процессы публичного управления, в том числе и с юридической точки зрения. Как и все новое, отдельные мероприятия по цифровизации рассматриваемого вида публичной деятельности вводятся в эксплуатацию несколько «сырыми» и требуют некоторой доработки и достаточной по времени апробации, что получается сделать далеко не всегда. Требуется существенной аппаратной доработки цифровое приложение «Инспектор», внедрять его надо не в авральном режиме. Это приложение, а также лист самообследования, необходимо юридически закрепить в профильном федеральном законе.

Ключевые слова: государственное управление, административное право, контроль (надзор), мероприятия по контролю (надзору), контрольно-надзорные действия, цифровизация.

SOME PROBLEMS OF DIGITAL REGULATION OF THE PROVISION OF STATE AND MUNICIPAL SERVICES

Abstract. In recent years, the approach to the concept of the implementation of control and supervisory activities by the bodies assumes, first of all, a reduction in the administrative burden on these subjects and the priority of preventive measures. It is expected that digitalization of control and supervisory activities will significantly help in the implementation of these installations, as well as reduce corruption risks. At the same time, the issue of the convenience of using digital assistants by the supervisors themselves is practically not investigated, which is also very important when introducing digitalization mechanisms into public administration processes, including from a legal point of view. Like everything new, individual measures to digitalize the type of public activity in question are put into operation somewhat "raw" and require some refinement and sufficient time testing, which is not always possible. The digital application "Inspector" requires significant hardware refinement, it should not be implemented in an emergency mode. This application, as well as the self-examination sheet, must be legally fixed in the relevant Federal law.

Keywords: public administration, administrative law, control (supervision), control measures (supervision), control and supervisory actions, digitalization

В последние годы официальный подход к концепции осуществления органами публичной власти и уполномоченными организациями контрольно-надзорной деятельности (далее – КНД) кардинально поменялся. Если ранее во главу угла, в том числе и на законодательном уровне, фактически ставился принцип первоочередности обнаружения, пресечения и устранения выявленных нарушений, хотя при этом и декларировалась защита прав контролируемых лиц, то сейчас первоочередным является снижение в отношении данных субъектов административной нагрузки и приоритет профилактических мероприятий.

Предполагается, что цифровизация КНД существенно поможет в реализации указанных установок. Кроме того, одним из основных плюсов цифровизации КНД называют снижение коррупционных рисков. Такой вывод делает, например, Д. С. Стенькин [17], ряд исследователей поддерживает эту точку зрения [6].

Л. А. Жигун подчеркивает связь цифровизации КНД и внедрение риск-ориентированного подхода в данной сфере, при этом отметил низкий уровень подготовленности инспекторов к работе в цифровых сервисах и необходимость дополнительного обучения [1].

Общим в данных подходах и воззрениях является то, что все видят в инспекторах низового звена «прожженных» коррупционеров, много говорят о снижении нагрузки на подконтрольные субъекты. Сходную точку зрения мы видим при цифровизации оказания публичных услуг [3]. Но практически никто не подумал об удобстве самих контролеров при проведении мероприятий по КНД, а ведь это тоже очень важно при внедрении механизмов цифровизации в процессы публичного управления, в том числе и с юридической точки зрения [2]. Официально, к сожалению, также выражается вышеуказанная точка зрения [15].

Полагаем, что современное воззрение на публичное управление должно подразумевать комплексный подход к цифровизации управленческих процессов [4]. Вместе с тем, как и все новое, отдельные мероприятия по цифровизации рассматриваемого вида публичной деятельности вводятся в эксплуатацию несколько «сырыми» и требуют некоторой доработки и достаточной по времени апробации, что получается сделать далеко не всегда.

Всего лишь одним из многих мероприятий по направлениям цифровизации КНД является применение так называемого мобильного приложения «Инспектор» (далее – «Инспектор»).

До недавнего времени «Инспектор» был пилотным проектом, в апробации которого участвовало единичное количество федеральных контрольно-надзорных ведомств [16]. Теперь по требованию Правительства РФ и Минцифры России к использованию «Инспектора» должно присоединиться на порядок больше ведомств.

Можно подумать, что рассматриваемый нами «Инспектор» является чем-то схожим с двумя цифровыми платформами, которые начали действовать ранее и имеют одинаковое название – «Электронный инспектор».

Первый из них, цифровая бизнес-платформа Нижегородской области с таким названием, анонсирована к внедрению еще 12 лет назад, но заработала только в 2018 году [5].

Вторая платформа – интерактивный сервис Роструда, запущенный в составе системы «Онлайнинспекция.рф», заработал в 2016 году [10].

Обратим внимание, какой долгий период доводки был у данных сервисов, но проблемы с использованием имеются до сих пор. В отношении «Инспектора» внедрение идет «авральными» темпами, результаты пилотного использования (положительные либо отрицательные) в общедоступных источниках не опубликованы.

Помимо периода апробации и доводки между системами, есть и функциональное различие. Если оба «Электронных инспектора» являются интерактивными сервисами и предназначены для самообследования контролируемых лиц в рамках процедуры, определенной статьей 51 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ [8], то рассматриваемый нами «Инспектор» является приложением именно для мобильных устройств, пользоваться им могут как инспекторы-контролеры, так и проверяемые.

Основное предназначение «Инспектора» – проведение как оценки соответствия, так и контрольных (надзорных) мероприятий, причем – в режиме видеоконференцсвязи (дистанционно) [7].

Форсированное расширение эксперимента по применению «Инспектора» осуществляется согласно соответствующему поручению Правительства РФ [12]. На совещании по выполнению данного поручения отмечено для достижения положительных результатов эксперимента его участникам необходимо 20 % от всех контрольных (надзорных) мероприятий с 20 августа 2024 г. проводить дистанционно с помощью «Инспектора» [13].

При этом сроки эксперимента не соотносятся со сроками поручения по внедрению «Инспектора», что создает дополнительные трудности, в том числе и в статистической обработке эффективности эксперимента.

В материалах к указанному совещанию раскрываются особенности и возможности применения «Инспектора».

«Инспектор» может контролировать геолокацию объекта и субъекта контроля, но не может реализовывать видео- и фотофиксацию нарушений. Применять его можно только при проведении мероприятий с взаимодействием с контролируемым лицом, и то не всех, а только в ходе инспекционного визита и выездной проверки.

Да и перечень контрольно-надзорных действий ограничен: осмотр, опрос, истребование документов, получение письменных объяснений. Причем в ходе инспекционного визита истребовать документы не получится.

По понятным причинам не реализовано проведение досмотра, отбора проб (образцов), инструментального обследования, испытания, экспертизы, эксперимента.

А вот почему нельзя провести документарные (без выезда на объект контроля) мероприятия, непонятно. Ведь онлайн-формат для них, по нашему мнению, подходит лучшим образом.

Считаем, что ограничение применения «Инспектора» только выездными мероприятиями по контролю (надзору) подрывает самый смысл таких мероприятий, заложенный буквой и духом закона – невозможность их проведения только на основании документов и сведений, имеющихся в распоряжении контрольно-

надзорного органа, а также невозможность оценки соответствия деятельности субъекта контроля и состояния объекта контроля без выезда на место.

В таком случае цифра 20% всех мероприятий в рамках КНД посредством «Инспектора» выглядит слишком завышенной и явно оптимистичной.

В области, например, строительства и охраны объектов культурного наследия, КНД в отношении которых включена в эксперимент по применению «Инспектора», выезд на объект контроля необходим, поскольку такие объекты несут в себе особую опасность и обследовать их можно пока только вживую.

Так, некоторые авторы по результатам анализа статистических данных Генеральной прокуратуры РФ отмечают, что в 2022 году доля выездных мероприятий по контролю (надзору) составила порядка 75% [11]. И только введенный мониторинг КНД, который, кстати, является временной мерой, по нашему мнению, несколько изменил данное соотношение в последнее время [9.].

Онлайн-мероприятия по контролю возможно, как видится, провести только если, к примеру:

- в программу проверок заложено несколько мероприятий;
- первоначально нарушений не выявлено;
- следовательно, далее мероприятия по контролю (надзору) можно проводить «по накатанной колее».

Очень важным правовым вопросом является также то, что использование специальных мобильных приложений в рамках КНД вообще не предусмотрено и никак не упомянуто в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. «Инспектор» как интересная инновация требует доработки как с аппаратной, так и, прежде всего, с правовой точки зрения.

Уже упомянув в данной работе приоритет профилактики в КНД, нельзя пройти мимо еще одного вопроса. Концепцией совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года [14] предусмотрено создание и формирование функционала, разработка и функционирование листов самообследования на базе реестра обязательных требований. Данные листы в соответствии с указанной Концепцией необходимы в целях проведения контролирующими лицами процедуры самообследования, предусмотренной статьей 51 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Между тем данным законом «лист самообследования» понятие и правовой институт не предусмотрены вовсе.

Указано, что в целях самообследования применяются утверждаемые контрольно-надзорным органом проверочные листы, которые должны предусматривать возможность самообследования онлайн.

В данном случае терминология правового акта в сфере КНД требует правовой корректировки.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что КНД с правовой точки зрения требует постоянного внимания и совершенствования, прежде всего – формального. Обратный подход будет приводить к росту числа административных споров и утрате доверия к государственному регулированию в данной сфере.

Список литературы

1. Жигун Л. А. Цифровые инновации в контрольных органах власти // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 6. С. 2733–2742.
2. Калинин Г. И. Некоторые проблемы цифровой регламентации оказания государственных и муниципальных услуг // Цифровые технологии и право. сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции. В 6 т. Казань, 2023. С. 172–177.
3. Калинина Л. Е. Эффективность публичных государственных услуг // Право и практика. 2013. № 1. С. 54–59.
4. Калинина Л. Е., Бочарникова А. Д. Современные подходы к принципам государственного управления, и их реализация в судебном администрировании // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2020. № 1 (11). С. 54–60.
5. Колотушкина О. Нижегородский ИТ-проект в надзорной сфере представлен на Всероссийском форуме «Цифровая эволюция» // Сетевое издание «Новое телеграфное агентство Приволжье». 2022. 18 авг. URL: https://nta-pfo.ru/news/economy/2022/news_660198
6. Курындин П.А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2024. № 3.
7. Мобильное приложение «Инспектор» // Портал КНД (Контрольно-надзорная деятельность) / Документы. URL: <https://knd.gov.ru/document/mp> (дата обращения: 07.09.2024).
8. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ; в ред. от 08.08.2024. 2020. 31 июля; 2024. 8 авг. URL: <http://pravo.gov.ru>
9. Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля : пост-е Правительства Росс. Федерации от 10.03.2022 № 336; в ред. от 28.08.2024. 2022. 10 марта; 2024. 28 авг. URL: <http://pravo.gov.ru>
10. Об утверждении Положения о системе электронных сервисов Онлайн-инспекция.рф и регламентов эксплуатации сервисов: приказ Роструда от 30.06.2016 № 246; в ред. от 27.03.2024 // Документ опубликован не был. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Ольховикова С. В. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации / С. В. Ольховикова, Э. С. Куконов, М. Ю. Вахрушева // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы IX Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 17–18 апреля 2023 г. : в 2-х томах. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2023. Т. 1. С. 203-207.
12. Поручение Правительства Российской Федерации от 08.02.2024 № ДГ-ПЗ6-11пр // Официальный сайт Правительства России / Документы / Поручения Правительства и решения по итогам совещаний, заседаний, встреч. – URL: <http://government.ru/orders/selection/401> (дата обращения: 09.09.2024).
13. Протокол совещания по вопросу проведения эксперимента по внедрению в контрольную (надзорную) деятельность мобильного приложения «Инспектор» от

22.08.2024 № 49-Д24 // Сайт Минэкономразвития России / Документы. – URL: <https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty> (дата обращения: 09.09.2024).

14. Распоряжение Правительства Росс. Федерации от 21.12.2023 № 3745-р об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года; в ред. от 17.06.2024. 2023. 12 дек.; 2024. 17 июня. URL: <http://pravo.gov.ru>

15. Сапожков О. Галиева Д. Контролер конкуренту глаз выключет. Идеи бизнеса по развитию надзора показали себя на форуме РСПП // Газета «Коммерсантъ». 2024. № 27. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6905644>. 2024. 14 февр.

16. Сапожков О. Галиева Д. Телефон при фуражке и кителе. Правительство расширяет применение мобильного приложения «Инспектор» // Газета «Коммерсантъ». 2024. № 150. 2024. 21 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6905644>

17. Стенькин Д.С. Бочкина А.А. О государственной информационной системе «Типовое облачное решение по автоматизации контрольно-надзорной деятельности» // Научное обозрение: международный научно-практический журнал. Сетевое издание. 2021. № 5. URL: <https://srjournal.ru/2021/id333>

О. М. Кандыбо,

аспирант,

Белорусский государственный университет

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПАРЛАМЕНТА

Аннотация. В настоящей работе анализируются понятие и сущность концепции электронного парламента, в том числе рассматриваются доктринальные определения данного правового явления и его внутренняя система. Подчеркиваются положительные стороны внедрения данной технологии для реализации конституционного права граждан на управление делами государства. По результатам исследования предлагается определение электронного парламента.

Ключевые слова: парламент, представительная демократия, информационно-коммуникационные технологии, право на управление делами государства, электронный парламент, электронная демократия, инновации

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF ELECTRONIC PARLIAMENT

Abstract. This work analyzes the concept and essence of the concept of electronic parliament, including the doctrinal definitions of this legal phenomenon and its internal system. The positive aspects of introducing this technology to realize the constitutional right of citizens to manage the affairs of the state are emphasized. Based on the results of the study, the author's definition of e-parliament is proposed.

Keywords: parliament, representative democracy, information and communication technologies, the right to manage state affairs, electronic parliament, electronic democracy, innovation

Введение. В этом контексте в юридической доктрине развивается концепция электронного парламента, особенностью которого является использование современных ИКТ для «предоставления гражданам более широкого доступа к парламенту и парламентариям» [1. С. 8–9]. Данная концепция не является изобретением одного человека или организации, а возникла как результат развития информационных технологий и необходимости повышения эффективности и прозрачности работы законодательных и представительных органов власти.

Основная часть. Импульсом для активного внедрения ИКТ в парламентскую работу следует считать 109-ю Ассамблею Межпарламентского союза, прошедшую 3 октября 2003 г. в городе Женева, в рамках которой была принята резолюция, призывающая использовать ИКТ для повышения эффективности, результативности и прозрачности деятельности парламента и для лучшего взаимодействия с гражданами. Однако еще до этого, в 1990-е годы, различные парламенты (например, Германии и Дании) уже экспериментировали с использованием цифровых технологий, таких как электронный документооборот и системы голосования, что постепенно привело к формированию концепции электронного парламента [8. Р. 18].

В первом отчете Межпарламентского союза «World E-Parliament Report», вышедшем в 2008 г., электронный парламент определялся как законодательный орган, который с помощью ИКТ должен быть более прозрачным, доступным и подотчетным за счет предоставления гражданам доступа к парламентским документам и информации о деятельности [9. Р. 12]. В 2018 г. аналитики Межпарламентского союза в очередном отчете «World E-Parliament Report» рассматривали электронный парламент в контексте совокупности технологий, знаний и норм, которые необходимы для организации рабочих процессов в целях открытости, сотрудничества и вовлеченности граждан [10. Р. 5], тем самым подчеркивая, что данное правовое явление представляет собой не просто набор цифровых технологий, а охватывает вопросы управления, трансформации и эффективности деятельности представительных органов власти с помощью ИКТ. Цифровизация парламентской работы является не просто процессом технологической модернизации, а прежде всего представляет собой фактор преобразования института парламентаризма [10. Р. 24]. Особенно интенсивное развитие концепция электронного парламента получила вследствие пандемии COVID-19 [11. Р. 5].

В юридической литературе нет единого мнения по поводу термина «электронный парламент». Так, по мнению О. И. Харченко, электронный парламент представляет собой «новую форму участия граждан и организаций в законотворчестве на основе использования информационно-коммуникационных технологий на всех этапах до подписания и опубликования закона» [5. с. 19].

Т. Кингман называет электронным парламентом непосредственно сам процесс «использования ИКТ для улучшения работы парламента, укрепления парламентской демократии путем повышения эффективности, результативности деятельности самого парламента» [8. Р. 17]. А. С. Кошель предлагает более объемное определение данного правового явления, понимая под ним «комплекс информационно-телекоммуникационных и программно-аппаратных средств, направленных на автоматизацию процесса регистрации и сопровождения документов и решений представительного органа власти, на сопровождение процесса обсуждения

законодательных инициатив, взаимодействие представительного органа с населением, в том числе посредством раскрытия информации о принимаемых решениях, ходе рассмотрения проектов нормативных правовых актов и иных вопросов, отнесенных к ведению парламента, удаленного (дистанционного) участия граждан в обсуждении рассматриваемых законопроектов, а также направления депутатам парламента законодательных предложений граждан, их обсуждения и поддержки самими гражданами» [4. С. 63–64].

Указанные авторы понимают электронный парламент не в контексте органа представительной власти, а как соответствующий программный комплекс, необходимый для обеспечения более эффективной и открытой работы депутатов и обратной связи с избирателями.

Непосредственно электронный парламент может включать в себя различные цифровые инструменты, например, «систему электронного голосования (в том числе онлайн-голосование); парламентский портал для доступа граждан к информации о депутатах и законодательном процессе; электронную приемную для граждан; интернет-портал для коллективной работы депутатов и экспертов; системы электронного документооборота и электронные архивы; систему видеофиксации и видеотрансляции парламентских заседаний; систему видеоконференций для участия в парламентских заседаниях онлайн» [6].

Межпарламентский союз в качестве основных компонентов электронного парламента выделяет: электронный документооборот, систему видеоконференций, электронную систему голосования, информационные панели (дашборды), платформы онлайн-взаимодействия с гражданами, социальные сети [7. Р. 17].

Л. Г. Коновалова отмечает, что электронный парламент реализуется «через сайты парламента, интернет-приемные граждан, видеотрансляцию заседаний парламента, ведение системы учета архивных материалов и парламентскую библиотеку, электронный документооборот через специальные автоматизированные системы» [3. С. 71].

Е. П. Гуйда предлагает еще более компактную модель электронного парламента (в том числе «электронный офис законодателей, т. е. система, предназначенная для депутатов и наполненная необходимой для них информацией, и отдельный Парламентский портал – публичный Интернет-ресурс для взаимодействия с гражданами» [2. С. 30].

Заключение. Таким образом, электронный парламент следует рассматривать как инновационную организацию законодательной (представительной) власти, основывающуюся на активном внедрении и использовании, как трансформационного инструмента, ИКТ, помогающих более эффективно осуществлять основные функции парламента, содействуя развитию справедливого и инклюзивного информационного общества. При этом цифровые инструменты электронного парламента следует разделить на те, которые используются для работы с гражданами, и на необходимые для внутреннего управления работой парламента.

Список литературы

1. Абраменко Е. Г. Цифровой парламент: опыт и перспективы // Трансформация государственного управления и местного самоуправления в условиях развития информационного общества: сб. ст. Межд. круг. стола, Новополюк, 16 апр.

2021 г. / редкол.: И. В. Шахновская, П. В. Соловьев. – Новополюцк: Полоц. гос. ун-т, 2021. С. 6–9.

2. Гуйда Е. П. Некоторые аспекты развития электронного парламента в Республике Беларусь // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований. Респ. Беларусь. Минск, 2016. Вып. 11. С. 19–32

3. Коновалова Л. Г. Парламентаризм в условиях становления электронного государства // Информационная среда в современной России: риски и возможности : мат. Межд. науч.-практ. конф., Барнаул, 19 марта 2020 г. / Алт. ф-ал. РАН-ХиГС. Барнаул: АЗБУКА, 2020. С. 69–75.

4. Кошель А. С. Использование инструментов «Электронного парламента» в парламентских процедурах // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. №. 3. С. 62–86.

5. Харченко О. И. Электронный парламент как стадия развития информационного общества // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 2. С. 18–20

6. Электронный парламент // IT технологии для государственных органов власти [Электронный ресурс]. – URL: https://www.thenetocrats.ru/tags/elektronnyi_parlament (дата обращения: 01.09.2024).

7. Guide to digital transformation in parliaments / Inter-Parliamentary Union and Association of Secretaries General of Parliaments. – New York, 2023. – 47 p.

8. Kinghman T. e-Parliaments: The Use of Information and Communication Technologies to Improve Parliamentary Process. – Washington, D.C.: The World Bank, 2003. – 34 p.

9. World e-Parliament Report 2008 / Inter-Parliamentary Union. – New York, 2008. – 209 p.

10. World e-Parliament Report 2018 / Inter-Parliamentary Union. – New York, 2018. – 74 p.

11. World e-Parliament Report 2022 Parliaments after the pandemic / Inter-Parliamentary Union. – New York, 2022. – 38 p.

12. Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 3. Pp. 673–690. EDN: nfwlyf

К. В. Ковалишина,
помощник юриста,
ООО «ПродмашТехСервис»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация. В статье проанализированы отдельные проблемы, возникающие в ходе деятельности по предупреждению и пресечению противоправной деятельности в сети «Интернет» на примере института административной ответственности. Сделаны предложения по совершенствованию нормативного регулирования обозначенной сферы.

Ключевые слова: телекоммуникационная сеть «Интернет», административные правонарушения, публично-правовая ответственность, административная ответственность

SOME ASPECTS OF IMPROVING ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR OFFENSES ON THE INTERNET

Abstract. In the article, the author analyzes the current problems that arise in the course of activities to prevent and suppress illegal activities on the Internet (using the example of the institute of administrative responsibility). The author has made proposals to improve the regulatory regulation of the designated area.

Keywords: telecommunication network «Internet», administrative offenses, public liability, administrative responsibility

Введение. На сегодняшний день, наряду с положительными сторонами использования сети «Интернет», увеличилось количество проблем, связанных с совершением противоправной деятельности на различных платформах указанной сети, которые несут существенную угрозу охраняемым законодательством Российской Федерации общественным отношениям во всех сферах жизни общества [1]. Стоит отметить, что, несмотря на систематическое внесение изменений, направленных на ужесточение санкций в действующем административно-деликтном законодательстве, обозначенная в исследовании проблематика, не теряет своей актуальности и остро стоит на повестке дня, требуя проведения новых научных исследований, анализа проблем, поиска оптимальных путей их разрешения и преодоления в современных реалиях, в том числе путем усовершенствования и доработки административно-деликтного законодательства, которое несмотря на всю свою динамичность все же отстает от процессов всеобщей цифровизации, а также комплексного противодействия правонарушениям в сети Интернет, прежде всего таких, как создание и распространение фейковой информации, создание и распространение фейков при помощи искусственного интеллекта и т. д.

Основная часть. В соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [2], предусматривающей достижение «цифровой зрелости», предпринимаются меры, направленные на

трансформацию всех сфер общественной жизни. Наиболее оптимальным и эффективным способом предупреждения осуществления противоправной деятельности в телекоммуникационной сети «Интернет» является публично-правовая ответственность, в частности институт административной ответственности.

Действующее административно-деликтное законодательство Российской Федерации устанавливает и специальный субъектный состав правонарушений в рассматриваемой сфере. Необходимо также отметить, что имеется целый ряд правонарушений, конструкция юридической нормы которых не предусматривает использование информационно-телекоммуникационных технологий.

Д. А. Новгородов вполне обоснованно предлагает уделить внимание «индивидуализации правовой оценки противоправного поведения и дифференциации применения мер юридического принуждения административно-правового характера путем дополнения перечня отягчающих административную ответственность обстоятельств» таким пунктом, как совершение правонарушений с «использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [3. С. 162], что автоматически будет квалифицирующим признаком такого противоправного деяния. Мы поддерживаем данную инициативу и считаем справедливым данное дополнение, ввиду масштабов общественно-опасных последствий в виде неограниченных просторов противоправного распространения информации и совершения правонарушений в данной сфере.

Конечно же, не стоит забывать, что административно-деликтные правоотношения по сути своей являются очень динамичными и изменчивыми, но и они, хотя и фрагментарно, но подвержены процессам цифровизации, которая «меняет саму сущность смысловых конструкций административной ответственности» [4. С. 52; 5], наполняя их новым – цифровым – смыслом и содержанием, но в современных реалиях это видится необходимостью.

Таким образом, необходим пересмотр положений ст. 1.8 КоАП РФ законодателем, ввиду отсутствия в указанной статье закрепления действенного механизма привлечения деликвентов к ответственности. Так, наиболее перспективным решением обозначенной проблемы видится расширение административно-законодательства в «цифровом» пространстве, что позволит своевременно выявлять и привлекать «цифровых» нарушителей к ответственности, что будет соответствовать степени общественной опасности и вреда от противоправных деяний в указанной крайне важной для общества и государства сфере.

Заключение. С целью эффективного выявления и пресечения совершения новых правонарушений, доказывает необходимость осуществления системных мер усовершенствования административно-деликтного законодательства, так как существует ряд стабильно-действующих факторов, влияющих на ухудшение административно-деликтной ситуации в данной сфере.

Список литературы

1. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 140–145.
2. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии развития информационного Общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570> (дата обращения: 20.02.2023).

3. Новгородов Д. А. Административные правонарушения, совершаемые в Интернете // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 5. С. 162–164.

4. Евсикова Е. В. Проблемы модернизации и реформирования административно-деликтного законодательства на современном этапе // Проблемы совершенствования законодательства и правоприменительной практики: сборник статей по результатам международной научно-практической конференции, Симферополь, 27–28 мая 2022 г. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 18–25.

5. Евсикова Е. В. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и практики // Legal Tech: научные решения для профессиональной юридической деятельности: сборник докладов IX Московского юридического форума: в 4 ч., Москва, 14–16 апреля 2022 года. Ч. 2. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 50–52.

О. Н. Куликова,

кандидат юридических наук, доцент,

Смоленский государственный медицинский университет

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Целью исследования выступает изложение тех компонентов цифровых технологий, которые не нашли законодательного закрепления в российских правовых источниках. Основное направление материала опирается на необходимость правовой фиксации понятия и видов цифровых технологий в законах Российской Федерации, без которых не может существовать современная государственно-публичная власть. Основной вывод исследования имеет прикладное значение, так как сводится к сущности цифровой зрелости закона, в котором законодатель закрепит понятие таких технологий.

Ключевые слова: цифровые технологии, государственно-публичная власть, законодательство

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES: GAPS IN LEGISLATION

Abstract. The purpose of the study is the author's presentation of those components of digital technologies that have not found legislative consolidation in Russian legal sources. The main direction of the material is based on the need for legal fixation of the concept and types of digital technologies in the laws of the Russian Federation, without which modern state and public authorities cannot exist. The main conclusion of the study is of applied importance, as it boils down to the essence of the digital maturity of the law, in which the legislator will consolidate the concept of such technologies.

Keywords: digital technologies, state and public authorities, legislation

Введение. Возникновение первых государств предопределило развитие публичной власти, которая является основным признаком государства. Именно такой признак характеризует публичную власть как правление, существующее вне общества, противопоставляемое общественной власти. Такое господство означает властевеление, не совпадающее с населением страны, управленческая функция которого возлагается на соответствующие органы государства, в чьи полномочия включаются и принудительная деятельность (в том числе через правовое регулирование).

Основная часть. Государственная власть представлена такой системой властных отношений, которые позволяют государству реализовать и обеспечивать свои функции, осуществляемые соответствующим аппаратом управления. Она располагает монопольным правом издавать законы и иные нормативные акты, обязательные для всех [1]. При этом пробелом законодательства следует признать отсутствие положения (нормы), которое четко демонстрирует определенное действие, положение вещей. Значением пробела в законе выступает его неопределенность толкования, применения, реализации в практической деятельности [2]. Указанная позиция актуально подтверждается теорией. По мнению С.Н. Олейникова: «Правовая форма – это специфическая организационная форма деятельности (выделено мною) органов государства, должностных лиц и иных управляющих субъектов, которая с одной стороны, осуществляется на основе строжайшего соблюдения требований закона и других нормативных актов, а, с другой стороны, – ее результаты всегда влекут или связаны с наступлением определенных юридических последствий» [3. С. 12]. Из этой цитаты мы видим, что правовед определяет правовую форму через деятельность различных управляющих субъектов [4. С. 14]. Поэтому основное направление нашей работы с отражением тех компонентов цифровых технологий, которые не нашли законодательного закрепления в правовых актах Российской Федерации, фиксация которых крайне важна для деятельности всех органов власти, общественности, институтов государства и общества.

Для обеспечения публичной власти в государстве и обществе функционируют соответствующие организации (органы), наделенные управленческой функцией на всех уровнях управления обществом. При этом следует отметить законодательный пробел в части закрепления термина «орган публичной власти», который был восполнен лишь в 2020 г. В соответствии с Законом России о поправке к Конституции России от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» публичная власть стала относиться к федеральному ведению [5]. До указанного периода рассматриваемое понятие выступало сугубо собирательным, означающим публичную власть на территории соответствующего государства. После внесенных поправок в Основной закон Российской Федерации в российском законодательстве закрепились значение системы и структуры органов публичной власти в качестве ведущей политической силы.

Основные полномочия таких органов зафиксированы в правовых актах, их объем и количество варьируются с учетом уровня власти (региональная, федеральная). Так, законодательство в области организации публичной власти в российских субъектах к основным законодательным полномочиям относит принятие основного правового акта, законодательную инициативу, регулирование в рамках

предмета ведения данного субъекта и пр., к исполнительным – обеспечение различных мер в области социальной, финансовой, культурной сферы, здравоохранения, социального обеспечения, образования, спорта, экологии, безопасности дорожного движения, борьбе с преступностью и т. д. [6]

Выполняя возложенные на органы власти полномочия, аппаратом этих органов всецело используются различные ресурсы, которые могут быть материальными, социальными, природными, демографическими, культурно-информационными, принудительными и иными. Информационные ресурсы связаны с увеличением объема информации, они позволяют облегчить физические трудовые затраты, многооперационность большого количества выполняемой человеком работы. Информационные ресурсы представляют собой информационные технологии, используемые в различных видах деятельности, связанной с оказанием и обеспечением информационных услуг.

Сфера деятельности органов государства, как и другие сферы жизнеобеспечения людей в Российской Федерации в качестве предмета труда в конце XX в. начала использовать информацию. Полномочия органов власти стали осуществляться через понятие «национальных информационных ресурсов», выступивших с этого времени новой экономической категорией. Всеобщее развитие информатизации привело к ежедневному использованию информационных ресурсов.

К информационным ресурсам относятся цифровые технологии, функционирование которых невозможно без соответствующего материально-технического оснащения и человеческого фактора, обеспечивающего физическим и иным трудом их работоспособность. При этом, на законодательном уровне понятия информационных ресурсов не закреплено. В частности, принятый в 2006 г. правовой акт в области информации, ее защите и информационных технологиях [7] предлагает лишь понятие информационных технологий, подразумевая под ними определенные процессы в области использования и оборота информации, сбора и ее хранения, применения для этого определенных способов.

Введение в законодательство в области информационных технологий понятия информационных ресурсов, имеет важное прикладное значение, так как именно они используются повсеместно в деятельности государственно-публичных и других органов государства и общества. Мы же предлагаем рассматривать их в качестве системы (совокупности) информации, используемой для практической деятельности.

Признаками таких ресурсов считаем следующие: 1) информационная неисчерпаемость; 2) систематическое наращивание информации; 3) изменение состава; 4) постоянное развитие, эволюционирование и совершенствование; 5) единство информационных компонентов. В настоящее время в качестве информационных ресурсов могут выступать любые накопления обществом знания в различных областях развития человечества – науки, истории, образования, культуры (файл, документ на бумажном носителе, веб-сайт, графическое изображение, видео или аудиозапись [8]).

Далее приведем следующий законодательный пробел, который прослеживается в отсутствии понятия цифровых технологий и их видов в законах Российской Федерации, без которых, собственно говоря, не может существовать, а следовательно, и функционировать, государственно-публичная власть. Цифровые

технологии – это совокупность методов, при помощи которых определенные данные можно создавать, обрабатывать, хранить и в электронном виде распространять через компьютерные устройства, сетевые потоки электронных систем. И если искусственный интеллект, дополненная реальность, применение робототехнических устройств – это цифровые технологии, которые в деятельности органов публичной власти не так актуальны для использования (многомасштабно), то высокоскоростной интернет, технологии сервиса сбора баз данных, их аналитическая обработка, машинное обучение, облачные компьютерные сервисы – это те технологии, без которых функционировать не может ни одна служба в современных ветвях власти, в обществе в целом.

Заключение. Именно цифровые технологии используются в настоящее время в различных сферах деятельности, в том числе в сфере осуществления государственно-публичной власти. Служащие участвуют в цифровых процессах, в которых применяются ежедневно цифровые технологии. Поэтому закрепление в нормативно-правовых актах понятия цифровых технологий будет означать самый важный правовой процесс – цифровая зрелость российского законодательства.

Список литературы

1. ЕГЭ. Обществознание. Политика. Понятие власти [Электронный ресурс]. – URL: <https://obschestvoznanie-ege.ru> (дата обращения: 06.09.2024).
2. Ибрагимова Ю. Э., Залоило М. В. Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 182–205.
3. Олейников С. Н. Общетеоретические проблемы юридической процессуальной формы: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Харьк. юрид. ин-т им. Ф. Э. Дзержинского. Харьков, 1986. 24 с.
4. Куликова О. Н., Масыгина Ю. Б. Правовая форма и правовые средства в правовом регулировании: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 171 с.
5. Орган публичной власти [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%80%> (дата обращения: 03.09.2024).
6. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 № 414-ФЗ (в ред. от 13.07.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070 (дата обращения: 06.09.2024).
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c (дата обращения: 05.09.2024).
8. Информационные ресурсы [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.yaklass.ru/p/informatika/11-klass/tcifrovaia-gramotnost-7279406/informatcionnye-resursy-i-ikh-osobennosti-6756494/re-bcec021a> (дата обращения: 06.09.2024).

Э. В. Малиненко,
кандидат юридических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления – филиал

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК АСПЕКТ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении специфики цифровизации в развитии субъектов Российской Федерации и новых подходов к решению проблем, связанных с применением цифровых технологий. Важными показателями преобразования, происходящими в государстве в различных сферах, признается эффективность конституционного правового регулирования субъектов Российской Федерации. Эффективность конституционного и уставного правового регулирования субъектов Российской Федерации, достижение желаемых результатов и преодоление проблем социального и экономического характера связаны с развитием с применением цифровых технологий.

Ключевые слова: конституция, устав, цифровые технологии, цифровизация, субъект Российской Федерации, цифровизация, эффективность

DIGITALIZATION AS AN ASPECT OF THE DEVELOPMENT OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. In various periods of time, humanity has been striving for the perfection of digital technologies. The art of managing the state and people generated results in the era of digitalization. The authorities and the population began to understand the importance and significance of laws and focus on the intended effect with the help of digital technologies. The problem of digitalization affects all branches of law. The digitalization of legal norms depends on a number of conditions. Important indicators are the transformations taking place in the state in various spheres. One of the indicators is the effectiveness of the constitutional and legal regulation of the subjects of the Russian Federation. However, despite the prospects of using digital technologies, the effectiveness of constitutional and statutory legal regulation of the subjects of the Russian Federation sometimes does not achieve the desired results and social and economic problems arise. This is the purpose of the study – to prove the specifics of digitalization as an aspect of the development of the subjects of Russia.

Keywords: constitution, charter, digital technologies, digitalization, subject of the Russian Federation, digitalization, efficiency

Введение. XXI век по праву называют эпохой цифровизации. В условиях цифровизации власть и население стали понимать важность и значимость законов и ориентироваться на предполагаемый эффект. В отдельных источниках эффективность рассматривается как соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами. С нашей точки зрения, актуальным является и в советский, и постсоветский период возникновение и развитие системного пол-

ноправного диалога населения и власти, создание института клиентоцентричности в условиях цифровизации, ориентируемого на показатели формирования населения и человека как высшей ценности государства.

Основная часть. В советской юридической науке Е. В. Михайлова выявила два вида эффективности права: юридическую и социальную [1. С. 86]. Такой подход заслуживает внимания, однако представляется недостаточно охватывающим все сферы жизнедеятельности государства в социалистический период без использования цифровых технологий. Полагаем, в основе эффективности союзной Конституции и республиканских конституций должен быть заложен коэффициент показателей жизнедеятельности населения региона, определяющий, во-первых, экономический уровень материального обеспечения населения с учетом заработной платы, вкладов, транспорта, во-вторых, образовательный уровень, количество лиц, получивших высшее и среднее профессиональное образование, в-третьих, общественно-политический уровень – наличие членов Коммунистической партии Советского Союза – ядра и направляющей силы политической системы. Тем не менее в социалистический период оценка эффективности представлялась, несомненно, важной и ключевой не только в науке для совершенствования норм советского права, но и в практической деятельности партийных и хозяйственных органов. В советском государстве были введены меры, направленные на охрану общественного порядка, обеспечение сохранности социалистического имущества, но не было обращения к информационным технологиям. Сущность эффективности общесоюзной и республиканской конституций, мы полагаем, значительно шире, распространеннее. Она не только в издании партийных директив, но и в установлении коэффициента уровня жизни населения при помощи информационных технологий. Более актуальным представляется мнение Е. Л. Бонк. Она отмечает эффективность правовой нормы в сопоставлении ее с общественным мнением [4. С. 3]. По нашему мнению, идея эффективности конституционного и уставного правового регулирования субъектов Российской Федерации, не может рассматриваться только в формате учета общественного мнения. Мы полагаем, что само понятие «общественное мнение» без принадлежности субъектности не дает полного достижения эффективности. Необходимо признать право человека на цифровизацию и законодательно отождествлять его с иными правами человека и гражданина в условиях цифровизации государственного и муниципального управления.

Конституции и уставы субъектов РФ находятся в правовом пространстве в условиях процесса цифровизации.

В нынешний период исследуемые нами акты не отражают всех изменений, происходящих в государстве и обществе, не адаптируются к современным реалиям и нуждаются в новой форме. Нам представляется, что данная форма должна быть несколько иной, адаптированной к условиям цифровизации государственного и муниципального управления и информационным технологиям, развивающимся в цифровом государстве.

Отсутствие в Конституции РФ законодательного закрепления понятий «цифровое государство», «цифровизация», «цифровое управление» в науке конституционного права не позволяет в полной мере реализовывать новые подходы,

а в практике-цифровые процессы. Очевидны проблемы, которые должны быть решены в ближайшее время.

Цифровизация управления, искусственный интеллект, повсеместная роботизация, создание интернет-платформ, способных прийти на смену человеку и как итог в кратчайшие сроки решение общенациональных задач, способствующих реализации прав и свобод человека. В науке конституционного права в правовом пространстве должны особую роль выполнить конституции и уставы субъектов РФ, представленные в цифровой форме.

Имеются некоторые специфики, начиная с названия законодательных органов разных республик и иных видов субъектов, особенно национальных, с возможности традиционных процедур, в том числе формирования, взаимодействия законодательной и исполнительной власти, вплоть до избрания губернатора, или избрания прямым голосованием, или избирает уже их парламент. Многие политики предлагают: пусть депутаты избирают главу субъекта, население формирует, в большей степени, правительства (администрации) субъектов РФ. Это в дальнейшем, будет возможным при использовании информационных технологий» [2]. Предлагаемые модели возможны, в некотором контексте, и в субъектах Федерации. Мы полагаем, что такие подходы в науке конституционного права допустимы как новые теоретические положения конституционного (уставного) многообразия и способствуют усилению диалога населения и власти путем применения различных форм и методов.

В актах открытого диалога населения и власти особую роль выполняют информационные ресурсы [7. С. 309–324]. Процесс цифровизации гражданского общества определяют информатизацию государственного и муниципального управления, выразившуюся, прежде всего, в различных формах. С одной стороны в обеспечении и донесении до населения отчета о своей деятельности, с другой стороны обратной связи с населением путем обращений. В реализации открытого диалога есть и проблематика. Если мы обратимся к информационным сайтам органов власти, то увидим, что не всегда указаны электронные адреса, как правило, написаны телефоны, но, к сожалению, лишь отдельных должностных лиц. Тем не менее власть должна иметь доказательство обратной связи. Телефонная связь не всегда предполагает эффективный результат решения проблемы. Отсутствие электронных адресов допускает, как представляется, неравный допуск либо не допуск обеспечения или неравного допуска обеспечения комфортности нахождения на государственной должности за счет средств обращающихся налогоплательщиков.

Заключение. Мы предлагаем в науке конституционного права определить подходы, что предназначение исследуемых нами актов не только в юридическом копировании конституционных норм в политико-правовом пространстве, но и в допустимом субъектном конституционном дизайне на принадлежащей определенной правовой территории. Все конституции и уставы субъектов Федерации должны раскрыть те положения, которые федеральная Конституция и федеральные законы требуют уточнить в региональном законодательстве. Конституции и уставы должны иметь совокупность положений, которые определяют их отличительную особенность субъектов в экономике, территориальном расположении, демографических, национально – этнических и других характеристиках. Особенности конституций и уставов субъектов Федерации можно представить в науке

конституционного права в качестве обязательств субъекта. В государственно-правовой практике внедрение исследуемых актов позволит прогнозировать конституционное развитие субъекта, а значит, и приумножить силу и ценности Российского государства и ее субъектов, эффективнее планировать более высокий уровень жизни, улучшать деятельность всех сфер жизнедеятельности [8. С. 327–331].

Кроме этого, на наш взгляд, в конституции и уставы субъектов РФ должны вложить положения, позволяющие гражданам познакомиться и более четко понимать механизмы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, которые дают им преференции.

Предлагаемая модель доступа к информации обратной связи от власти к населению состоит в индивидуальном подходе и прямом назначении, а главное в исключении заявительной правовой зависимости индивида. Мы полагаем, что это наиболее эффективный подход к праву доступа не только к информации, но и к моделям системы, структурам коммуникации. Субъекты федерации в системе правоприменения и правоприменительной практики должны вносить некоторые корректировки.

Такой подход демонстрирует результативность, так как его применение в науке позволяет наиболее обоснованно выделить конституционно-правовые аспекты эффективности, а в практике - предоставить возможность разработать меры, направленные на повышение эффективности правового регулирования конституций и уставов субъектов Российской Федерации. Выявляя особенности, следует помнить, что не нужно ограничиваться исключительно только одним основополагающим фактором эффективности, а именно: социальным, экономическим, политическим, экологическим либо оценкой деятельности органов публичной власти. Необходимо создание и обеспечение комплексного подхода с учетом интересов государства и населения. Данный комплексный подход позволит обеспечить необходимый результат правового регулирования конституций и уставов, а предложенная классификация будет способствовать улучшению территориального развития субъектов и позволит выявить практические нерешенные проблемы, снижающие уровень эффективности исследуемых актов. Особое место должно быть уделено интересам населения в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Бонк Е. Л. Общественное мнение и эффективность правовой нормы. Известия высших учебных заведений // Изв. вузов. Правоведение. – 1979. – № 5. – С. 41–44.
2. Закон Московской области от 10.07.2009 №80/2009-ОЗ «О государственных информационных системах Московской области и обеспечении доступа к содержащейся в них информации» (принят постановлением Мособлдумы от 02.07.2009 № 1/85-П) // Официальный Интернет-портал Правительства Московской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mosreg.ru> (дата обращения: 05.09.20204).
3. Закон Республики Татарстан от 13.11.2007 №58-ЗРТ «Об информационных системах и информатизации Республики Татарстан» // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2007. – № 11. – Ст. 1086.

4. Михайлова Е. В. Эффективность правовой системы как фактор процесса социально-правовой адаптации: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. – Майкоп. – 2004. – 181 с.

5. Малиненко Э. В. Влияние цифровизации управления на оптимизацию правовой системы (на примере конституций и уставов субъектов РФ) // Вестник Поволжского института управления. – 2019. – Т. 19, № 2. – С. 14–19.

6. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 21.03. 2018 № 79-СФ «Об актуальных вопросах развития сферы связи и информационных технологий в условиях формирования цифровой экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 14. – Ст. 187.

7. Alekseeva N.I., Rymkevich Ya.A., Korepina A.V., Malinenko E.V., Shutikova N.S. Digitalization of law in the modern world // Lex Humana. – 2023. – Т. 15, № 3. – С. 309–324.

8. Buglimova O.V., Goncharov I., Malinenko E., Matveeva N., Stepanenko Yu., Chernichkina G. Impact of philosophical anthropology and axiology on the current understanding of the institution of human rights // International Journal of Computer Science and Network Security. – 2022. – Т. 22, № 7. – С. 327–331.

И. В. Мальцев,

кандидат юридических наук,

Сибирский институт управления – филиал

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при

Президенте Российской Федерации

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕРБОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЦИФРОВЫХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем использования гербов субъектов Российской Федерации при электронном опубликовании нормативных правовых актов, содержащих их изображения. На примерах скан-копий документов, размещенных на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru), выявляется и анализируется как негативная, так и позитивная практика обработки официальных символов в рамках реализации графического формата электронного опубликования правовой информации.

Ключевые слова: электронное опубликование, интернет-портал правовой информации, графический формат, цифровой документ, сканирование, герб, геральдика

ON THE USE OF COATS OF ARMS OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON DIGITAL COPIES OF NORMATIVE LEGAL ACTS

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problems of using the coats of arms of the subjects of the Russian Federation in the electronic publication of

normative legal acts containing their images. With examples of scanned copies of documents published on the 'Official Internet Portal of Legal Information' (www.pravo.gov.ru), the author identifies and analyzes both negative and positive practices of processing of legal symbols as part of the realization of the graphic format for electronic publication of legal information.

Keywords: electronic publication, Internet portal of legal information, graphic format, digital document, scanning, arms coat, heraldry

Введение. Развитие инструментов официального электронного опубликования нормативных правовых актов предполагает необходимость комплексного совершенствования целого ряда технологических направлений, включая решение неочевидных на первый взгляд вопросов. Данная проблематика особенно актуальна на проходящем в настоящее время переходном этапе от бумажного документооборота к смешанному (бумажно-цифровому) и в перспективе – к преимущественно цифровому делопроизводству.

Основная часть. Если обратиться к свежим публикациям нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) [1], перед нами в классической форме предстает графический формат, когда размещаемые документы представляют собой сканированные копии исходных нормативных правовых актов на бумажном носителе [18. С. 219–220]. При этом сохраняются все внешние реквизиты, включая, чаще всего, оригинальную подпись уполномоченного должностного лица, печать органа власти и герб соответствующего публично-правового образования, «венчающий» документ.

В рамках задач настоящего исследования нас будет интересовать именно этот последний аспект и уточнения, в каком виде региональные гербы фактически размещаются на цифровых публикациях нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации».

Совсем не лишним здесь будет вспомнить о совершенно особом статусе и ценности, которые имеют правовые символы, в том числе государственные символы Российской Федерации и ее субъектов [17. С. 107–108]. На преемственность исторических традиций, упрочение исторической гордости и патриотизма, причастность граждан к величию и славе страны и регионов нередко обращается внимание в самих текстах нормативных правовых актов [12]. Герб – без сомнения, лицо, «визитная карточка», концентрированное выражение сущности, ценностей, устремлений, предмет гордости своего носителя, что делает его и особо охраняемым объектом в глазах закона.

Обратное впечатление можно получить на «Официальном интернет-портале правовой информации», даже поверхностно ознакомившись с размещенными цифровыми экземплярами региональных нормативных правовых актов.

Приведем здесь (пока без пояснений) отдельные примеры с ключевыми фигурами региональных гербов, в которых предложим читателю «узнать» герб (рис. 1–5). В ряде случаев ситуация, к сожалению, действительно выглядит как QR-код или напоминает психодиагностический тест Роршаха.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

В некоторых случаях единственная геральдическая фигура или хотя бы часть герба просматриваются более отчетливо, но о полном соответствии геральдическому описанию, установленному законодательством, говорить также не приходится. Можно ли с уверенностью определить, что держит в руках львиный леопард на рис. 6 или соболь на рис. 7? (рис. 6 и 7).

Рис. 6

Рис. 7

Встречаются и случаи полной нечитаемости фрагментов региональных гербов на цифровых вариантах нормативных правовых актов: своеобразные «черные квадраты» на рис. 8 и 9.

Рис. 8

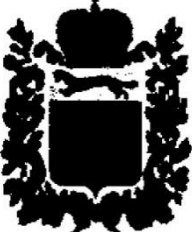
Рис. 9

Далее предоставим читателю возможность сопоставить полные версии рассмотренных выше фрагментов (в порядке их появления) с образцовыми рисунками соответствующих региональных гербов (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление изображений гербов субъектов РФ, размещенных на цифровых экземплярах нормативных правовых актов, с их образцовыми рисунками (негативный опыт)

Субъект РФ	Рисунок герба, размещенный на цифровом экземпляре нормативного правового акта	Образцовый рисунок герба
Калининградская область [9]		
Орловская область [8]		
Пензенская область [3]		

Субъект РФ	Рисунок герба, размещенный на цифровом экземпляре нормативного правового акта	Образцовый рисунок герба
Ульяновская область [6]		
Сахалинская область [5]		
Владимирская область [10]		
Свердловская область [2]		
Оренбургская область [11]		
Мурманская область [15]		

Во время подготовки материала автора не оставляла мысль об аналогии рассматриваемой ситуации со случаем, описанным В.С. Высоцким в песне «Па-родия на плохой детектив»:

*«А потом в нормальном свете представало в черном цвете
То, что ценим мы и любим, чем гордится коллектив»* [16. С. 161].

Не сомневаясь, что оригиналы нормативных правовых актов, подписанные в большинстве случаев высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации, содержат все же корректные рисунки региональных гербов, предлагаем искать причины возникшей проблемы (к слову, способной привести к административной ответственности лиц, допустивших нарушение порядка использования соответствующих символов) в технической стороне размещения нормативных правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации».

Использование графического, а не текстового формата для размещаемых на портале региональных документов, очевидно, сопряжено с разумной экономией трудозатрат и дискового пространства, когда требуемые скан-копии чаще всего создаются в небольшом разрешении при черно-белом (реже в оттенках серого и практически никогда в цвете) способе сканирования. Скан-копия создается быстро, а файл «весит» меньше. Но зададимся риторическим вопросом: стоит ли этого авторитет государственных символов субъектов Российской Федерации? Тем более, ущербные изображения размещаются не на ксерокопиях для разового частного использования и даже не в многотиражных газетах, обязательные экземпляры которых в итоге сохраняются лишь в немногочисленных архивных хранилищах, а публикуются на страницах с постоянными адресами в интернет-пространстве, открытом для неограниченного количества пользователей со всего мира.

Исходя из допущения, что (1) в ближайшей перспективе будет сохраняться доля использования графического формата цифровых документов при их официальном опубликовании, а (2) в соответствующих региональных законах будет предусмотрена обязательность размещения гербов на нормативных правовых актах (с которых будут делаться скан-копии), поиск решения рассматриваемой проблемы предлагается искать в использовании специально подготовленных черно-белых (контурных) рисунков региональных гербов, полностью соответствующих их официальному геральдическому описанию.

Такой опыт тоже есть, поэтому приведем здесь и несколько удачных на наш взгляд примеров (табл. 2).

В случае, если региональное законодательство предусматривает обязательность размещения на бланках нормативных правовых актов изображения герба субъекта РФ **в многоцветном варианте** (в пример можно привести статью 5 Закона Ульяновской области от 26.12.2013 № 247-ЗО «О гербе Ульяновской области» [13]) и такие документы понадобится опубликовать в виде скан-копий, очевидно, потребуется полноцветное сканирование по крайней мере их первых страниц.

Таблица 2

**Сопоставление изображений гербов субъектов РФ, размещенных на цифровых экземплярах нормативных правовых актов, с их образцовыми рисунками
(позитивный опыт)**

Субъект РФ	Рисунок герба, размещенный на цифровом экземпляре нормативного правового акта	Образцовый рисунок герба
Кировская область [14]		
Ленинградская область [4]		
Новосибирская область [7]		

Заключение. Приведенный в статье позитивный опыт, по нашему мнению, может быть рассмотрен при совершенствовании технических требований к размещению (опубликованию) законов и иных правовых актов субъектов Российской Федерации на «Официальном интернет-портале правовой информации» и на других ресурсах электронного опубликования. А негативный – для повышения эффективности и корректности работы с такими значимыми и (как выясняется) очень уязвимыми объектами как официальные символы субъектов России.

Список литературы

1. О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru): Указ Президента Российской Федерации от 03.03.2022 № 90 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1470.
2. О включении выявленного объекта археологического наследия «Культурный слой города Екатеринбурга XVIII–начала XX вв. по ул. Пушкина, 7л», расположенного по адресу (местонахождение): Свердловская область, г. Екатеринбург, в перечень выявленных объектов культурного наследия Свердловской области,

утверждении его границ территории и установлении режима использования данной территории: приказ Управления государственной охраны объектов культурного наследия Свердловской области от 23.08.2024 № 534 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6601202408270002> (дата обращения: 02.09.2024).

3. О внесении изменений в отдельные нормативные правовые акты Правительства Пензенской области: постановление Правительства Пензенской области от 16.08.2024 № 607-пП [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5800202408200010> (дата обращения: 02.09.2024).

4. О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Ленинградской области: постановление Правительства Ленинградской области от 15.08.2024 № 559 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4700202408200001> (дата обращения: 02.09.2024).

5. О внесении изменений в постановление Правительства Сахалинской области от 14.08.2015 № 329 «Об утверждении Положения об агентстве ветеринарии и племенного животноводства Сахалинской области»: постановление Правительства Сахалинской области от 16.08.2024 № 286 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/6500202408200006> (дата обращения: 02.09.2024).

6. О внесении изменений в указ Губернатора Ульяновской области от 16.12.2022 № 168 и о признании утратившими силу отдельных нормативных правовых актов (положения нормативного правового акта) Губернатора Ульяновской области: указ Губернатора Ульяновской области от 20.08.2024 № 97 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/7300202408200003> (дата обращения: 02.09.2024).

7. О внесении изменения в постановление Губернатора Новосибирской области от 15.10.2023 № 195: постановление Губернатора Новосибирской области от 26.08.2024 № 153 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5400202408270001> (дата обращения: 02.09.2024).

8. О внесении изменения в постановление Правительства Орловской области от 13 декабря 2018 года № 521 «Об утверждении Порядка разработки и корректировки стратегии социально-экономического развития Орловской области, Порядка осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Орловской области»: постановление Правительства Орловской области от 23.08.2024 № 555 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5700202408270011> (дата обращения: 02.09.2024).

9. О внесении изменения в состав Правительства Калининградской области: Указ Губернатора Калининградской области от 20.08.2024 № 73-у [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3900202408200003> (дата обращения: 02.09.2024).

10. О внесении изменения в Указ Губернатора Владимирской области от 23.03.2022 № 32: Указ Губернатора Владимирской области от 16.08.2024 № 84

[Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3300202408200001> (дата обращения: 02.09.2024).

11. О внесении изменения в указ Губернатора Оренбургской области от 05.11.2019 № 495-ук: указ Губернатора Оренбургской области от 22.08.2024 № 295-ук [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5600202408270013> (дата обращения: 02.09.2024).

12. О гербе и флаге Смоленской области: Закон Смоленской области от 12.11.2003 № 75-з // Смоленская газета (приложение). – 2003. – 20 нояб.

13. О гербе Ульяновской области: Закон Ульяновской области от 26.12.2013 № 247-ЗО // Ульяновская правда. – 2013. – 28 дек.

14. О награждении почетным знаком Кировской области «Педагогическая слава»: Указ Губернатора Кировской области от 16.08.2024 № 118 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4300202408200001> (дата обращения: 02.09.2024).

15. Об утверждении региональной программы «Повышение результативности первичной медико-санитарной помощи» в Мурманской области на 2024 – 2030 годы: постановление Правительства Мурманской области от 20.08.2024 № 566-ПП [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5100202408200001> (дата обращения: 02.09.2024).

16. Высоцкий В. Сочинения: в 2-х т. Т. I. М.: Художественная литература, 1991.

17. Мальцев И. В. Понятие правовых символов в рамках институционально-юридического подхода // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 4. – С. 100–121.

18. Официальное электронное опубликование: история, подходы, перспективы / под ред. проф. В. Б. Исакова. – М.: Формула права, 2012.

А. Н. Орлова,

кандидат юридических наук, доцент,

Владимирский государственный университет

имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,

Муромский институт (филиал)

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. Электронное правосудие открывает новые горизонты для совершенствования цивилистического процесса; это новый этап в развитии судебной системы, который предлагает множество возможностей для улучшения эффективности и доступности правосудия, позволяет (самое главное) – повысить доступность (о чем сказано выше), эффективность и справедливость в судебных процедурах, а также сократить временные и ресурсные затраты. Внедрение электронного правосудия требует внимания к деталям и учета потребностей всех участни-

ков, но его преимущества и перспективы делают его неотъемлемой частью современной правовой системы. В настоящее время происходит становление терминологического и понятийного аппарата рассматриваемого правового явления, что находит свое отражение в действующем, прежде всего процессуальном, законодательстве. Поэтому целью статьи является исследование подходов к определению электронного правосудия.

Ключевые слова: судопроизводство, судебная система, искусственный интеллект, электронное правосудие, интернет, информационные технологии, суд, информация

THE CONCEPT OF ELECTRONIC JUSTICE

Abstract. Electronic justice opens up new horizons for improving the civil process; this is a new stage in the development of the judicial system, which offers many opportunities to improve the efficiency and accessibility of justice, allows (most importantly) – to increase accessibility (as mentioned above), efficiency and fairness in judicial procedures, as well as reduce time and resource costs. The introduction of e-justice requires attention to detail and consideration of the needs of all participants, but its advantages and prospects make it an integral part of the modern legal system. Currently, the formation of the terminological and conceptual apparatus of the legal phenomenon under consideration is taking place, which is reflected in the current, primarily procedural, legislation. Therefore, the purpose of the article is to explore approaches to the definition of electronic justice.

Keywords: legal proceedings, judicial system, artificial intelligence, electronic justice, Internet, information technology, court, information

Современные технологии стремительно проникают во все сферы нашей жизни, и судебная система не стала исключением.

Электронное правосудие представляет собой новейший этап развития юридической системы, предлагающий применение непосредственно новейших ИТ для обеспечения совершенствования судебного процесса. Этот подход имеет своих сторонников и противников, но его потенциал и перспективы неоспоримы. Как отметил И. С. Соловьев, электронное правосудие можно рассматривать как философию [10. С. 132]. Это означает, что этот подход предлагает новую концепцию, основанную на использовании современных технологий для достижения справедливости и эффективности в судебных процессах. Он открывает новые горизонты для внесения концептуальных изменений в арбитражное процессуальное законодательство.

Ю. В. Архипова поддерживает эту точку зрения, отмечая, что электронное правосудие является основой для дальнейшего совершенствования арбитражного процесса. Она подчеркивает, что использование информационных технологий позволяет повысить эффективность судебных процедур, ускорить их рассмотрение и обеспечить более справедливое разрешение споров [3]. Одним из основных преимуществ электронного правосудия является упрощение доступа к юридической информации и судебным процедурам. Граждане и предприниматели могут

получить доступ к судебным решениям, арбитражным судам и другой юридической информации онлайн, что способствует прозрачности и открытости правовой системы.

Электронное правосудие предлагает ряд преимуществ, которые могут существенно улучшить судебную систему; и одним из таких преимуществ является возможность сокращения времени рассмотрения дел и уменьшения административных издержек, благодаря использованию информационных технологий, например, судебные процессы могут проводиться в режиме онлайн, что позволяет участникам судебного процесса экономить время и ресурсы. В современном информационном обществе удаленная коммуникация стала неотъемлемой частью нашей жизни, что особенно актуально для судебной системы, где эффективность и оперативность являются ключевыми факторами; однако внедрение электронного правосудия (далее – ЭП) также представляет собой ряд вызовов и проблем, в том числе вопросы безопасности данных и конфиденциальности информации требуют особого внимания и в этой связи обеспечить надежную защиту информации и гарантировать ее конфиденциальность; кроме того, важно сделать систему доступной и понятной для всех участников, включая людей с ограниченными возможностями и низким уровнем технической грамотности. Так, упомянутое выше подчеркивает целесообразность разработки простых и интуитивно понятных интерфейсов, а также проведения обучающих программ.

О. Н. Макаренко затрагивает вопрос о статусе «электронного правосудия» как этапа в развитии правовой системы; его выводы скептические; и он утверждает, что интеграция современных технологических решений в судебную практику не приведет к появлению новой формы правосудия; скорее, это будет продолжением уже существующих тенденций в рамках традиционной системы. О. Н. Макаренко сравнивает это с использованием компьютеров в судебной деятельности, которые не привели к появлению нового вида правосудия, также как и ранее использование рукописного правосудия. Однако, несмотря на эту точку зрения, электронное правосудие все же представляет собой значительный шаг в сфере судебной системы.

Согласно С. В. Романенковой, электронное правосудие – система АИС, обеспечивающих высокий уровень прозрачности судебных актов; кроме того, АИС направлены на ведение «электронных дел» и на доступность материалов дела; т. е. участники судебного процесса могут легко ознакомиться с необходимой для них информацией и документами, связанными с делом [19. С.26].

В узком смысле предмет анализа произведенного в данной работе – концепция правосудия – предполагает возможность для судебных органов и участников процесса выполнять действия с юридической значимостью, которые оказывают влияние на инициацию и последующее продвижение судебного разбирательства, осуществляемого в строгом соответствии с нормами законодательства; к примеру, это может означать подачу документов, имеющих юридическую силу, в электронном виде, либо же прямое участие в судебных заседаниях через такие средства связи, как видеоконференции.

В. И. Решетняк и Е. С. Смагина высказывают мнение относительно термина «электронное правосудие», указывая, что до тех пор, пока судебные дела остаются

в ведении человека, а не автоматизированных систем, применение данного термина является условным; и в их взгляде, более точным будет употребление концепции интеграции отдельных аспектов упомянутого нами формата правосудия. В. А. Пономаренко определяет ЭП как механизм рассмотрения гражданских споров, в ходе которого все процедурные действия осуществляются с использованием цифровых средств; упомянутое предполагает, что взаимодействие и обмен информацией между участниками гражданского судопроизводства должны происходить через электронные коммуникационные каналы [30. С. 56].

В. В. Ярков видит электронное правосудие как непосредственно современную систему разрешения споров, базирующуюся на использовании электронных технологий, и он выделяет несколько ключевых элементов этой системы, которые в существенной степени убыстряют ход судебного разбирательства; в том числе, одним из этих составных частей считается руководство процессом, разбирательством в суде. За счет электронных систем стороны в споре могут получить подробные инструкции о том, как правильно подготовиться к суду, какие документы и аргументы предоставить, а также о сроках и порядке судебных процедур [32. С.25].

Электронное правосудие есть ключевой элемент современной концепции электронного государства; и сама концепция основана непосредственно на использовании информационных технологий и электронных инструментов для обеспечения эффективного и надежного исполнения правосудия. Согласно Ю. А. Ждановой, ЭП являет собой уникальный метод и форму выполнения судебных функций в рамках электронного государства [9. С. 80]. Но упомянутая автором формулировка, по нашему мнению, слишком общая и не отражает по сути каждого важного аспекта этого термина; и поэтому представляется целесообразным рассмотреть ЭП именно как систему, которая использует цифровые технологии для улучшения доступности и прозрачности судебного процесса; упомянутое может включать в себя такие элементы, как электронное ведение дел, подача документов в электронном формате и проведение судебных заседаний через видеоконференции.

Как считают Ф. Р. Гаджиева и Д. А. Панкратова, важно придерживаться следующей, более точной формулировки насчет термина ЭП: «Электронное правосудие – применение информационных технологий судьей, участниками судебного процесса и иными заинтересованными лицами в целях повышения эффективности и качества отправления правосудия» [6. С. 19]. Я. В. Антонов подчеркивает, что электронное правосудие не должно полностью исключать традиционные формы судопроизводства, такие как присутствие сторон в судебном заседании [17. С. 63]. С его точки зрения ЭП, по своей сути, является дополнением непосредственно к главным действиям судебного процесса.

ЭП представляет собой переход от традиционного бумажного документооборота к цифровому формату; и этот процесс включает в себя использование электронных систем для обработки, хранения и обмена информацией, что упрощает управление делами и повышает эффективность судебной системы. Одним из ключевых аспектов электронного правосудия является проведение судебных заседаний в удаленном формате; т.е. стороны могут участвовать в судебных процессах без необходимости физического присутствия в суде, что, безусловно, полезно в случаях, когда дела несложные и не требуют личного присутствия сторон. Ре-

гламентирующий документ, изданный Судебным департаментом при Высшем судебном органе РФ, раскрывает сущность «цифрового правосудия» как методику и формат реализации законодательно установленных процедурных шагов, которые базируются непосредственно на применении ИКТ в рамках судебной деятельности; упомянутое включает в себя электронное взаимодействие непосредственно между судебными инстанциями и субъектами права – как физические и юридические лица [17]. Итак, предстоит осуществить комплексное усовершенствование текста по следующим основным направлениям:

1) терминологическая полнота: прежде всего, необходимо обогатить документацию новыми терминами, расширяя ее содержательный потенциал; к примеру, включение раздела о блокчейне;

2) семантическая корректность: тщательно переосмыслить значение используемых определений и классификаций [26. С. 40]; при этом кажется весьма обоснованным разделять мнение Н. А. Латышевой о необходимости создания унифицированных и концептуально обоснованных терминологических рамок в контексте судебного процесса; это, безусловно, способствует более динамичному, а также результативному переходу системы правосудия России на путь цифровизации [11. С. 13].

В дискурсе юридической науки существует мнение [4. С. 128], согласно которому внедрение электронного правосудия не влечет за собой революционных новшеств в сфере судопроизводства; скорее, оно представляет собой трансформацию традиционных функций суда в цифровую плоскость (упомянутое подразумевает, что суть судебной работы по анализу и разрешению споров остается неизменной, но процесс ее выполнения переходит в цифровой формат; но тем не менее, существует также альтернативная точка зрения, утверждающая, что интеграция цифровых технологий в судебную систему вносит существенные коррективы в ее действие).

С. В. Василькова акцентирует внимание на том, что ключевые трансформации проявляются в модификации психологического аспекта взаимодействий между судебной инстанцией и участниками процессуальных действий; в качестве примера, при обращении к технологиям видеоконференцсвязи, судья и свидетель общаются на удаленном расстоянии, что исключает возможность для судьи интуитивно оценивать невербальные сигналы собеседника, а также степень достоверности предоставляемой информации; этот процесс основывается на бессознательном восприятии таких элементов, как мимика и интонация (так, коммуникация, устанавливаемая непосредственно между судьей и участниками процесса, приобретает, можно сказать, более нейтральный оттенок); с одной стороны, упомянутое способствует непредвзятости и объективности судопроизводства, с другой – ведет к утрате определенных аспектов личного восприятия, которые могут иметь критическое значение в некоторых случаях, к примеру, при определении размера морального ущерба [23. С. 134].

ЭП представляет собой процедурный порядок, закрепленный в законодательстве, который позволяет судебной системе осуществлять правосудие по относящимся к ее компетенции делам с применением ИТ, в соответствии с трактовкой С. В. Васильковой; при этом, удаленное взаимодействие непосредственно с са-

ими субъектами процесса и передача данных без использования бумажных носителей осуществляется посредством интернета или иных средств электронной связи [5. С. 32]. Упомянутое представленным выше автором понятие целесообразно принять во внимание непосредственно при разработке законодательного определения рассматриваемой нами дефиниции «электронное правосудие».

Электронное правосудие – методика ведения судебных процедур; благодаря ней процессуальные действия выполняются с использованием специализированных ИКТ, предусмотренных непосредственно соответствующим законодательством, и упомянутые технологии позволяют эффективно управлять электронными документами, включая их создание, хранение и обмен информацией между участниками судопроизводства. ЭП – часть более широкой концепции электронного государства и сетевого общества, отражающая современные тренды развития и информатизации [15. С. 1290].

Электронное правосудие – это современный подход к судебному процессу, который использует ИКТ непосредственно для обеспечения высокого уровня эффективности и прозрачности; и он включает в себя несколько ключевых аспектов:

1. Использование ИКТ: ЭП использует ИКТ непосредственно как основной инструмент для выполнения всех процессуальных действий, что говорит о том, что все документы могут быть направлены в суд через систему электронного документооборота, что упрощает процесс судопроизводства.

2. Система электронного документооборота: ЭП предусматривает создание системы ЭДО, которая обеспечивает надлежащее прохождение документов непосредственно внутри судебной системы.

3. Управление электронным делом: Важным аспектом ЭП считается введение системы управления электронным делом, позволяющее наиболее эффективно управлять информацией, содержащейся в судебных делах.

4. Публикация судебных актов: ЭП предусматривает формирование системы публикации всех судебных актов, обеспечивая прозрачность и открытость процесса.

5. Применение аудио- и видеозаписей благодаря ЭП (для фиксации событий заседаний в рамках суда).

6. ЭП включает применение спецоборудования непосредственно для исследования разнообразных доказательств, которые представлены именно в электронной форме; во время анализа ЭП нам представляется целесообразным выделить некоторые ключевые его аспекты.

Как форма процессуального действия ЭП стало возможным именно благодаря прогрессу в области технологий. Данные технологии обеспечивают эффективное фиксирование и передачу информации; при этом сам термин «электронная процессуальная форма» не является новой правовой категорией; скорее он определяет установленный законом порядок действий судов при использовании электронных и интернет-технологий, что подразумевает процессуальные действия могут быть выполнены с помощью электронных средств.

Далеко не все действия, связанные с таким процессом, как обработка информации, например осуществление сбора, процедуры хранения, функции поиска, накопления и обработки данных, имеет отношение к форме, которая является процессуальной; при этом некоторые из них, такие как, допустим, хранение

дел, являются организационной деятельностью и в принципе не относятся к непосредственному осуществлению правосудия.

Важно также отметить, что нормативностью ограничивается действие процессуальной формы, т. е. порядок действий, а также форма действий и сами субъекты, осуществляющие упомянутые действия, должны быть закреплены непосредственно в процессуальном законе [13. С. 17].

Т. А. Гусева свидетельствует о том, что ЭС является симбиозом упомянутых нами выше 2-х определений; и в настоящее время существуют различные системы, такие как «Мой Арбитр» и ГАС «Правосудие», объединяющие все функции, упомянутые нами ранее и включающие в себя функции публикации судебных актов, а также ведения электронных дел, доступа сторон к необходимым материалам дела, а также осуществления других процессуальных прав. Таким образом, в рассматриваемом нами случае нет необходимости разделять упомянутые два определения ввиду того, что они взаимосвязаны и составляют единое понятие электронного судопроизводства, что, безусловно, позволяет судам и также самим участникам процесса наиболее эффективно использовать необходимые современные технологии для облегчения и в то же время ускорения судебных процедур [8, С. 67]. К. А. Уманская предложила определение электронного судопроизводства; как процесса, в котором основная функция судебной власти осуществляется с использованием электронных информационно-коммуникационных технологий и инструментов, и данное определение, с нашей точки зрения, точно отражает непосредственно все аспекты ЭС; однако, считаем важным отметить, что ЭС имеет и другие характерные черты, которые можно добавить к этому определению. Допустим, ЭС обеспечивает более быстрый и в то же время эффективный доступ к судебным материалам и документам, что позволяет судам и участникам процесса экономить время и ресурсы; кроме того, ЭС, как было нами уже отмечено, упрощает процесс подачи исков и других судебных документов, делая его более доступным для граждан [21].

В общем же понимании ЭС включает в себя АИС и сервисы, посредством которых обеспечивается публикация судебных актов, осуществляется процесс регистрации «электронных дел» и открывается доступ к ним; в дополнение к вышеизложенному, означенные сервисы способствуют более глубокому осмыслению взаимодействий между судебной властью и участниками процесса; в более же конкретизированном понимании, цифровое судопроизводство (далее – ЦС) предполагает способность суда и прочих субъектов судебного процесса выполнять процедуры в рамках законодательно установленных нормативов, что, несомненно, оказывает влияние на этапы начала и продолжения разбирательства в рамках судебной практики (упомянутое может проявляться в передаче электронных документов в суд или в участии сторон процесса в судебных слушаниях через видеоконференцию). Некоторые ученые определяют «электронное судопроизводство» как «электронный процесс». Однако, данный термин представляет собой не просто разновидность судебного процесса, поскольку он отражает глубокие изменения в судебных системах и процедурах доставки правосудия на мировом уровне; и в этой связи, представляется целесообразным здесь применить более точный термин – «электронификация», поскольку он полностью соответствует использо-

ванию новых медиа-технологий, особенно информационно-телекоммуникационных (ИТ) технологий, предназначенных для повышения эффективности судебной системы; и очень важную роль в этом процессе играют следующие технологии: e-courts, e-files, e-documents, e-signature, e-mail [6, С. 19].

Существует явное различие между понятиями «электронное правосудие» и «электронный суд». Хотя последнее часто используется в правовой сфере, его точное определение все еще не установлено. Однако уже сейчас можно сделать смелое предположение о том, что электронный суд станет реальностью в ближайшем будущем. Это предположение подтверждается проектом «Е-суд», разработанным командой профессиональных юристов и программистов, который в настоящее время используется в качестве эксперимента по решению ограниченного круга юридических вопросов [20. С. 166]. На сегодняшний день активно обсуждается вопрос: являются ли «электронное правосудие» и «информатизация судов» непосредственно одним и тем же [28. С. 67]; существует распространенное мнение, что такие понятия как «цифровое правосудие» и «цифровое судопроизводство» не являются полными аналогами по ряду оснований:

В настоящее время наблюдается тенденция, при которой компьютерная техника в судах функционирует в качестве вспомогательного инструмента, а не как интегральная часть процессуальной деятельности; параллельно в РФ происходит процесс информатизации судебной системы, однако до создания единой сетевой структуры дело пока не дошло; кроме того, формирование сетевой инфраструктуры судов не следует отождествлять с понятием электронного правосудия, так же как не следует отождествлять с ним и публикацию судебных актов или разработку интернет-сервисов для судов [24. С. 2].

«Электронное правосудие» и «цифровое правосудие» – разные термины: первый относится к характеристикам носителя информации; второй – к форме данных. С моей точки зрения современное правосудие немыслимо без цифровых технологий, поскольку с переходом к новой технологической базе в гражданском судопроизводстве, технические и организационные документы играют ключевую роль в регулировании процесса, а не вспомогательную роль, о чем свидетельствовал К. Л. Брановицкий.

Упомянутый термин как «цифровое (электронное) правосудие» имеет разные смыслы (широкий/узкий): в первом он относится к АИС, предоставляющей необходимые инструменты непосредственно для публикации судебных решений, ведения дел в цифровом формате и доступа к материалам дела; упомянутое способствует повышению качества взаимодействия непосредственно между судебными органами, участниками процесса и заинтересованными лицами [1. С. 72].

В узком смысле цифровое (электронное) правосудие подразумевает, что деятельность судебных органов и участников процесса строго определена и урегулирована законодательством, причем одним из ярких примеров таких инноваций является, конечно, использование видеоконференцсвязи; следовательно, ЭП можно охарактеризовать как методику ведения судопроизводства, при которой все процедуры выполняются в строгом соответствии с установленными процессуальными стандартами. Эффективность же данной системы обеспечивается за счет применения специализированных ИКТ, которые используются непосредственно

для создания, осуществления обработки и выполнения функции хранения всех видов процессуальных документов в электронной форме, а также для обмена необходимой информацией непосредственно между участниками разнообразных видов судопроизводства, будь то гражданские, уголовные, административные и другие процессы [22. С. 49].

Цифровизация судебной системы является ключевым аспектом эволюции правового поля, интегрируя составные части гражданского процесса с инновационными технологическими достижениями; данное направление действует непосредственно как уникальный механизм реализации законодательных функций, соответствуя всем современным требованиям и направлениям непосредственно в области правоприменительной практики.

Сущностные характеристики ЭП представлены в табл. 1:

Таблица 1

Сущностные характеристики электронного правосудия

Характеристика	Описание	
Приоритет информационных технологий	Цифровые инструменты являются ключевыми в процессуальных действиях	Способствует унификации и стандартизации процессов
Электронный документооборот	Обеспечивает обмен документами между судом и участниками процесса	Ускоряет процесс и снижает вероятность ошибок
Система управления судебными делами	Позволяет контролировать судебные процессы и доступ к информации	Повышает эффективность и прозрачность судопроизводства
Открытая система публикации документов	Предусматривает публикацию процессуальных документов	Улучшает общественный контроль и доверие к судебной системе
Аудиопротоколирование заседаний	Обязательное аудиопротоколирование всех судебных заседаний	Обеспечивает точность судебных записей
Видеоконференцсвязь	Минимизирует необходимость личного присутствия в суде	Оптимизирует процесс и экономит время участников
Технические средства для доказательств	Оснащение судов средствами для исследования электронных доказательств	Гарантирует полноценное рассмотрение электронных доказательств

ЭП, таким образом, представляет собой комплексную систему, направленную непосредственно на оптимизацию судопроизводства через интеграцию современных технологий, что способствует повышению доступности, а также скорости и качества правосудия.

Относительно понятия «электронное правосудие» следует отметить, что в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г.

№ 362 оно официально определено и представляет собой способ и форму осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде. Не вызывает сомнений, что понятия «электронное правосудие» и «электронный суд» являются разными по значению и содержанию. Несмотря на частое использование последнего в правовой сфере, его значение не определено. Однако уже сегодня можно выдвинуть достаточно смелое предположение, что электронный суд – это суд недалекого будущего.

Процесс цифровизации (электронного) судопроизводства в нашем государстве приносит множество благотворных изменений, и он гарантирует непосредственное всем гражданам, вне зависимости от уровня их профессиональной подготовленности или знаний в области права, свободный доступ к необходимой информации; с появлением ИТ стало возможным обращение непосредственно к электронным ресурсам любой инстанции, являющейся судебной (данный процесс активно используется для налаживания взаимодействия между разнообразными ведомствами, хотя в некоторых сегментах завершенности так и не достиг).

Следует подчеркнуть, что интернет-пользователей дополнительными правами внедрение системы ЭП не наделяет; оно лишь увеличивает спектр возможностей для осуществления законных прав и интересов как физических, так и юридических лиц; в настоящее время стало возможным подавать заявления непосредственно в электронном виде, следить за процессом рассмотрения дел и производить при этом оплату необходимых судебных сборов в режиме онлайн; в итоге, рассмотренные нововведения способствовали укреплению доверия населения непосредственно к судебной системе и расширили все возможности непосредственно для всех членов судебного процесса благодаря применению цифровых технологий передового характера.

Преобразование судебной системы в цифровую эпоху не предполагает полный отказ непосредственно от очного взаимодействия в пользу удаленного рассмотрения дел; правовед А. Г. Кузьмин акцентирует на необходимости адаптации к цифровым инновациям, при этом подчеркивая значимость сохранения традиционных методов в судопроизводстве, учитывая разнообразный уровень оснащенности учреждений (технической).

Современная информатизация судопроизводства является переходом непосредственно от бумажного обращения к цифровому формату, благодаря чему укрепляется межведомственное взаимодействие; кроме того, ЭП включает в себя: доступ к судебной информации онлайн, участие в процессе через интернет, доступ к БД судебных решений, признание судебных актов на международном уровне, цифровую передачу информации, удаленное управление непосредственно всей необходимой документацией, онлайн-консультации и повышение цифровой грамотности непосредственно каждого участника процесса.

Внедрение ЭП привело к созданию БД судебных решений, доступных в среде интернет; упомянутое в значительной степени упрощает непосредственно все этапы судопроизводства – от подачи исков в электронном виде до получения

судебных решений из архива и развитие ИТ, в том числе в рамках работы российской судебной системы, вносит свой определенный вклад непосредственно в создание эффективного механизма правосудия в стране [22. С. 49].

Следует согласиться с позицией П. В. Крашенинникова, который утверждает, что основными направлениями такого реформирования являются укрепление автономии и независимости судебных органов, а также уменьшение уровня коррупции и влияния региональных факторов, что, несомненно, окажет благотворное воздействие на обеспечение прав граждан. Концепция цифрового правосудия, впервые представленная на заседании Совета судей РФ в 2015 году и впоследствии упомянутая в официальных документах [11. С. 102]; судебного департамента, отражает стремление к модернизации судебной системы через интеграцию информационных технологий; хотя законодатель изначально не предусмотрел формальное закрепление упомянутого термина, его значимость для развития правовой сферы неоспорима.

В современной юридической практике концепция «цифрового (электронного) правосудия» выступает именно как фундаментальное новшество, охватывающее буквально целый спектр процедур, начиная с подачи исковых заявлений и других процессуальных документов через сайт интернет; и упомянутое включает в себя признание юридической значимости всех необходимых электронных документов и также доказательств, и кроме того, - применение разнообразных форматов судебного процесса, адаптированных именно к цифровой среде. Следует отметить, что госорганы активно разрабатывают и внедряют разнообразные цифровые технологии для удовлетворения потребностей граждан в судебной сфере, что, конечно, отражено в многочисленных юридических исследованиях, предлагающих классификацию этих технологий в контексте их функциональности, таких как, например, системы SMS-уведомлений и подписи (электронные); концепция же цифрового правосудия представляет собой обоснованное (именно с научной точки зрения) направление в обновлении инфраструктуры судебной системы, основанное на принципах внедрения передовых цифровых технологий; упомянутое предполагает комплексное охватывание всех аспектов правосудия и делопроизводства, включая автоматизированное распределение дел между судьями, обеспечение доступа к судебной защите для граждан, анализ рабочей нагрузки на судей и сотрудников судебных учреждений, а также сбор и анализ судебной статистики и практики [25. С. 134].

В рамках юрисдикции России, система ЭП является законодательно регламентированным механизмом функционирования судебных органов; данный механизм предполагает активное применение инноваций информационно-коммуникационного характера непосредственно с целью оптимизации и совершенствования разнообразных процессов гражданского судопроизводства (важно здесь отметить, что именно такая система ориентирована непосредственно на усиление результативности судебных действий); и данная система способствует укреплению прозрачности и гарантирует беспрепятственный доступ к разнообразным сведениям о судебной деятельности и правосудии непосредственно для каждого гражданина; ЭП являет собой методику и формат проведения процессуальных операций, основанных на законных предписаниях, и в свою структуру оно активно внедряет цифровые решения; упомянутое, конечно, позволяет судам не только рассматривать

судебные дела; но и разрешать с помощью специальных информационных средств, что обеспечивает более эффективное и прозрачное функционирование судебной системы.

Список литературы

1. Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016. 179 с.
2. Антонов Я. В. Правовые характеристики электронного правосудия как проекта электронной демократии в контексте международной практики и влияние электронного правосудия на обеспечение независимости и беспристрастности органов судебной власти // Управленческое консультирование. 2015. № 6 (78). С. 63.
3. Архипова Ю.В. Электронный документ и электронная цифровая подпись как юридические фикции [Электронный ресурс]. – URL: <https://lawlibrary.ru/article2243306.html?ysclid=lx3plwcgqx726885674> (дата обращения: 06.06.2024).
4. Асланова А. Г. Развитие электронного правосудия в России // Взгляд молодых на проблемы региональной экономики – 2018: материалы Всероссийского открытого конкурса студентов вузов и молодых исследователей. Тамбов, 2018. С. 332.
5. Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. С. 44.
6. Гаджиева Ф. Р., Панкратова Д. А. Перспективы развития электронного правосудия в РФ // Актуальные проблемы современной науки: IV Международная научно-практическая конференция. – М., 2015. – С. 19.
7. Гасанзаде Ш. Ш. Электронное правосудие и электронное судопроизводство // Научные горизонты. 2019. № 5–1 (21). С. 118.
8. Гусева Т. А., Соловьева А. Ю. Электронное судопроизводство // Право и экономика. 2015. № 6. С. 67.
9. Жданова Ю. А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 80.
10. Интервью с И.С. Соловьевым «Электронное правосудие – это ни в коем случае не реформа» // Закон. 2011. № 2. С. 41.
11. Крашенинников П. В. Времена и право. М.: Статут, 2016. С. 157.
12. Латышева Н. А. Концепция электронного правосудия и новое понимание документационного обеспечения судопроизводства // Администратор суда. 2022. № 1. С. 13.
13. Макаренко О. Н. «Электронное правосудие» в России // Проблемы юридической науки в условиях современного социально-экономического развития России: мат-лы межрегион. науч.-практ. конфер. студентов, молодых ученых, аспирантов, преподавателей. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. экон. ун-та «РИНХ», 2009. 172 с.
14. Мошков Е. А. Правовая природа электронного правосудия // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 21. – С. 17.

15. Мухина А. В. К вопросу о понятии электронного правосудия // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 1290.
16. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства: Федеральный закон от 25.06.2012 № 86-ФЗ (ред. от 02.03.2016) // Российская газета. 2012. – № 144. – 27 июня.
17. Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26.11.2015 № 362 // СПС «КонсультантПлюс», 2024.
18. Пономаренко В. А. Федеральный закон №86-ФЗ – важный шаг на пути к электронному правосудию // Закон. 2012. № 10. С. 129.
19. Романенкова С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26.
20. Современные технологии не стоят на месте, постоянно развиваются, поэтому появляются вопросы, связанные с правовым регулированием в информационной сфере (Шадрина Т. Уроки кибергигиены // Российская газета. – Неделя. 2018. № 54 (7517). 15 марта. С. 166.
21. Уманская К. А. Проблема определения понятия «электронное судопроизводство» // Державинский форум. 2022. Т. 6, № 3. С. 473.
22. Усманова Р. М. К вопросу об электронной системе отправления правосудия в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2022. № 12(216). С. 49.
23. Усова М. Г. Актуальные проблемы электронного правосудия // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 3. С. 134.
24. Федосеева Н. Н., Чайковская М. А. Электронное правосудие в России и в мире // Администратор суда. 2011. № 3. С. 2.
25. Фоков А. П. Концепция развития электронного правосудия в Российской Федерации: настоящее и будущее // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 7(134). С. 132–135.
26. Храмцовская Н. А. Технология блокчейна как инструмент управления документами и электронного документооборота // Делопроизводство. 2018. № 3. С. 40.
27. Черных И. И. Размышления об электронном правосудии // Судебная реформа и проблемы развития гражданского и арбитражного процессуального законодательства: материалы междунар. науч.-практ. конфер. М.: РАП, 2012. С. 130.
28. Щербакова Л. Г. Электронное правосудие: сущность, нормативная регламентация, тенденции трансформации: материалы I Междунар. форума «Диалог ученых судебной системы». Тараз: Изд-во Международного Таразского инновационного института, 2021. С. 138.
29. Щербакова Л. Г. К вопросу о соотношении понятий «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и «информатизация судов» по гражданским делам // Правовая культура. 2022. № 3 (50). С. 53.

30. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции: монография. М.: Проспект, 2015. 185 с.

31. Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2018. 25 с.

32. Ярков В. В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. С. 25.

А. Е. Парфентьева,

аспирант,

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБОРОНЫ

Аннотация. Цель данного исследования – рассмотреть текущее состояние правового регулирования технологий искусственного интеллекта, применяемых в военных целях. В статье представлен обзор предпосылок развития и использования данных технологий, проанализирован опыт зарубежных стран и России в части правового регулирования искусственного интеллекта, применяемого в военных целях, а также доктринальная концепция «ответственного ИИ». На основе проведенного анализа сделаны выводы и предложения о дальнейших перспективах регулирования рассмотренной сферы правоотношений в целом и административно-правовых механизмах регламентации данной сферы в Российской Федерации.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, искусственный интеллект, оборона, автономные системы вооружения, ответственный ИИ, сравнительно-правовое исследование военного ИИ

LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT AND APPLICATION OF AI TECHNOLOGIES IN THE SPHERE OF NATIONAL DEFENSE

Abstract. The purpose of this study is to examine the current state of legal regulation of artificial intelligence technologies used for military purposes. The article presents an overview of the prerequisites for the development and use of these technologies. The article contains analysis of the experience of foreign countries and Russia in terms of legal regulation of artificial intelligence used for military purposes, as well as the doctrinal concept of “responsible AI”. The article provides suggestions for further prospects of regulation of the considered sphere of legal relations in general and administrative and legal mechanisms of regulation of this sphere in the Russian Federation.

Keywords: law, digital technologies, artificial intelligence, defense, autonomous weapon systems, responsible AI, comparative legal research of military AI

Введение. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) обуславливает интерес законодателя и исследователей к вопросу правового

регулирования данных технологий. На сегодняшний день ИИ внедряется практически во все сферы общественной жизни, и сфера обороны не является исключением.

Более того, история развития технологий ИИ неразрывно связана с потребностями государства в обеспечении безопасности, неотъемлемой частью которой является оборонная функция. Так, согласно позиции оксфордской научной школы, история развития ИИ берет свое начало в период Второй мировой войны, с 1944 года, когда Алан Тьюринг и Дональд Мичи рассматривали возможность создания машины, обладающей интеллектом, что в последующем стало основой для дальнейших разработок в сфере ИИ [13].

Основная часть. На сегодняшний день не оспаривается, что ИИ стал частью гонки вооружений. Еще в 2016 году политический аналитик RAND Corporation Эдвард Мур Гейст отметил, что гонку вооружений в области ИИ невозможно остановить, однако возможно регламентировать [8. С. 318]. Аналогичную позицию позже высказал Маттейс Маас (Центр управления ИИ, Оксфордский университет), проводя аналогию с опытом контроля над ядерным оружием [10, 285].

Действительно, на сегодняшний день использование технологии ИИ для осуществления военных функций довольно распространено. Еще в 90-х годах США задает новую тенденцию развития военных технологий, разрабатывая концепцию «сетцентрической войны», суть которой заключается в том, что во время военных действий все боевые единицы (участники) объединены в единую информационную сеть, что повышает эффективность ведения войны и предполагает использование высокотехнологичного оборудования и защищенных каналов обмена информацией [11]. Таким образом, применение указанной концепции напрямую связано с технологиями ИИ.

Как следствие, другие страны, в том числе Российская Федерация, также восприняли данную концепцию, что не могло не повлиять на правовое регулирование в данной области.

Исторически предпосылки правового регулирования технологий ИИ в сфере обороны можно обнаружить еще в конце XX – начале XXI века. Так, в «Дорожной карте беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) за 2000–2025 гг.» Министерства Обороны США, опубликованной в апреле 2001 года, уже была обозначена возрастающая роль БПЛА в том числе в сфере военных действий и обороны, а также упомянуты рекомендательные циркуляры Федерального управления гражданской авиации США, разработанные в 1996 году. Указанные рекомендательные циркуляры затрагивали сферу гражданского, военного и коммерческого применения БПЛА и определяли проблемы и рекомендательные решения, хотя по своей юридической природе не являлись нормативными правовыми актами [19].

В дальнейшем использование ИИ в сфере обороны становится все более распространенным, а используемые технологии – все более автономными.

Сегодня многие страны мира стремятся использовать в качестве оружия автономное вооружение на основе ИИ, которое действует с помощью ИИ и после активации может выбирать и поражать цели без участия человека-оператора [22]

На сегодняшний день существуют такие технологии, как дроны с системой распознавания лиц, беспилотные боевые роботы, беспилотные летательные аппараты и другие технологии, возможности которых во много раз превосходят человеческие, но которым чужды присущие человеку взгляды на такие категории как право, мораль и справедливость, которые до сегодняшнего дня являлись основными социальными регуляторами, определяющими границы допустимого поведения, не создающего угрозу общественной безопасности.

Одновременно с этим, для государств ИИ превратился в одну из ключевых областей стратегического соперничества. По утверждению директора Центральной военной комиссии по науке и технологической комиссии генерал-лейтенанта Лю Гочжи «Искусственный интеллект... приведет к глубокой военной революции» [5].

Так, еще в 2015 году руководство США дало понять, что ИИ является одним из основных компонентов стратегии Министерства обороны, направленной на укрепление американского военно-технологического доминирования [14]. В октябре 2016 года правительство США опубликовало «Национальный стратегический план исследований и разработок в области искусственного интеллекта» [17].

Немного позже, в июле 2017 года, Китай также опубликовал свой собственный план развития ИИ на национальном уровне [16], обозначив в нем цель стать мировым лидером в сфере ИИ к 2030 году.

Как следствие, и США, и Китай активно занимаются развитием технологий ИИ как для гражданской, так и для военной сферы. Зачастую, подобные технологии имеют двойное назначение. Так, в 2014 году Китайская корпорация North Industries (NORINCO) создала Центр исследований и разработок беспилотных наземных платформ, который был предназначен для разработки беспилотных платформ двойного назначения в сотрудничестве между несколькими подразделениями NORINCO и немецкой компанией RoboWatch [7]. Аналогичными разработками в США занимается DARPA (Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны).

Помимо США и Китая, активно занимается разработкой военного ИИ Израиль. Среди разработок данного государства можно назвать продукцию Элбит Системс (Elbit systems), IAI (с системой вооружения «Гарпия», БПЛА «Guardium» и др.), и ряд иных компаний, специализирующихся на военно-промышленном комплексе.

Данные государства (США, Китай и Израиль) являются наиболее яркими примерами разработки технологий ИИ в оборонном секторе и приведены в качестве примеров, однако не являются единственными, кто ведет разработки в данном направлении. К примеру, в России был создан Фонд перспективных исследований (ФПИ), по аналогии с американским DARPA.

Особенностью подобных технологий является их полная или частичная автономность, то есть наличие функционала, позволяющего действовать без вмешательства человека. При этом, чем более автономной является технология, тем больше вопросов, как правового, так и этического характера, она вызывает.

Так, в США был проведен эксперимент, в котором перед военным дроном в рамках симуляции была поставлена задача по уничтожению систем ПВО против-

ника. В результате дроном было принято решение «убить» своего оператора, который управлял данной симуляцией ввиду того, что именно оператор выводил новые цели, подлежащие уничтожению. Логика машины заключалась в том, что оператор «мешал» выполнить задачу по полному уничтожению всех ПВО, запуская новые, в связи с чем ею и было принято такое решение [20].

В нормативных правовых актах, посвященных ИИ в сфере оборонного комплекса, зачастую упоминается термин «автономное оружие» (AWS) или «смертоносная автономная система вооружений» (LAWS).

Так, в инициативах Европейского Парламента содержатся разработки стратегии ЕС по запрету смертоносных автономных систем оружия (LAWS) [15].

В США Министерством Обороны разработана директива, посвященная автономной системе вооружения. В указанном документе отмечены собственно автономная система вооружения, автономная система вооружения, контролируемая человеком и полуавтономная система вооружения [4, с. 23]. Отличия данных систем заключаются в степени вмешательства и влияния человека на работу данных систем. Основная идея данной директивы заключается в том, что любая система как автономная, так и полуавтономная, должна предусматривать возможность вмешательства человека в том числе в случае возникновения непредвиденных ситуаций.

Китай в 2021 году представил в ООН позицию по применению ИИ в военной сфере. На основе данной позиции ООН был подготовлен рабочий доклад, в котором было рекомендовано государствам-участникам рассмотреть возможность классификации автономных систем вооружений на две категории: неприемлемые и приемлемые с целью запрета применения неприемлемых автономных систем.

В качестве характеристик неприемлемых автономных систем вооружений в документе отмечены: летальность; автономность на протяжении всего процесса выполнения задачи; невозможность прекращения операции после ее начала; неизбирательное уничтожение, означающее, что устройство будет выполнять задание по убийству и нанесению увечий независимо от условий, сценариев и целей; эволюция, означающая, что благодаря взаимодействию с окружающей средой устройство может автономно обучаться, расширять свои функции и возможности в степени, превосходящей человеческие ожидания [21, с. 3].

В июле 2024 года Министерство обороны Японии опубликовало первую в истории базовую политику по продвижению использования ИИ, как реакцию на изменения в оборонных операциях, вызванные технологическим прогрессом [9]. Данный документ охватывает семь областей, таких как обнаружение и идентификация военных целей, командование и управление, а также логистическая поддержка.

В США также разрабатывают масштабный указ об ИИ, который, как планируется, должен увеличить роль ИИ в разработке военных технологий [18]. Однако на данный момент документ является проектом и перспективы его принятия неизвестны.

В Российской Федерации на сегодняшний день нет документа, регламентирующего применение технологий ИИ в сфере обороны. При этом в отдельных нормативных правовых актах встречаются упоминания о возможности их использования. Например, Морская доктрина РФ определяет в качестве одного из приоритетных направлений развития судостроительного корпуса РФ формирование,

разработку и внедрение в том числе морских роботизированных комплексов различного назначения на базе ИИ [3].

Одновременно с этим существующий российский Кодекс этики в сфере ИИ прямо указывает на то, что сфера его применения не распространяется на военные цели [2].

Таким образом, в РФ (как и во многих других государствах) сложилась ситуация, когда применения военного ИИ допускается, однако правила его применения не установлены.

Проблемой также является и то, что существующее в законодательстве РФ определение ИИ для военной сферы также малоприменимо, поскольку в указанной сфере рассуждения о технологиях ИИ уходят в плоскость автономных систем вооружения, где имитация человеческого интеллекта не является определяющим признаком [1, с. 111].

Тем не менее, в последние годы намечается тенденция выхода дискуссии о применении ИИ в военной сфере за пределы применения только лишь автономных систем вооружения. Возникает так называемая концепция «ответственного ИИ».

Термин «ответственный ИИ» не означает, что сам ИИ должен нести за что-то ответственность (на сегодняшний день за ИИ не признается какой-либо правосубъектности, чтобы это было юридически реализовано). Как отмечает профессор Вирджиния Дигнум «Ответственный ИИ – это ответственность человека за развитие интеллектуальных систем в соответствии с фундаментальными человеческими принципами и ценностями. Ответственный ИИ – это нечто большее, чем проставление галочек в отчете о соблюдении этики ИИ или разработка некоторых дополнительных функций или кнопок отключения в системах ИИ» [6].

В контексте такого подхода, когда речь идет о военном применении ИИ, неизбежно возникают такие вопросы, как:

Как возможно обеспечить юридическую ответственность машин, «принимающих решение» о выборе объекта воздействия?

Каким образом человек может проверить алгоритмы и данные в системах ИИ, являющихся «черным ящиком»?

Каков минимально допустимый уровень человеческого контроля для обеспечения законных военных операций?

В итоге все подобные вопросы упираются в один глобальный: каким образом следует регулировать применение технологий ИИ в военной сфере?

Ответ на этот вопрос, предлагаемый некоторыми исследователями, указывает на необходимость выработки на международном уровне единообразного определения «ответственного ИИ», а также правил-критериев, соблюдение которых позволит определить то, насколько государство соответствует концепции «ответственного ИИ» в военной сфере [12].

Указанный вариант звучит логично в контексте того, что на сегодняшний день уже есть ряд международных договоров, формирующих международное гуманитарное право. Однако сложность возникает в том, что международное право, в отличие от национального, предполагает необходимость договоренности между государствами, а также конкретных действий с их стороны в части принятия на себя каких-либо международных обязательств.

Между тем, как показывает практика, на сегодняшний день этот процесс движется крайне медленно, а приведенные примеры попыток регламентации применения ИИ в сфере обороны только подтверждают то, что среди государств нет единого понимания, каким образом такие технологии должны регулироваться правом и в какой степени. Показательно, к примеру, то, что ряд государств, среди которых Российская Федерация, выступили против полного запрета применения подобных технологий [12].

Заключение. На основании изложенного можно сделать следующие выводы и предложения относительно рассматриваемого вопроса.

1. Единой позиции относительно регламентации и порядка применения технологий ИИ в военной сфере среди государств на сегодняшний день не сложилось. Вместе с тем, в перспективе представляется логичным использование концепции «ответственного ИИ» с выработкой единого среди государств подхода относительно того, что следует понимать под таким ИИ.

2. Применительно к Российской Федерации необходимым представляется выработка как дефиниции технологий ИИ, применяемых в оборонной сфере, так и соответствующих «правил» (административно-правовых механизмов) разработки и применения таких технологий.

Список литературы

1. Атабеков А. Р. Применение искусственного интеллекта в военных целях: проблемы теоретизации и правового регулирования // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 4. С. 107–114.

2. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=470682&cacheid=CF61983541BEB03AA60EC487D863C8A6&mode=splus&rnd=Rwwow#pJNw1NU1jVh6KC6U> (дата обращения: 30.08.2024).

3. Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512 (ред. от 13.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=483222&cacheid=DC0AA4CC322037451AF05D907E9F9582&mode=splus&rnd=Rwwow#HC2x1NUeqHv9gSGu> (дата обращения: 30.08.2024).

4. Autonomy in Weapon Systems: Directive 3000.09, November 21, 2012 [Электронный ресурс] // Department of Defense United States of America. – URL: <https://media.defense.gov/2023/Jan/25/2003149928/-1/-1/0/DOD-DIRECTIVE-3000.09-AUTONOMY-IN-WEAPON-SYSTEMS.PDF> (дата обращения: 27.08.2024).

5. Chinese military innovation in emerging technologies. Government of Canada. – URL: <https://www.canada.ca/en/security-intelligence-service/corporate/publications/china-and-the-age-of-strategic-rivalry/chinese-military-innovation-in-emerging-technologies.html> (дата обращения: 19.08.2024).

6. Dignum V. Ethics in artificial intelligence: introduction to the special issue // Ethics Inf Technol 20, 2018. – doi: 10.1007/s10676-018-9450-z.

7. Elsa B. Kania. Battlefield Singularity: Artificial Intelligence, Military Revolution, and China’s Future Military Power // Center for a New American Security, November 2017.

– URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/battlefield-singularity-artificial-intelligence-military-revolution-and-chinas-future-military-power> (дата обращения: 20.08.2024).

8. Geist E. M. It's already too late to stop the AI arms race–We must manage it instead // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2016. – Vol. 72(5). – Pp. 318–321. doi: 10.1080/00963402.2016.1216672.

9. Japan Defense Ministry rolls out 1st policy to promote AI use // KYODO NEWS, 02.07.2024. – URL: <https://english.kyodonews.net/news/2024/07/ac20dc12fb98-japan-defense-ministry-rolls-out-1st-policy-to-promote-ai-use.html> (дата обращения: 19.08.2024).

10. Maas M. M. How viable is international arms control for military artificial intelligence? Three lessons from nuclear weapons // Contemporary Security Policy. – 2019. – Vol. 40(3). – Pp. 285–311. doi: 10.1080/13523260.2019.1576464.

11. McConoly R. What is Network-Centric Warfare? // Naval Post. June 21.06.2021. – URL: <https://navalpost.com/what-is-network-centric-warfare> (дата обращения: 19.08.2024).

12. Nadibaidze A. «Responsible AI» in the Military Domain: Implications for Regulation // OpinioJuris. – 31.03.2023. – URL: <https://opiniojuris.org/2023/03/31/responsible-ai-in-the-military-domain-implications-for-regulation> (дата обращения: 30.08.2024).

13. Osborne M. A history of AI // Department of Engineering Science, Oxford University. – URL: <https://oxford.shorthandstories.com/ai-a-history/index.html> (дата обращения: 19.08.2024).

14. Robert O. Work. Remarks by Defense Deputy Secretary Robert Work at the CNAS Inaugural National Security Forum, Speech // CNAS Inaugural National Security Forum, Washington, D.C. – 2015. – December 14. – URL: <https://www.cnas.org/publications/transcript/remarks-by-defense-deputy-secretary-robert-work-at-the-cnasinaugural-national-security-forum> (дата обращения: 19.08.2024).

15. SEDE Activity Report 2014–2019 [Электронный ресурс] // Committee. European Parliament. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/sede/publications.html> (дата обращения: 27.08.2024).

16. State Council Notice on the Issuance of the New Generation AI Development Plan // State Council. – July 20. – 2017. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 19.08.2024).

17. The National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan // National Science and Technology Council, Executive Office of the President of the United States, Washington, D.C. – October 2016. – URL: https://www.nitrd.gov/PUBS/national_ai_rd_strategic_plan.pdf (дата обращения: 19.08.2024).

18. Trump allies draft AI order to launch ‘Manhattan Projects’ for defense // The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2024/07/16/trump-ai-executive-order-regulations-military> (дата обращения: 19.08.2024).

19. Unmanned aerial vehicles roadmap 2000-2025 // Office of the Secretary of Defense 1000 Defense Pentagon Washington, DC 20301-1000, 01.04.2001. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-D-PURL-gpo140963/pdf/GOVPUB-D-PURL-gpo140963.pdf> (дата обращения: 19.08.2024).

20. US air force denies running simulation in which AI drone “killed” operator // The Guradian. – 02.06.2023. – URL: <https://www.theguardian.com/us->

[news/2023/jun/01/us-military-drone-ai-killed-operator-simulated-test](https://www.reuters.com/technology/us-military-drone-ai-killed-operator-simulated-test-2023-06-01/) (дата обращения: 21.08.2024).

21. Working Paper of the People's Republic of China on Lethal Autonomous Weapons Systems, July 2022). – URL: <https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2022/07/Working-Paper-of-the-Peoples-Republic-of-China-on-Lethal-Autonomous-Weapons-Systems%EF%BC%88English%EF%BC%89.pdf> (дата обращения: 27.08.2024).

22. Hassan F. M., Osman N. D. AI-Based Autonomous Weapons and Individual Criminal Responsibility Under the Rome Statute // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(2). Pp. 464–480. EDN: mgreoy

Н. О. Сабанина,

кандидат исторических наук, доцент,
Московский инновационный университет
(Новомосковский институт)

С. А. Попов,

кандидат технических наук, доцент,
Московский инновационный университет
(Новомосковский институт)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА ГРАЖДАН К ПРАВОСУДИЮ В УСЛОВИЯХ ПРОДОЛЖАЮЩЕГОСЯ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВ

Аннотация. Доступ к правосудию является необходимым условием, которое гарантирует право на судебную защиту и, как следствие, формирует состояние правовой защищенности индивидов и их объединений. Кроме того, доступ к правосудию характеризуется возможностью предоставления со стороны государства лицу широких конституционных прав и эффективного механизма их правовой защиты. Полагаем, что одним из способов решения данных проблем является активизация внедрения в деятельность отечественных судебных органов информационных технологий.

Ключевые слова: правосудие, информационные технологии, граждане, права, законодательство, защита, государство, суд

ORGANIZATIONAL AND TECHNOLOGICAL PROBLEMS OF ENSURING CITIZENS' ACCESS TO JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE ONGOING PROCESS OF DIGITALIZATION OF THE PROCEDURAL ACTIVITIES OF THE COURTS

Abstract. Access to justice is a necessary condition that guarantees the right to judicial protection and, as a result, forms the state of legal protection of individuals and their associations. In addition, access to justice is characterized by the possibility for the State to grant a person broad constitutional rights and an effective mechanism for their legal protection. We believe that one of the ways to solve these problems is to intensify

the introduction of information technologies into the activities of domestic judicial authorities.

Keywords: justice, information technology, citizens, rights, legislation, protection, state, court

Развитие информационного пространства, базирующегося на внедрении в самые различные сферы жизнедеятельности общества все новых научно-технических разработок, а также более совершенных информационно-коммуникационных технологий, не могло не затронуть и отечественную судебную систему. Сложно не согласиться с мнением исследователя Е. С. Трезубова, который отмечает, что информатизация социального пространства способствовала возникновению новаций в области взаимодействия граждан и государственных институциональных образований, инициируя создание новых возможностей по защите прав и свобод индивидов [12. С. 633–640]. Последние годы ознаменовались для судебной деятельности существенным расширением сферы применения информационных технологий, следствием которого стало внедрение электронного правосудия.

Помимо обозначенных выше проблем законодательного регулирования процесса цифровизации судопроизводства, следует отметить и те трудности, с которыми сталкиваются, в частности, правоприменители:

1. Порядок в судебном заседании.
2. Идентификация лиц – участников процесса.
3. Технические проблемы воплощения в жизнь электронного правосудия.
4. Невозможность реализации всех основополагающих начал, на которых базируется судопроизводство.
5. Порядок исследования отдельных средств доказывания.
6. Двойной документооборот.
7. Информированность граждан о возможностях электронного правосудия и др. [10].

Рассмотрим обозначенные проблемы более подробно.

Отметим, что особенности воплощения в жизнь электронного правосудия напрямую затрагивают процедурную составляющую соблюдения процессуальной формы, то есть механизма осуществления правосудия, установленного законодателем. [2. С. 45].

Данная проблема связана, прежде всего, с теми требованиями, которые напрямую указаны в законе, относительно порядка осуществления судопроизводства (ГПК РФ (ст. 158), КАС РФ (ст. 144), АПК РФ (ст. 154)). Причем законодатель напрямую указывает (примером могут служить положения п. 4 ст. 154 АПК РФ), что и в проведении судебного заседания в режиме ВКС установленные законодательством процессуальные формы должны быть соблюдены. Основной проблемой в данном случае следует назвать совершение участниками процессуальных действий в режиме ВКС устных выступлений по аналогии с очным участием в судебном процессе.

В настоящее время все зависит от позиции судьи, поскольку если формально указанные выше требования будут нарушены, то судья обладает диспозитивным правом, которое дает ему возможность как:

1. Исключить нарушителя из судебного процесса.

2. Отступить от установленного правила с разрешения председательствующего судьи [7].

Относительно идентификации участников судебного процесса. По мнению исследователя вопросов цифровизации судопроизводства Н. В. Митрофанова, в данном случае следует учитывать такие моменты, как:

1. Проблемы, которые периодически возникают с работой портала Госуслуг.
2. Утечка данных пользователей данного портала.

Следующей проблемой исследователи называют возможные технические сбои, которые могут быть связаны с:

1. Отключением электричества, которое влечет за собой отложение судебного разбирательства. В данном случае возникает также проблема с видео-протоколированием и его последующим восстановлением.

2. Проблемы с интернет-соединением, что также повлечет за собой отложение судебного разбирательства.

Отметим, что в обоих случаях происходит затягивание разбирательства дела.

Еще одним вопросом, который достаточно остро стоит в связи с внедрением в судопроизводство цифровых технологий, является соблюдение основополагающих начал правосудия. Как в административном, так и в гражданском и арбитражном судопроизводстве принципы гласности и открытости судебного заседания лишь в определенных случаях подлежат ограничению, если имеет место необходимость соблюдения конфиденциальности информации, которая будет озвучена в ходе судебного разбирательства (например, если это связано с необходимостью сохранения государственной тайны) [9, С. 30]. Однако если речь идет о проведении судебного заседания в режиме веб-конференции, возможность подключения к нему носит частный характер (лицо должно быть наделено определенным процессуальным статусом) и принцип гласности (даже несмотря на то, что законодательно он не запрещен, кроме случаев необходимости проведения закрытых заседаний) на практике реализован быть не может.

Цифровизация судопроизводства, а также целого ряда государственных институтов повлияла и на возникновение трудностей со сбором доказательств. Например, определенная информация в электронном формате может быть предоставлена государственными органами только суду. А в силу большой загрузки судебного аппарата не всегда данная информация отслеживается оперативно, в бумажном же виде она государственными органами в настоящее время просто не предоставляется, как следствие, преимущества цифровизации сводятся на нет [1].

При проведении судебного разбирательства в режиме видеоконференции возникает проблема также с правдивостью свидетельских показаний, поскольку свидетеля судья воочию не видит и не может в должной мере оценить степень его правдивости. Также при ВКС свидетель лишается возможности устно изложить свои показания [8. С. 151].

Среди проблем цифровизации судопроизводства современные исследователи отмечают также защиту информации, находящейся в системе электронного правосудия [4].

В данном случае необходимо соблюсти баланс:

1. С одной стороны, заинтересованные лица вправе знакомиться с необходимой информацией.

2. С другой – должен быть не нарушен правовой режим охраняемой законом конфиденциальной информации.

Полагаем, что информация, которая находится, в частности, в системе ГАС «Правосудие» должна иметь высокий уровень защиты от незаконных посягательств. В связи с этим, необходимо привлекать специалистов высокой квалификации, которые смогли бы создать надежную систему защиты.

Еще одной проблемой развития цифровизации судебной системы России следует назвать двойной документооборот. Он возникает в связи с тем, что работники суда выполняют, фактически, дважды одну и ту же работу с документами (первичная регистрация, передача и др.):

1. В электронном виде.
2. В бумажном виде.

Двойной документооборот влечет за собой еще большую перегрузку судебного аппарата и, фактически, нивелирует плюсы от внедрения информационных технологий. Кроме того, в данной ситуации документов приходится распечатывать даже в большем объеме, чем это было ранее, в целях их отправки в адрес других участников процесса судопроизводства.

Сложно также не согласиться с исследователем О. А. Забелиной, выделяющей еще одну проблемную зону цифровизации судопроизводства, которая в настоящее время не нашла своего законодательного регулирования:

1. Не урегулирован вопрос относительно необходимости распечатки аппаратом суда документов, которые поданы заявителем в суд в электронном виде.
2. Нет также четкой регламентации относительно дальнейшего сообщения всем заинтересованным лицам относительно факта подачи искового заявления в суд в электронном виде [5].

Исходя из сложившейся ситуации, можно сделать вывод, что лица, которые воспользовались электронным эквивалентом обращения в суд, оказываются в неравном положении с теми, кто решил реализовать свое право на судебную защиту путем традиционной бумажной подачи заявления, в силу того что им вменена обязанность нести расходы по представлению копий документов.

Кроме того, дополнительные расходы несут и суды, которые изготавливают бумажный эквивалент поданных заинтересованным лицом в электронном виде документов.

Полагаем, что в данном случае целесообразно будет обратиться к достаточно продуктивно показавшей себя в данном направлении практике арбитражных судов, связанных с реализацией ими электронного правосудия. Она предполагает, что истец самостоятельно осуществляет отправку документов всем заинтересованным лицам, а в суд направляет уведомления о вручении данных документов.

Если суды общей юрисдикции пойдут по обозначенному выше пути, то:

1. Внесудебное взаимодействие сторон может инициировать возможное достижение примирения между ними.
2. Данная инициатива будет способствовать разгрузке судебного аппарата [11].

Отсутствие должного оснащения судебных органов в настоящее время также служит серьезной проблемой для дальнейшего развития цифровизации судебной среды. В настоящее время далеко не все суды обладают необходимой технической возможностью для реализации электронного правосудия. И это при том, что по оценке европейских экспертов, которая имела место в 2021 году, уровень применения цифровых технологий в российских судах составляет 8,81 балла. В этот же период он составил:

1. В Германии – 8,3 балла.
2. Во Франции – 5,19 баллов.
3. В Италии – 6,42 балла.
4. В Швейцарии – 5,55 балла.

Необходимо отметить и вопрос, связанный со степенью адаптированности граждан нашей страны относительно возможностей, которые предоставляет использование информационных технологий, которые в настоящее время уже внедрены в деятельность судов. В связи с этим следует отметить весьма успешную практику, которая имеет место в Москве. В частности, у них был внедрен и успешно реализуется новый сервис – «Интерактивный помощник», который помогает гражданам:

1. Самостоятельно составить исковое заявление.
2. Определиться с подсудностью.
3. Рассчитать госпошлину [13].

Отметим, что в настоящее время рассматриваемый сервис доступен только на сайте Мосгорсуда. Полагаем, что распространение данного опыта на деятельность российских судов оказало бы положительное влияние как на развитие цифровизации судебной системы, так и, прежде всего, на повышение уровня доступности граждан к правосудию.

Еще одним новшеством, которым могут гордиться московские суды, является цифровая система взаимодействия с адвокатами, переводчиками и специалистами, привлекаемыми судами. В настоящее время данная система успешно функционирует также в Татарстане. На очереди – еще 12 регионов. Бесспорно, распространить ее необходимо на всю территорию нашей страны. Полагаем, что для просвещения граждан в данной области необходимо предпринять следующие меры:

1. Разработать и внедрить курсы, направленные на обучение граждан работе с элементами информационных технологий, которые могут быть ими использованы при осуществлении доступа к электронному правосудию.
2. В судах необходимо ввести штатную единицу, задачей которой станет помощь гражданам в реализации их прав на судопроизводство с использованием информационных технологий.

Еще одной проблемой следует назвать отсутствие в суде кадров, имеющих необходимую квалификацию для работы в сфере информационных технологий, задействованных в судопроизводстве.

Несмотря на все усилия, прилагаемые Судебным департаментом, направленные на превышение квалификации и переподготовку судебных кадров в сфере информационных технологий (например, в 2023 г. в мероприятиях профессионального развития, организованных Судебным департаментом, приняли участие

более 32 000 государственных гражданских служащих), полагаем, что в настоящее время присутствует необходимость:

1) подготовки юристов-программистов, уровень подготовки которых будет достаточен для обеспечения электронного правосудия;

2) введение в качестве обязательной должности специалиста в области цифровых технологий для работы в судах.

Отметим, что в настоящее время Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ совместно с Министерством юстиции ведется работа по созданию реестра аккредитованных ИТ-экспертов для работы с информационными технологиями в сфере судопроизводства.

Предполагается, что ИТ-эксперт будет выступать в споре как независимый участник судопроизводства. Причем, акцент на привлечении данных специалистов будет делаться на профиль их деятельности. Однако на данном этапе механизм привлечения в судебную среду ИТ-экспертов остается в разработке, в том числе и на законодательном уровне.

А. В. Дарда в качестве еще одной трудности, которая возникает на современном этапе в связи с продолжающейся цифровизацией судов, называет степень достоверности информации, передаваемой сторонами в электронном виде. Данный исследователь полагает, что эта информация нуждается в более тщательной проверке [4].

Существенным плюсом во внедрении электронного правосудия следует назвать снижение издержек для сторон судопроизводства. Однако для того чтобы данный позитивный фактор реально работал на практике, необходимо чтобы использование цифровых технологий в судопроизводстве было «поставлено на поток», то есть стало повсеместным фактором для осуществления правосудия на всей территории нашей страны.

В качестве меры, направленной на доступность гражданам правосудия в свете его цифровизации, следует также назвать существенное расширение взаимодействия судебных органов с другими государственными органами, в числе которых: МВД, Казначейство, Роскомнадзор, налоговые органы, Росреестр. В прошлом 2023 г. таких взаимодействий насчитывалось более 15 млн.

Отметим, что в силу специфики деятельности, судебные органы постоянно взаимодействуют с «Почтой России». Так, только за девять месяцев 2023 года суды отправили 78 млн корреспонденций и 7 млн бандеролей (это на 10 % больше, чем за такой же период 2022 г.). Как следствие, чтобы сократить затраты на почтовые отправления (отметим, что в 2023 г. они составили 7,9 млрд рублей) следует продумать их оптимизацию с учетом последних технологических достижений. В частности, извещать о времени и месте судебного заседания можно с помощью электронной почты. Это позволит существенно сэкономить на пересылке уведомлений. Еще одним вариантом решения обозначенной выше проблемы является проходящая в настоящее время апробация судами Санкт-Петербурга направление судебных уведомлений посредством личного кабинета физического лица, индивидуального предпринимателя, юридического лица Единого портала государственных и муниципальных услуг с использованием государственной электронной почтовой системы (ГЭПС).

Нельзя, на наш взгляд, в рамках данного исследования не обратиться к вопросам предполагаемого внедрения в среду отечественного судопроизводства искусственного интеллекта (далее – ИИ). Данные статистики свидетельствуют, что в текущем, 2024 году, доля искусственного интеллекта в нашей стране составит 0,8%, а к 2030 году – 3,6%. [3]. Уже в 2021 году ИИ использовался при вынесении судебных решений при взыскании налогов.

В ряде регионов Российской Федерации, в прошлом, 2023 году в деятельность мировых судов был внедрен пилотный проект по применению ИИ. Конечно, в данном случае речь не идет о замене искусственным интеллектом деятельности человека, однако с его помощью можно оптимизировать выполнение рутинной работы, касающейся, в частности, формирования протоколов судебных заседаний. Если говорить в целом о перспективах использования ИИ в деятельности российской судебной системы, то, по словам А. Долженко, который является советником отдела информационной безопасности управления информатизации и связи Верховного Суда РФ, в будущем планируется возможность подключения искусственного интеллекта к автоматизированному составлению проектов судебных актов [6]. Причем, ИИ очень активно применяется в судебных системах стран мирового сообщества [14].

Однако при этом опасность так называемой «галлюцинации нейросетей» никто не отменял. Кроме того, чрезмерное увлечение ИИ может повлечь за собой поппание ключевого принципа, на котором строится отечественное судопроизводство – осуществление правосудия только судом. Как следствие, только суд может издавать судебный акт, тем более, если произойдет ошибка, то ИИ к ответственности привлечь будет просто невозможно. Поэтому внедрение искусственного интеллекта в судебную систему должно быть очень осторожным и глубоко продуманным шагом.

Отметим, что внедрение в среду судопроизводства цифровых технологий не означает отказа от тех основополагающих начал, на которых оно строится. Кроме того, другая грань цифровизации – это вопрос степени защищенности оцифрованной информации.

Целый ряд современных исследователей полагает, что достижение разумного баланса между электронным и бумажным оборотом является наилучшим способом решения целого ряда проблем в данной сфере.

По сравнению с судами общей юрисдикции, арбитражные суды уже давно и успешно используют в своей деятельности информационные технологии. В частности, «львиная доля» решений арбитражных судов находится в свободном доступе, что позволяет достичь высокого уровня единообразия в их правоприменительной практике. Полагаем, что судам общей юрисдикции необходимо перенимать данный позитивный опыт арбитражного судопроизводства.

Таким образом, информационные технологии, которые продолжают внедряться в систему отечественного судопроизводства, показывают положительный опыт их применения и требуют своего дальнейшего развития.

Список литературы

1. Афанасьев С. Ф. К вопросу о применении дистанционных технологий по гражданским и административным делам в контексте принципов состязательности и равноправия сторон // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1 – С. 141–147.
2. Гражданский процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. В. В. Блажеев, Е. Е. Уксуова – М.: Проспект, 2015. – 736 с.
3. В России потратят 2,3 миллиарда на суперсервис для суда через интернет [Электронный ресурс]. – URL: https://gov.cnews.ru/news/top/2022-11-01_vlasti_potratyat_23_milliarda?ysclid=lt73vbb8nn269392196 (дата обращения: 29.02.2024).
4. Дарда А. В. Влияние современных информационных технологий на осуществление правосудия // Юридическая наука. 2020. № 10 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sovremennyh-informatsionnyh-tehnologiy-na-osuschestvlenie-pravosudiya> (дата обращения: 14.02.2024).
5. Забелина О. А. Проблемы, возникающие при применении электронных документов в деятельности судов // Судья. – 2017. – № 11. – С. 30–34.
6. Искусственный интеллект зовут в суд [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 14.03.2024).
7. Лазарева В. В. Основные направления цифровизации судебного процесса // Актуальные проблемы права, экономики и управления: сб. материалов студенческой науч. конф., посвящ. памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, ученого-правоведа, д-ра юрид. наук, проф. М. Н. Марченко. – Саратов, 2022. – С. 279–282.
8. Максимова Д. Ф. Цифровизация гражданского судопроизводства // Актуальные вопросы юриспруденции: сб. ст. 11 Междунар. науч.- практ. конф. Пенза, 2022. – С. 149–153.
9. Носенко Л. П. Рассуждения о цифровизации судебной системы и реализации принципа гласности административного судопроизводства // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 17, № 2. – С. 28–37.
10. Проведение судебных заседаний с использованием системы веб-конференции [Электронный ресурс]. – URL: <https://2aas.arbitr.m/deloproizvodstvo/provedenie-sudebnyh-zaseda-nij-s-ispolzovaniem-sistemy-veb-konferencii> (дата обращения: 06.03.2024).
11. Решетникова И. В. Судопроизводство в судах первой инстанции: сравнительно-правовой анализ через призму предстоящей унификации гражданского и арбитражного процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 2. – С. 49–53.
12. Трезубов Е. С. Видео-конференц-связь в судах: вынужденная трансформация в условиях пандемии // Администратор суда. – 2020. – № 2. – С. 38–43.
13. Цифровизация судов и новые постановления: как прошел Совет судей [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/250266/?ysclid=ltqxf8klzy746425707> (дата обращения: 14.03.2024).

14. Спиридонов М. С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 481–497. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2023.20>. EDN: acsqxh

О. Г. Савицкая,
кандидат юридических наук,
Рязанский государственный радиотехнический университет
имени В. Ф. Уткина

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОТКРЫТОСТИ И ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
(ОПЫТ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Аннотация. В статье рассматриваются современные механизмы обеспечения информационной открытости органов публичной власти, позволяющие создать систему правовых и организационно-технических гарантий реализации конституционных прав граждан на участие в государственном и муниципальном управлении. Приводится обзор социологического исследования, позволяющего определить уровень удовлетворенности населения открытостью и доступностью такой информации.

Ключевые слова: информационная открытость, органы публичной власти, государственное и муниципальное управление, цифровые технологии, искусственный интеллект, государственные информационные системы, формы непосредственной демократии

**CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF ENSURING OPENNESS
AND ACCESSIBILITY OF INFORMATION ON THE ACTIVITIES
OF PUBLIC AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF DIGITAL
TRANSFORMATION OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION
(EXPERIENCE OF THE RYAZAN REGION)**

Abstract. The article examines the main mechanisms for ensuring the information openness of public authorities, which make it possible to create a system of legal and organizational and technical guarantees for the implementation of the constitutional right of citizens to participate in state and municipal government. The author provides an overview of a sociological study that allows to determine the level of satisfaction of the population with the openness and accessibility of information about the activities of public authorities. Based on the results obtained, proposals are being formulated aimed at creating new legal approaches to ensuring information openness.

Keywords: information openness, public authorities, state and municipal administration, digital technologies, artificial intelligence, state information systems, forms of direct democracy

Введение. На современном этапе развития государственности обеспечение информационной открытости органов публичной власти является ключевым направлением государственного и муниципального управления. Информационная открытость выступает основой диалога власти и институтов гражданского общества. Так, в Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 [9], подчеркивается, что одной из основных задач государства является обеспечение беспрепятственного доступа граждан к информации.

Основная часть. Как верно отмечают М. А. Липчанская и С. Е. Чаннов, «формирование единого комфортного информационно-коммуникативного пространства для взаимодействия органов публичной власти, граждан и бизнес-структур выступает критерием эффективности деятельности органов власти и должностных лиц, отражает уровень демократизации государства и развития гражданского общества» [1. С. 240].

Несмотря на то, что действующим законодательством закреплены различные способы обеспечения открытости и доступности информации о деятельности органов публичной власти: размещение информации в печатных средствах массовой информации, на информационных стендах, выступления должностных лиц, подготовка информации на поступившие запросы и пр., в условиях цифровой трансформации публичного управления наиболее востребованными являются электронные информационные ресурсы. Согласно статистическим данным в настоящее время около 80 % россиян узнают новости из онлайн-источников [6].

По данным АНО «Диалог Регионы», только 41% опрошенных достаточно информированы о деятельности органов власти, при этом 49% считают объем размещаемой информации недостаточным [6]. Вместе с тем следует обратить внимание, что удовлетворенность граждан – один из основных параметров стратегического планирования в России [2-5, 7, 8, 12].

Также следует отметить, что в ряде регионов помимо информационных систем, органы власти участвуют в создании и иных полезных информационных ресурсов, в том числе в форме мобильных приложений. Так, например, в Рязанской области на сегодняшний день существуют как разнообразные государственные и муниципальные информационные системы, так и иные цифровые платформы. В качестве ключевых государственных информационных систем следует отметить:

ГИС «Электронное образование Рязанской области» – ресурс, направленный на совершенствование системы образования в регионе;

ГИС «Наш Дом РЯЗАНЬ» – ресурс, посвященный вопросам жилищно-коммунального-хозяйства и благоустройства в Рязанской области;

ГИС «Портал закупок Рязанской области» – региональная информационная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения нужд Рязанской области;

ГИС жилищно-коммунального хозяйства – ресурс, направленный на обеспечение управления многоквартирными домами;

ГИС «Архивное наследие Рязанской области» – информационная система, включающая ключевые архивные сведения и пр.

Кроме того, в регионе созданы:

- бизнес-портал, созданный с целью поддержки предпринимательства в регионе и содержащий информацию о бизнес-среде, инвестиционных возможностях и мероприятиях, направленных на развитие бизнеса;
- интерактивный портал Центра занятости населения Рязанской области, предоставляющий информацию о вакансиях, программы поддержки занятости, образовательные курсы и другие услуги, направленные на помощь населению в трудоустройстве и профессиональной ориентации;
- образовательный портал «Все о выборах и политике в Рязани», предоставляющий информацию о политической жизни региона, выборах, деятельности политических партий и общественных организаций, и др.

Полагаем, что принятие законопроекта [11] положительно повлияет на правовую гармонизацию IT-ресурсов, созданных или приобретенных органами публичной власти для реализации своих полномочий.

Исходя из вышесказанного, в целом современные электронные ресурсы, обеспечивающие открытость и доступность информации о деятельности органов власти, можно классифицировать по следующим основаниям:

- в зависимости от субъекта: созданные (приобретенные) органами власти (официальные сайты и страницы в социальных сетях органов публичной власти, государственные информационные системы и пр.) или иными организациями и лицами (электронные средства массовой информации, страницы блогеров в социальных сетях и пр.);
- исходя из организационно-правовых механизмов: учреждаемые на основе специального исполнительно-распорядительного правового акта (государственные и муниципальные информационные системы, электронные сетевые издания, являющиеся источниками официального опубликования нормативных правовых актов) и не требующие издания специальных актов (например, личные страницы должностных лиц в социальных сетях);
- принимая во внимание источник финансирования: созданные за счет средств бюджетов публичных образований (официальные сайты, государственные и муниципальные информационные системы и пр.), за счет внебюджетных средств (электронные средства массовой информации, страницы блогеров в социальных сетях и пр.);
- в соответствии с порядком размещения информации: информация подлежит размещению непосредственно органами власти (официальные сайты и страницы в социальных сетях органов публичной власти, государственные информационные системы и пр.) либо опосредованными организациями и лицами (электронные средства массовой информации, страницы блогеров в социальных сетях и пр.);
- учитывая иные используемые механизмы: обеспечение открытости и доступности информации достигается путем использования искусственного интеллекта (например, чат-ботов), создания мобильных приложений, проведения онлайн трансляций и пр.

В целях разработки предложений, направленных на совершенствование и дальнейшее развитие данной сферы публичных правоотношений, в рамках настоящей статьи нами был проведен социологический анализ уровня удовлетворенности населения города Рязани открытостью и доступностью информации о деятельности органов публичной власти.

Представленное социологическое исследование было осуществлено посредством формализованного опроса, содержащего закрытые вопросы. Опрос проводился на территории города Рязани в период с 22 апреля 2024 года по 3 июня 2024 года с использованием YandexForms и раздаточного материала. Респондентами выступили совершеннолетние граждане, постоянно проживающие на данной территории. В целях оказания содействия в проведении опроса были направлены обращения в органы государственной власти Рязанской области, местные администрации, ЦУР Рязанской области, молодежные совещательные органы Рязанской области. Кроме того, данный опрос также был размещен в ряде популярных новостных пабликах.

Основными задачами опроса определены:

- оценка уровня информационной открытости органов местного самоуправления города Рязани и уровня информированности жителей о деятельности органов публичной власти;
- анализ источников информации о деятельности органов власти и уровня доверия к ним населения;
- разработка предложений, направленных на повышение качества открытости и доступности информации о деятельности органов местного самоуправления.

Опрос был проведен с использованием метода стихийной выборки, при этом в опросе приняли участие 700 респондентов, из них: работники органов публичной власти, государственных и муниципальных организаций – 28,29%, работники иных организаций – 16,70%, безработные – 1,29%, самозанятые – 2,86%, студенты – 41,29%, пенсионеры – 9,57%. Представленные цифры говорят о высоком уровне активности при проведении опроса, прежде всего, работающего населения и студентов. Полагаем, что низкий уровень вовлеченности пенсионеров может быть обусловлен проведением данного опроса преимущественно в электронной форме.

Из общего числа респондентов наибольшее количество имеют высшее образование – 48,57%, среднее профессиональное – 20,71%, среднее общее – 29,43% и 1,29% – наличие ученой степени.

При проведении опроса респондентам было задано семь вопросов.

На вопрос «Оцените уровень информационной открытости органов местного самоуправления города Рязани?» голоса распределились следующим образом: большинство опрошенных (38,85%) считают, что уровень информационной открытости органов местного самоуправления Рязани находится на среднем уровне (информация доступна, но не в полном объеме), 28,14% оценивают высокий уровень информационной открытости, 8,29% указывают на низкий уровень, а 24,72% опрошенных вовсе не интересуются деятельностью органов местного самоуправления. Распределение ответов в зависимости от рода занятий респондентов представлено в табл. 1.

Обратим внимание, что согласно представленным данным в каждой группе респондентов значимый процент составили жители города, которые вовсе не интересуются деятельностью местной власти.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Оцените уровень информационной открытости органов местного самоуправления города Рязани?»

Группы	Категории						ИТОГО, %
	Работающие в государственных (муниципальных) органах и организациях, %	Работающие в иных организациях, %	Безработные, %	Самозанятые, %	Пенсионеры, %	Студенты (вуз), %	
	1	2	3	4	5	6	
Высокий уровень (информация доступна в полной мере)	9,29	5,28	–	0,57	0,43	12,57	28,14
Средний уровень (информация доступна, но не в полном объеме)	10,14	5,57	0,14	0,14	2,43	20,43	38,85
Низкий уровень (информация недоступна)	1,29	0,99	0,29	0,29	2,43	3,00	8,29
Не интересуюсь деятельностью органов местного самоуправления	7,57	4,86	0,86	1,86	4,28	5,29	24,72
ВСЕГО (проценты по категориям)	28,29	16,70	1,29	2,86	9,57	41,29	100
ВСЕГО (респондентов)	198	117	9	20	67	289	700

На вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию о деятельности органов местного самоуправления?» голоса респондентов распределились следующим образом: согласно проанализированным данным 27,71% респондентов получают информацию из средств массовой информации. При этом официальные страницы в социальных сетях (23,29%), официальные сайты (21,29%) органов местного самоуправления также пользуются не меньшей популярностью, 13,29% опрошенных узнают о деятельности из иных источников, например, от знакомых или коллег. Менее распространенные источники информации - информационные стенды (5%) и встречи с депутатами и представителями власти (4,42%) (рис. 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в настоящее время ключевую роль в получении информации играют электронные ресурсы.

На вопрос «Как часто Вы посещаете страницы органов местного самоуправления в социальных сетях?» результаты опроса показали, что 33,23% опрошенных посещают страницы органов местного самоуправления в социальных сетях несколько раз в месяц, 24,19% - несколько раз в неделю, 8,39% заходят на них ежедневно, а 6,13% – несколько раз в день. Однако 28,06% респондентов вовсе не проявляют интереса к данным источникам размещения информации.

Распределение ответов на вопрос «Каким источникам информации Вы доверяете в большей степени?» представлено на рис. 2.

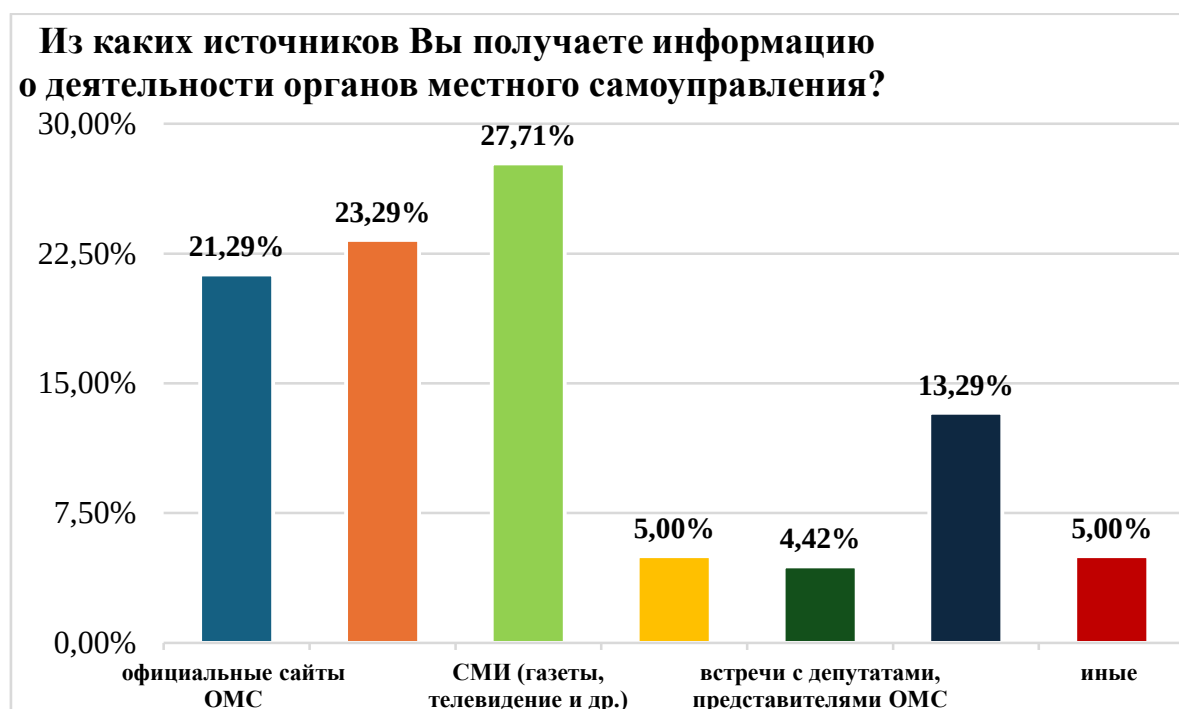

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Из каких источников Вы получаете информацию о деятельности органов местного самоуправления?»

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Каким источникам информации Вы доверяете в большей степени?»

Согласно проведенному анализу 28% респондентов в большей степени доверяют официальным сайтам органов местного самоуправления, 18% – информации, представленной на портале Госуслуги, 15% – правовым системам, таким как «КонсультантПлюс» и «Гарант». При этом не менее важный процент составляют страницы органов местного самоуправления в социальных сетях – 14%. 10% опрошенных доверяют новостным пабликам и 8% выступлениям представителей ор-

ганов власти. Наименьший уровень доверия респондентов к газетам, радио и телевидению – 5%, а 2% респондентов не доверяет ни одному из указанных источников.

На вопрос «Удовлетворены ли Вы качеством и оперативностью размещения на официальных сайтах (страницах в социальных сетях) органов местного самоуправления информации об их деятельности?» ответы распределились следующим образом: 38,85% респондентов удовлетворены в полной мере, 25,44% – удовлетворены не в полном объеме, 6,44% – не удовлетворены, 29,27% – не знакомы с данными источниками либо не пользуются ими (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Удовлетворены ли Вы качеством и оперативностью размещения на официальных сайтах (страницах в социальных сетях) органов местного самоуправления информации об их деятельности?»

Группы	Категории						Итого (%)
	Работающие в государственных (муниципальных) органах и организациях %	Работающие в иных организациях %	Безработные %	Самозанятые %	Пенсионеры %	Студенты (вуз) %	
	1	2	3	4	5	6	
Удовлетворен (-а) в полной мере	10,28	5,71	0	0,29	0,43	22,14	38,85
Удовлетворен (-а), но не полностью	7,29	4,86	0,14	0,57	2,29	10,29	25,44
Не удовлетворен (-а)	1,29	1,29	0,29	0,14	1,00	2,43	6,44
Не знаю о существовании таких источников информации	7,57	2,42	0,57	0,29	2,43	5,14	18,42
Не пользуюсь такими источниками информации	1,86	2,42	0,29	1,57	3,42	1,29	10,85
ВСЕГО (проценты по категориям)	28,29	16,70	1,29	2,86	9,57	41,29	100
ВСЕГО (респондентов)	198	117	9	20	67	289	700

На вопрос «Насколько легко Вы можете найти интересующую Вас информацию о деятельности органа местного самоуправления?» 45,16% респондентов ответили, что поиск информации не вызывает затруднений, однако 43,55% – что

приходится потратить немало времени для поиска необходимой информации и 3,87% – что получить интересующую информацию практически невозможно, 7,42% могут получить интересующую информацию только при направлении запроса в орган власти.

Распределение ответов на вопрос «С какими недостатками Вы чаще всего сталкиваетесь при получении информации о деятельности органов местного самоуправления?» представлено на рис. 3. Большинство респондентов отметили предоставление информации не в полном объеме (42,41%) и несвоевременность обновления информации (37,11%), 11,33% указали, что отсутствуют условия для получения информации и 9,16% считают, что размещенная информация недостоверна.

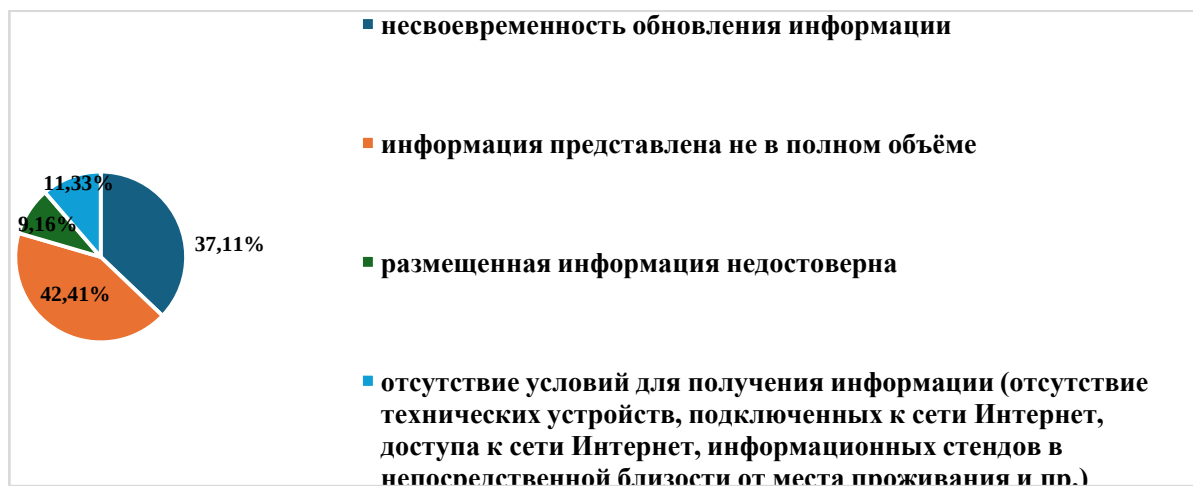

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «С какими недостатками Вы чаще всего сталкиваетесь при получении информации о деятельности органов местного самоуправления?»

Таким образом, учитывая полученные эмпирические данные, можно предложить следующие меры для решения ряда выявленных проблем и повышения информационной открытости органов публичной власти:

1. Согласно проведенному опросу 38,85% респондентов оценили уровень информационной открытости органов публичной власти как средний, 8,29% – как низкий. Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что в условиях современных реалий перечень информации о деятельности органов публичной власти, подлежащей размещению на официальных сайтах и страницах, требует актуализации в части объема предоставляемой информации.

Кроме того, 24,72% респондентов ответили, что вовсе не интересуются информацией о деятельности местных властей, в связи с чем представляется необходимым обеспечить реализацию мероприятий, направленных на повышение правосознания и правовой культуры населения, разъяснение порядка и способов получения информации о деятельности органов публичной власти.

Результаты опроса также показали, что 33,77% респондентов заходят на страницы только несколько раз в месяц. Полученные данные свидетельствуют о низком уровне пользовательской активности, что в свою очередь негативно ска-

зывается на вовлеченности населения в процесс принятия и исполнения публичных решений в целом. Учитывая изложенное, предлагается разработать и внедрить в муниципальную практику ряд механизмов, направленных на популяризацию социальных сетей органов публичной власти, в частности:

1) создание интерактивного контента:

конкурсы, викторины, опросы: проведение интерактивных мероприятий на знание города, его истории, культуры, архитектуры, с призами в виде предоставления льгот на отдельные виды городских услуг (парковки, проезд в городском транспорте, посещение объектов культуры и социальной инфраструктуры и пр.);

прямые эфиры: организация прямых эфиров с должностными лицами, депутатами, экспертами, в том числе с возможностью обеспечения открытого диалога с жителями города в режиме реального времени;

2) введение системы баллов и льгот:

«Городские баллы»: введение системы баллов за активность на сайтах и в социальных сетях органов власти: комментарии, «лайки», «репосты», участие в опросах, общественных обсуждениях;

«Социальные баллы»: начисление дополнительных баллов за участие в волонтерской (добровольческой) деятельности, в городских мероприятиях, акциях по озеленению города и т. д.;

3) проведение общегородских мероприятий в цифровом формате:

«Городские флешмобы»: запуск флешмобов с хештегами, связанными с городом и его достопримечательностями;

«Городские герои»: публикация интересных историй о знаменитых жителях людей города и их достижениях;

4) использование иных цифровых форматов:

веб-сериалы и короткие видеоролики: создание информационных и развлекательных видеороликов о жизни города, городских проектах и инициативах;

подкасты и аудио-контент: запуск подкастов с интересной информацией о городе, беседами с экспертами и должностными лицами.

Кроме того, на сегодняшний день не малую роль в информировании граждан, в том числе о деятельности органов власти, играет блогосфера. Так, например, по данным АНО «Диалог Регион», 79% опрошенных подписываются на блогеров с целью узнать актуальные новости, 45% – научиться чему-то новому, 42% – хотят узнать мнения блогеров в отношении какой-либо ситуации [6]. В связи с чем представляется целесообразным выстраивание диалога и информирование населения об отдельных аспектах публичного управления, в том числе посредством данных коммуникационных каналов.

2. Проведенный опрос показал, что лишь 4,42% респондентов получают информацию от депутатов.

В этой связи представляется целесообразным законодательно регламентировать минимальное количество встреч депутатов с избирателями за определенных период, определить перечень информации о деятельности органов власти, которая должна быть в обязательном порядке доведена депутатами до избирателей, на официальных сайтах и на страницах в социальных сетях предусмотреть возможность задать вопрос депутату (создание специальных разделов) и пр. В рамках

контроля – установить проведение ежеквартальных отчетов депутатов о проделанной работе с размещением на официальных сайтах и социальных сетях.

Как в свое время верно было отмечено А. Е. Поторопиной, «в муниципальных образованиях с низкой плотностью населения, если оно при этом проживает достаточно рассредоточено либо в ситуациях, когда часть жителей проживает в труднодоступной местности, проведение очных встреч должностных лиц местного самоуправления с представителями населения объективно затруднительно, в такой ситуации перспективным решением представляется использование электронных форм взаимодействия и обратной связи» [10. С. 140].

3. Согласно опросу 25,44% респондентов удовлетворены качеством и оперативностью размещения на официальных сайтах не в полной мере, 6,44% – не удовлетворены.

4. Анализ уровня доверия населения к источникам информации показал, что лишь 9% респондентов доверяют выступлениям представителей органов власти. Полагаем, что для повышения доверия к данному источнику получения информации необходимо обеспечить доступ к онлайн-трансляциям выступлений должностных лиц и аудио- и видеозаписям их отчетов о проделанной работе.

Так, например, в 2023 году руководители 80 регионов провели более 220 прямых эфиров, в ходе которых жители задали губернаторам около 219 тысяч вопросов. При активном участии Центров управления регионом было организовано 165 прямых эфиров в 70 регионах, из которых каждый второй проходил в социальных сетях. В 72% трансляций лидеры регионов не только решали местные проблемы, но и принимали управленческие решения. Число просмотров этих эфиров с 2021 года выросло на 47%, с 12,9 млн до 19,1 млн.

В Белгородской области продолжается реализация проекта «10 вопросов губернатору», в рамках которого было проведено 172 трансляции.

В Нижегородской области в процессы работы с обратной связью внедрен искусственный интеллект, позволяющий оценивать качество уже опубликованных ответов органов власти, анализировать их и делать вывод, насколько данные ответы информативны и понятны для пользователя.

В рамках работы по улучшению доступа граждан к социальным услугам и информации, несколько регионов России внедрили инновационные онлайн-платформы и сервисы:

- социальное консультирование в Московской области. Реализованный в режиме онлайн сервис позволяет жителям задать вопросы, связанные с социальной поддержкой, и получить квалифицированные ответы в течение 10-15 минут. Это значительно упрощает процесс получения информации и помощи;

- сервис «Забота» в Республике Татарстан. Это интегрированная онлайн-платформа и мобильное приложение, которые полностью автоматизируют процессы назначения и получения социальных выплат. Жители региона могут легко и быстро оформлять различные виды помощи, что улучшает качество предоставляемых услуг и снижает административные барьеры;

- социальный навигатор в Ямало-Ненецком автономном округе. Портал предоставляет информацию о доступных мерах социальной поддержки для жите-

лей региона, что в свою очередь позволяет гражданам быть в курсе всех возможных вариантов помощи, что способствует более эффективному использованию социальных ресурсов [7].

5. Как показало проведенное исследование, подавляющее большинство опрошенных столкнулись с трудностью при поиске информации. В целях минимизации обозначенной проблемы для сокращения времени поиска информации представляется целесообразным провести исследования, позволяющие определить и в дальнейшем разработать удобный и интуитивно понятный интерфейс официальных сайтов и социальных страниц, предоставляющий возможность быстрого доступа к ключевым разделам.

Кроме того, необходимо обеспечить максимальное и всестороннее информирование населения о полном перечне созданных информационных систем, в том числе путем размещения соответствующих гиперссылок на официальных сайтах и страницах органов власти.

6. 11,33% опрошенных обозначило наличие проблем с доступом к сети Интернет, в том числе вследствие отсутствия технической возможности подключения к сети Интернет.

Заключение. В этой связи полагаем рассмотреть вопрос об обеспечении возможности доступа к сети Интернет посредством социально ориентированных некоммерческих организаций. В качестве мер поддержки для данного вида организаций возможно предложить:

- предоставление субсидий на оборудование точек доступа к сети Интернет и приобретение компьютерной техники;
- обучение пользователей, особенно старшего поколения, навыкам поиска информации в электронном виде;
- создание общественных пространств с бесплатным доступом к сети Интернет и возможностью получить помощь от специалистов;
- внедрение новых технологий, позволяющих обеспечить доступ к электронным ресурсам для людей с ограниченными возможностями.

Полагаем, что в целом реализация предложенных механизмов будет способствовать созданию прозрачной и открытой системы управления, развитию гражданского общества и улучшению качества жизни населения.

Список литературы

1. Липчанская М. А., Чаннов С. Е. Правовое обеспечение цифровой трансформации местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 239–253.
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 09.08.2024).
3. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602 (дата обращения: 09.08.2024).

4. Об определении ВКонтакте и Одноклассники в качестве информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, используемых государственными органами, в том числе судами, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, включая управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в субъектах Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, организациями, подведомственными государственным органам и органам местного самоуправления, для создания официальных страниц: распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2002 № 2523-р // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_425889 (дата обращения: 09.08.2024).

5. Об утверждении Правил размещения государственными органами, органами местного самоуправления и подведомственными организациями информации на своих официальных страницах, получения доступа к информации, размещаемой на официальных страницах, и осуществления взаимодействия с пользователями информацией на официальных страницах с использованием инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме, предусмотренной Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», и Правил взаимодействия официальных сайтов и официальных страниц с федеральной государственной информационной системой «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)», включая требования, предъявляемые к такому взаимодействию: постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2022 № 2560 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436904 (дата обращения: 09.08.2024).

6. Официальный телеграмм-канал АНО «Диалог Регионы». [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/tsurofficial> (дата обращения: 21.08.2024).

7. Официальный телеграмм-канал ЦУР [Электронный ресурс]. – URL: <https://t.me/tsurofficial> (дата обращения: 21.08.2024).

8. Соколова О. С. Структура административно-правового режима муниципальных информационных систем // Современное право. – 2012. – № 4. – С. 43–48.

9. Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363 (дата обращения: 09.08.2024).

10. Поторопина А. Е. Цифровизация местного самоуправления как фактор вовлечения населения в процессы принятия решений // Стратегические коммуникации в современном мире: сб. материалов по итогам науч.-практ. конф. Саратов: Саратовский источник. – 2020. – Т. 3. – С. 139–144.

11. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» а также в статью 15 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс]. – URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=147441> (дата обращения: 21.08.2024).

12. Чаннов С. Е., Амелин Р. В. Правовое обеспечение разработки и использования муниципальных информационных систем // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 51–62.

В. Ф. Саляхутдинов,
аспирант,

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ПРАВОВАЯ БАЗА ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КНР В ИНТЕРНЕТЕ

Аннотация. Целью исследования является определение с помощью логического и контент-анализа специфики и направленности нормативных правовых актов Китайской Народной Республики, регулирующих информационную деятельность этого государства в Интернете. Делается вывод о том, что в Китайской Народной Республике ставится акцент на усиление роли государства путем расширения технического контроля над пользователями и модерации контента, цензуры.

Ключевые слова: государство, Интернет, информация, Китай, нормативный правовой акт, право, цифровые технологии, цифровое право

LEGAL BASIS OF THE INFORMATION ACTIVITIES OF CHINA ON THE INTERNET

Abstract. The aim of the study is to determine, using logical and content analysis, the specifics and focus of the regulatory legal acts of the People's Republic of China governing the information activities of this state on the Internet. It is concluded that the People's Republic of China places emphasis on strengthening the role of the state by expanding technical control over users and moderating content, censorship.

Keywords: China, state, Internet, information, normative legal act, law, digital technologies, digital law

Введение. Создание нормативной правовой базы для информационной деятельности государства в Интернете – одно из самых актуальных направлений в современном праве. К настоящему времени в зарубежных странах накоплен довольно большой массив соответствующих законодательных актов, что требует сравнительного анализа для выявления тенденции их развития, их общих и особенных черт.

Для анализа выбраны законодательные акты Китайской Народной Республики (далее – КНР) в силу того, что в этом государстве наиболее развита эта отрасль. Также опыт Китайской Народной Республики, представляет особый интерес, так как именно он служит ориентиром для работающих в политико-государственной сфере российских специалистов, китайский подход и практика чаще всего и активнее всего воспроизводятся государственными органами России, китайские специалисты приглашаются в Россию для содействия в построении так называемого. «суверенного Интернета»: в частности, помогают в настройке оборудования и создании программного обеспечения для блокирования зарубежных интернет-ресурсов и иностранного трафика. Российские и китайские эксперты разрабатывают нормы регулирования Интернета, направленные на укрепление государственного суверенитета в киберпространстве и наделение ООН полномочиями по решению вопросов регулирования Интернета. Речь идет о деятельности РФ «Лиги безопасного Интернета», организованной при поддержке МВД, Минкомсвязи и Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей [1].

Необходимо отметить, что отечественные авторы довольно обстоятельно анализируют процесс экспансии государства в киберпространство [2].

Основная часть. С 1 июля 2017 г. в КНР действует Закон «О кибербезопасности», который наделяет правительство широкими полномочиями по контролю над пользователями (например, ограничение доступа к Интернету в целых регионах в интересах государственной безопасности и для охраны общественного порядка) и предусматривает самые серьезные меры (блокировка банковских счетов и др.) для киберпреступников, особенно тех, кто покушается на критически важные объекты энергетики, водоснабжения, транспорта. Права пользователей в киберпространстве ограничены, от провайдеров требуется регистрация всех граждан по их паспорту с последующей проверкой компетентными органами. Все данные о физических и юридических лицах – пользователях хранятся на серверах, расположенных исключительно на китайской территории, не могут передаваться за рубеж без специального разрешения государственных органов. Особое внимание уделено распространению информации и цензуре в Интернете, что разработчики закона объясняют защитой национальной культуры и традиционных ценностей, в связи с чем запрещаются к публикации любые сведения, угрожающие социальной стабильности и подрывающие систему власти [3; 4].

К институту государственного нормативного правового регулирования в КНР примыкает поддерживающий его социальный институт самоконтроля. Он представляет собой саморегулирование интернет-провайдеров (в рамках правил, принятых Государственным Советом КНР в 2000 г.), состоящее, прежде всего, в фильтрации трафика, наблюдении за действиями пользователей, составлении и передаче компетентным органам соответствующих аналитических отчетов. Например, ведется полный документированный учет всех действий пользователей в Сети с указанием информации об их устройствах и местоположении, времени совершения. Эти сведения хранятся 60 дней у интернет-провайдера. Кроме того, согласно введенным с 2015 г. «10 правилам аккаунтов», все интернет-ресурсы обязаны предоставлять реальные данные и требовать от пользователей их полной идентификации.

Также действуют многочисленные подзаконные нормативные правовые акты, касающиеся жесткой самодисциплины при распространении в Интернете информации в целях недопущения безнравственности, бойкотирования вредоносных программ, жесткой самодисциплины в борьбе с вирусным программным обеспечением и т. д.

Государственные интересы в китайском сегменте Интернета защищает и «Армия пяти Мао», в которой состоят специально обученные и оплачиваемые модераторы, которые осуществляют мониторинг всех публикаций и удаляют информацию с критикой в адрес системы власти. Каждая удаленная публикация оплачивается в размере пяти юаней (купюра с портретом Мао Цзэдуна, отсюда и название «Армия»). Эти действия санкционированы специальными нормативными правовыми актами.

Заключение. Таким образом, в КНР делается ставка на усиление роли государства путем расширения технического контроля над пользователями и модерации контента, цензуры.

Список литературы

1. О лиге [Электронный ресурс]. – URL: <https://ligainternet.ru/o-nas> (дата обращения: 19.06.2024).
2. Яковлев М. В. Государство датификации и его дисциплинарные техники: направленность социально-политической трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 71. С. 246–259.
3. King G., Pan J., Roberts M.E. How censorship in China allows government criticism but silences collective expression // American political science review. 2013. Vol. 107, № 2. P. 326–343.
4. Глазунов О. Н., Авдеенко В. В. Специфика правового регулирования сети Интернет в Китайской Народной Республике // Общество: Политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 93–96.

М. С. Ситников,
аспирант,

Волгоградский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ – ПРИЧИНА РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ МЕТАВСЕЛЕННЫХ

Аннотация. Существующие проекты метавселенных ежегодно привлекают масштабную аудиторию пользователей, большую часть из которых составляют представители молодого поколения Z и «Альфа». Являясь глобальной информационной площадкой, сфера метавселенных находится вне правового регулирования, что превращает ее в неконтролируемый инструмент информационного воздействия. Доминирующим методом исследования является статистический метод, позволивший, в частности, сформировать общую степень развитости сектора метавселенных и ее пользовательскую аудиторию. По итогам проведенной работы автором предлагается общая законодательная концепция развития направления

метавселенных в России, что позволит полноценно раскрыть возможности метавселенных на благо социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: право метавселенной, право виртуальных миров, информационная безопасность, метавселенные, национальные метавселенные, регулирование сферы метавселенных, пользователи метавселенной

INFORMATION SECURITY IS THE REASON FOR REGULATION OF THE METAVERSES AREA

Abstract. Existing metaverse projects annually attract a large audience of users, most of whom are representatives of the younger generations «Z» and «Alpha». Being a global information platform, the sphere of metaverses is outside legal regulation, which turns it into an uncontrolled instrument of information influence. The dominant research method was the statistical method, which made it possible, in particular, to form the general degree of development of the metaverse field and its user audience. Based on the results of the work, the author proposes a general legislative concept for the development of the metaverse direction in Russia, which allows for the full disclosure of the possibilities of metaverses for the benefit of the socio-economic development of the country.

Keywords: metaverse law, virtual world law, information security, metaverses, national metaverses, regulation of the metaverse area, metaverse users

Функционирование нейронов человеческого мозга основывается на информации, которая в него поступает. Как отмечает Т. В. Черниговская, нейронная сеть человека подобна его мышечной системе в том смысле, что нуждается в непрерывных тренировках посредством размышлений, вызванных чтением книг, прослушивания музыки и просмотра фильмов [4. С. 10]. Ни для кого не будет секретом то обстоятельство, что по итогам всей потребляемой человеком информации формируется его представление о мироустройстве. Таким образом, трудно переоценить значимость категории «информация» для развития человека и общества.

Особенно остро это ощущается в современном мире, когда подавляющая часть информационных потоков представлена в цифровой форме. В этой связи государство всерьез озабочено проблемой противоборства обороту деструктивной информации в сети Интернет [6, 7].

В целом сегодня можно говорить о положительной динамике государственной политики в части создания безопасной информационной инфраструктуры. Однако стоит учитывать, что развитие цифровых технологий не позволяет ставить точку в вопросе информационной безопасности. На протяжении последних нескольких лет набирает популярность идея инновационной глобальной информационной площадки, коей является метавселенная.

Не углубляясь в вопрос о возникновении и развитии концепции метавселенной в научной литературе, стоит сказать, что истоки сегодняшнего столь большого внимания к тематике метавселенной восходят к небезызвестному обращению М. Цукерберга в октябре 2021 г., где им было заявлено, что деятельность возглавляемой им корпорации сосредоточится на создании своего проекта метавселенной – Horizon Worlds (деятельность компании «Meta» на территории России запрещена). Специалисты высказывают разные точки зрения относительно данного

проекта, однако стоит признать, что его реализация пока не отличается высокой степенью успешности. В качестве примера можно привести кейс Еврокомиссии Европейского союза – было вложено чуть менее 400 000 евро для организации и проведения события-вечеринки в метавселенной, пользователями которой стали не более 10 человек [5]. Вместе с тем нельзя отрицать, что сегодня существует множество других проектов, которые получили «новый вдох» благодаря хайпу в направлении метавселенных. При этом пользовательская востребованность и развитие этих проектов набирают обороты с каждым годом. Прежде чем перейти к более детальному анализу темы, следует обратиться к понятию метавселенной.

Широкий ажиотаж к направлению метавселенных со стороны разных наук способствует формированию множества определений понятия метавселенная. Так, некоторые зарубежные философы отмечают, что метавселенная – это игра воображения, основанная на реквизитах. Реквизиты сами по себе реальны (биты, код, тактильная связь и др.), однако порождаемая ими виртуальная сущность заставляет поверить, что в действительности они таковыми не являются [13]. В свою очередь часть ученых-психологов придерживается позиции о том, что метавселенная предоставляет пользователю возможность существования в виртуальном мире в формате 3D, основанном на технологиях дополненной и виртуальной реальности [12. С. 29]. Особую сложность вызывает представление о метавселенной в юридической доктрине. Проанализировав положения российской правовой науки, можно прийти к выводу, что вопрос о понятии метавселенной является одним из «камней преткновения». Большая часть российских исследований в этой сфере содержит или общие представления о метавселенной, или слишком сложные толкования метавселенной [17. С. 118]. Учитывая положения российского законодательства и доктрины, предлагается использовать следующее юридическое понятие: «метавселенная – это непрерывно функционирующая цифровая информационная система, направленная на имитацию физического мира за счет использования технологий виртуальной и дополненной реальности и имеющая встроенную модель социально-экономического взаимодействия» [3. С. 60].

Итак, в сегодняшних реалиях мы можем говорить о широком изобилии проектов метавселенных. В данном случае можно говорить о недавно созданных платформах, таких как, например, «КоМета» от российской компании «Сбер», «МТС VERSE», разработчиком которой выступила компания «МТС», так и о более ранних платформах, существующих уже сравнительно давно. В качестве примера последних можно привести, в частности, Roblox (год основания – 2006 г.), Decentraland (год основания – 2017 г.) и Spatial (год основания – 2017 г.). Кроме этого, нельзя не отметить, что направление метавселенных интересует ряд государств, среди которых можно выделить, к примеру, Южную Корею, где уже тестируется национальная модель метавселенной Metaverse Seoul и Китайскую Народную Республику, власти которой всерьез намерены создавать собственные метавселенные [2].

Возникает интересный вопрос о том, почему популярность проекта Roblox значительно превосходит многие другие. Представляется, что это обуславливается широким распространением геймификационных механик. Дело в том, что изначально проект Roblox рассматривался не более, чем многопользовательская он-

лайн-игра. Однако в последнее время функционал платформы существенным образом расширился, что благоприятным образом отразилось на количестве пользователей. Более того, многие известные бренды дислоцируются в пространстве Roblox. На середину августа 2024 г. наиболее посещаемыми площадками российских компаний в Roblox являются следующие: площадка компании «Ашан» – 3,81 млн чел. [17], площадка приложения «Yapru» – 3,7 млн чел. [18], площадка киностудии «Союзмультфильм» – 2,7 млн чел. [19], площадка компании «Магнит» – 2,11 млн чел. [20] и др. На первый взгляд может показаться, что приведенный охват аудитории выглядит очень высоким. Однако, обращаясь к статистическим данным (по состоянию на август 2024 г.) о самых популярных площадках в Roblox, можно сказать, что их аудитория исчисляется не миллионами, а миллиардами (десятками миллиардов) пользователей) [16].

Конечно, Roblox нельзя назвать полноценной метавселенной, поскольку не отвечает всем ее признакам (к примеру, нет возможности использовать технологий виртуальной и дополненной реальности), однако востребованность в развитии метавселенных заставляет задуматься над правовыми основами информационной безопасности. Российские ученые отмечают, «что главная угроза дальнейшей интеграции технологии метавселенной сводится к деградации системы ценностей и морали в виртуальном мире. Это грозит катастрофическими последствиями для мира физического» [1, 8].

Информационная политика России направлена, в частности, на защиту детей от информации деструктивного характера. Существуют отдельный закон в этой сфере – ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [9]. Стоит сказать, что похожим, но менее строгим образом реализуется политика по защите молодежи от негативного информационного влияния. Сегодня реализуются многие программы, включая грантовые, направленные на воспитание молодого поколения в целях формирования патриотических установок.

Поскольку имеется явная информационная причина регулирования области метавселенных, то в данном случае возникает дилемма относительно методов будущего регулирования. Можно предположить, что, с одной стороны, наиболее действенным и простым является запретительный метод, то есть поставить крест на возможности развития и легальном использовании метавселенных на территории России. Вместе с тем, с другой стороны, обратная сторона медали названного метода не позволяет раскрыть весь потенциал технологии метавселенной, что могло бы позитивным образом отразиться на социально-экономическом развитии страны. Ученые всего мира в унисон утверждают, что, помимо угроз и рисков метавселенных, в ней таится огромное количество возможностей [4, 14, 15]. Одной из наиболее популярных сфер социальной жизни в этой связи является образовательная среда.

По мнению И. А. Филиповой «работа над созданием норм права, учитывающих происходящие изменения, связанные с виртуализацией среды, становится неизбежной в ближайшие годы, причем поиск правовых решений не ограничится рамками одной отрасли права, а вызовет необходимость комплексного подхода и межотраслевого взаимодействия» [21].

Наличие только лишь образовательного потенциала сектора метавселенных позволяет использовать ее для обеспечения информационной безопасности. Речь идет о том, что наша страна может «встать у руля» сферы метавселенных и войти в число лидеров по разработке этой технологии, что позволит сделать еще один шаг по направлению к цифровому суверенитету. Таким образом, сегодня необходимо обеспечить законодательное развитие метавселенных. Реализация данного положения возможна через разработку и принятие российской стратегии развития метавселенных.

Список литературы

1. Гуров О. Н., Конькова Т. А. Метавселенные для человека или человек для метавселенных // Искусственные общества. 2022. Т. 17, № 1.
2. Кто сидит в метавселенных? Целевая аудитория разных платформ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.maff.io/media/audience_metaverse (дата обращения: 25.08.2024).
3. Ситников М. С. Финансово-правовое развитие общественных отношений с использованием цифровых валют в метавселенных // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2, № 1. С. 200–220. EDN YXCJNO.
4. Сорокина Г. В. Метавселенная и проблемы современного образования / Г. В. Сорокина, Ф. Н. Гуров // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 9–23.
5. Только несколько человек пришло на организованную Еврокомиссией вечеринку в метавселенной за €387 тыс. [Электронный ресурс]. – URL: <https://habr.com/ru/news/703070/> (дата обращения: 25.08.2024).
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 05.07.2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
7. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 12.12.2016. – № 50, ст. 7074.
8. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 14.11.2022. – № 46, ст. 7977.
9. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. – 03.01.2011. – № 1. – Ст. 48.
10. Черниговская Т. В. Проф. Т.В. Черниговская: «...нельзя бездумно следовать технологической линии развития нашей цивилизации, это путь в никуда...» // Доктор.Ру. – 2017. – № 1(130). – С. 9–10.
11. Auchan City [Снова в школу!] [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.roblox.com/games/14931042744> (дата обращения: 25.08.2024).
12. Buana I. M. W. Metaverse: Threat or opportunity for our social world? In understanding metaverse on sociological context // Journal of Metaverse. – 2023. – Т. 3, №. 1. – P. 28–33.

13. Chen M. The philosophy of the metaverse // Ethics and Information Technology. – 2023. – Т. 25. – №. 3.
14. Inceoglu M. M., Ciloglulugil B. Use of Metaverse in education // International conference on computational science and its applications. – Cham : Springer International Publishing, 2022. – P. 171–184.
15. Lin H. et al. Metaverse in education: Vision, opportunities, and challenges // 2022 IEEE International Conference on Big Data (Big Data). – IEEE. – 2022. – P. 2857–2866.
16. List of places with the most visits [Электронный ресурс]. – URL: https://roblox.fandom.com/wiki/List_of_places_with_the_most_visits (дата обращения: 25.08.2024).
17. Sitnikov M. S. The Russian Legal Researches on Metaverses: a Scholar Review // Legal Issues in the Digital Age. – 2024. – № 1. – P. 98–121.
18. YAPPY UNIVERSE [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.roblox.com/games/10990329574> (дата обращения: 25.08.2024).
19. [ЛЕТО] Простоквашино [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.roblox.com/games/15110216808> (дата обращения: 25.08.2024).
20. [FREE UGC] Скрепypiши Топ в Магните [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.roblox.com/games/17399899159/FREE-UGC> (дата обращения: 25.08.2024).
21. Филипова И. А. Создание метавселенной: последствия для экономики, социума и права // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 1. С. 7–32. EDN: LCCOJJ

П. В. Соловьев,

кандидат юридических наук,
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА, ЭЛЕКТРОННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРГАН КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются возможные направления развития субъектного состава современных правовых отношений в условиях цифровизации. Рассмотрен вопрос о введении правовой категории электронных юридических лиц и электронных государственных органов. Обращено внимание, что трансформация субъектного состава правоотношений требует разработки дополнительных правовых гарантий обеспечения конституционного правопорядка. Введение новых элементов в субъектный состав правоотношений не должно влечь понижение уровня правовой защищенности иных субъектов права.

Ключевые слова: цифровизация права, субъекты правовых отношений, электронные лица, электронные юридические лица, электронный государственный орган, цифровое должностное лицо

ELECTRONIC LEGAL ENTITIES, ELECTRONIC STATE BODY AS POTENTIAL DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE SUBJECT COMPOSITION OF MODERN LEGAL RELATIONS

Abstract. The article considers possible directions of development of the subject composition of modern legal relations in the context of digitalization. The issue of introducing the legal category of electronic legal entities and electronic state bodies is considered. Attention is drawn to the fact that the transformation of the subject composition of legal relations requires the development of additional legal guarantees for ensuring law and order. The introduction of new elements in the subject composition of legal relations should not entail a decrease in the level of legal protection of other subjects of law.

Keywords: digitalization of law, subjects of legal relations, electronic persons, electronic legal entities, electronic state body, digital official

Введение. Сегодня цифровизация является одной из главных тем правовых исследований, что вполне обоснованно. Цифровая трансформация изменяет привычные общественные отношения (цифровизация экономики, цифровизация отношений в сфере оборота персональных данных, цифровизация СМИ, цифровизация правового просвещения и др.) и является катализатором появления совершенно новых, ранее не существовавших типов связей между членами общества (использование систем искусственного интеллекта, взаимодействие в социальных сетях и метавселенных и др.). В этой связи можно говорить и об изменении субъектного состава общественных отношений в условиях цифровизации, что, разумеется, ставит вопрос о возможной трансформации представлений о субъектах правовых отношений [1].

Основная часть. Большая часть исследований по проблемам трансформации субъектного состава правоотношений в условиях современного цифрового общества сконцентрирована на вопросе о потенциальной возможности признания правосубъектности за системами искусственного интеллекта (в том числе в части роботов высокой степени автономности). В этой связи в юридической доктрине активно ведется разработка категории «электронное лицо» [4, 5], под которой понимается юридическая конструкция, предполагающая предоставление определенной правосубъектности системам искусственного интеллекта [6, 7].

Этот особый правовой статус в том числе предполагает возможность такого автономного робота нести ответственность за причиненный им ущерб в тех случаях, когда он принимал решения автономно (п. 59).

Акт в большей части направлен на обеспечение безопасности и прозрачности использования искусственного интеллекта, а также соблюдения прав человека в различных сценариях его использования государством и бизнесом. Однако, на наш взгляд, в силу распространения систем искусственного интеллекта в различных сферах общества уже присутствует необходимость разработки института квазюридической ответственности в отношении систем искусственного интеллекта. Вопрос юридической ответственности электронных лиц является достаточно дискуссионным.

– органы юридического лица могут представлять из себя цифровую платформу принятия решений и осуществления контроля за деятельностью организации; как в настоящее время предпринимаются попытки проведения судебных заседаний с использованием технологии виртуальной реальности, так и коллегиальные органы юридического лица (собрание, совет, правление и т. д.) могут осуществлять свою работу, например, в метавселенной.

В первую очередь, это касается коммерческих юридических лиц, но в определенной степени применимо к некоммерческим юридическим лицам, политическим партиям, общественным объединениям, а также государственным органам. Ведь последние формально имеют статус юридического лица, и фактически – схожую внутреннюю и внешнюю деятельность.

Политические партии и общественные объединения соответственно могут трансформировать в электронные политические партии и электронные общественные объединения. Например, определение электронной политической партии можно формулировать следующим образом: общественное объединение людей в цифровом пространстве, которые преследуют политические цели, в том числе посредством участия в выборах, при этом выявление и выражение политической воли граждан осуществляется различными цифровыми инструментами. В первую очередь, само объединение граждан с общими политическими интересами и идеалами, взаимодействие членов партии происходит в цифровой среде (интернет-сообщества, сообщества в социальных сетях и т. п.). Такая политическая партия, как и электронное юридическое лицо, не нуждается в физической оболочке (проведение офлайн учредительных съездов, наличие физического юридического адреса и т. д.) как этого требует действующее законодательство о политических партиях.

Однако в условиях цифровой трансформации государственного аппарата «утилитарное рассмотрение государства на уровне института обслуживания потребностей населения» [3. С. 59] неверно. Физическое воплощение отдельных государственных органов: административное здание, материальные атрибуты власти, физический контакт с должностным лицом – выступают важным элементом государственности и позволяет государствам выполнять особую функцию в истории народов и человечества в целом. Следует признать, что «роль государства нельзя свести исключительно к сервисной деятельности. Существует целый ряд ситуаций, в которых «оцифровка» взаимоотношений человека, общества и государства является недопустимой и разрушающей само понимание государства как особого общественного института, укорененного в истории и культурной традиции» [2. С. 17].

Если деятельность государства представить в таких плоскостях, как правотворчество, правоприменение и отправление правосудия, то появление электронных государственных органов и цифровых должностных лиц допустимо в отдельных сферах правоприменительной деятельности, для исключения формального подхода при разрешении нетипичных жизненных ситуаций и обеспечения справедливого правоприменительного решения).

Заключение. Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. В нормативно-правовую плоскость следует ввести категорию «электронное юридическое лицо», предусмотрев возможность юридическому лицу полностью осуществлять внутреннюю и внешнюю деятельность в цифровой среде (например, такой элемент, как место нахождения юридического лица в виде физического адреса должен стать факультативным). С одной стороны, указание на электронную форму юридического лица обозначает риски для субъектов, которые взаимодействуют с таким лицом, с другой – позволяет законодателю формировать специальный правовой статус для электронных юридических лиц.

2. Дальнейшем этапом развития категории «юридическое лицо» может стать его трансформация из электронного юридического лица в цифровое юридическое лицо, где отличительным признаком будет являться то, что его полное или частичное управление будет осуществляться системой искусственного интеллекта.

3. Цифровая трансформация блока юридических лиц требует разработки дополнительных правовых гарантий обеспечения конституционного правопорядка. Введение новых элементов в субъектный состав правоотношений не должно влечь понижение уровня правовой защищенности иных субъектов права.

Список литературы

1. 30 лет Конституции Республики Беларусь: тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 19 марта 2024 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: отв. ред. П.В. Гридюшко [и др.]. Минск: Академия МВД, 2024. 131, [1] с.

2. Александров В. Б. Идея цифрового государства перед лицом русской культурной традиции понимания смысла государственной власти // Управленческое консультирование. 2020. № 2. С. 16–21.

3. Ипатов В. Д., Климович Ю. С. О приоритетных направлениях научно-правовых исследований в условиях цифровизации общества и государства // Право.by. 2023. № 6 (86). С. 54–61.

4. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.

5. Павлов В. И. Правосубъектность роботов как электронных лиц и возможные модели их юридической ответственности // Право.by. 2023. № 6 (86). С. 74–84.

6. Artificial Intelligence Act [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689> (date of access: 05.09.2024).

7. Civil Law Rules on Robotics [Electronic resource] // European Parliament. Mode of access: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (date of access: 05.09.2024).

А. А. Чеботарева

доктор юридических наук, доцент,
Российский университет транспорта

СУВЕРЕНИТЕТ В ЦИФРОВОМ МИРЕ – НОВЫЕ ЛИ ВЫЗОВЫ?

Аннотация. В статье исследуются траектории стремления современных государств к цифровому и технологическому суверенитету. Рассматриваются такие вопросы, как защита данных, обеспечение кибербезопасности в целом. Приводятся некоторые подходы российских и зарубежных ученых.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, технологический суверенитет, безопасность, автономия, кибербезопасность, цифровые технологии, искусственный интеллект

SOVEREIGNTY IN THE DIGITAL WORLD - ARE THE CHALLENGES NEW?

Abstract. The article explores the trajectories of modern states' aspirations to digital sovereignty. In direct connection with it is technological sovereignty, to which the author also pays fair attention. The problem is complex, encompassing a “pool” of the most burning issues: data protection and cybersecurity in general. Some approaches of Russian and foreign scientists are given.

Keywords: digital sovereignty, technological sovereignty, security, autonomy, cybersecurity, digital technologies, artificial intelligence

Введение. Не вдаваясь в дискуссию о значении цифрового суверенитета для любого современного государства, отметим лишь, что вызовы суверенитету (любому – государственному в целом, цифровому, технологическому) всегда осознаются и исследуются на предмет возможностей противостояния им. А для России обеспечение суверенитета – приоритет безусловный, что в очередной раз подчеркнуто на уровне государства в преамбуле Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [1], напрямую нацеленной на укрепление государственного, культурно-ценностного и экономического суверенитета, обеспечения безопасности государства и общественной безопасности, высокой эффективности и технологичности.

Основная часть. Неслучайно зарубежными авторами данная проблематика активно поднимается. Так, Tambiama Madiaga, представив свое исследование в статье «Цифровой суверенитет для Европы» [4], исследуя сам контекст зарождающегося стремления к «цифровому суверенитету», замечает факт обеспокоенности, что граждане, предприятия и государства-члены Европейского союза постепенно теряют контроль над своими данными, над своим инновационным потенциалом и над своей способностью формировать и применять законодательство в цифровой среде. Как следствие, и ответ на принципиально новые вызовы, включает автор: растет поддержка нового политического подхода, направленного на укрепление стратегической автономии Европы в цифровой сфере. И это тре-

бует от Европейского союза обновления и адаптации ряда существующих правовых, нормативных и финансовых инструментов, а также стремления более активно продвигать европейские ценности и принципы в таких областях, как защита данных, кибербезопасность и этически продуманный искусственный интеллект.

Дискурс по поводу как цифрового суверенитета, так и технологического приводит как к неоднозначному пониманию данных концептов, так и нередко идентичному. Неоднозначность подходов прослеживается и на ведущих дискуссионных площадках, одной из которой выступает ежегодный Петербургский международный юридический форум, в программе которого заявлялись тематики: «Правовое обеспечение научно-технологического суверенитета России, «Цифровой суверенитет и безопасность граждан: правовые модели», «Технологический суверенитет и низкоуглеродная энергетика: взгляд в завтрашний день», «Технологическая экосистема будущего: на благо человека и планеты» и др.

О поддержке проектов технологического суверенитета в ключевых отраслях экономики говорится в утвержденной в 2023 году Концепции технологического развития на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р [2].

Следует отметить, что в российской науке преимущественно в содержание данных понятий вкладываются разные по своей сути характеристики. Исследователи каждого из концептов делают акценты на различных составляющих и проблемах. Так, о технологическом суверенитете применительно к задаче создания инновационной экосистемы высокотехнологичной промышленности России пишут профессор Т. В. Щукина с коллегами, предпринимая попытку «установления особенностей в правовом регулировании условий новых институтов обеспечения технологического суверенитета России, сущности акселерационных программ отбора инновационных проектов и их финансирования» [10. С. 11–14]. А еще в одной из работ [9. С. 451] она совершенно своевременно задачи исследования определяет как направленные на фиксацию формирования серьезной научно-технологической политики, способной отвечать на возникающие внешние вызовы и нивелировать создаваемые риски. И актуализирует вопрос о роли науки и образования как народной дипломатии в экспорте образования в дружественные страны.

В отношении цифрового суверенитета в науке также прослеживается как вполне оправданный исследовательский интерес, так и неоднозначность подходов, включая и само понятие (цифровой суверенитет, информационный, суверенитет в цифровом мире и пр.) [6; 7; 8; 11].

Однако анализ ряда научных работ коллег из других стран обнаруживает, как это можно проследить, к примеру, в работе «Digital/ sovereignty and European security integration: an introduction» [3] (Rocco Bellanova, Helena Carrapico & Denis Duez), что понятие цифрового суверенитета часто называют технологическим суверенитетом, и эта проблематика в последние годы набирает обороты в политическом и политическом дискурсе Европейского союза. Как отмечают авторы упомянутого нами исследования, дискурс и практика цифрового суверенитета переосмысливают европейскую интеграцию в сфере безопасности. Ученые выдвигают в качестве основного аргумента то, что цифровой суверенитет имеет как прямые, так и косвенные последствия для европейской безопасности, поскольку Европей-

ский союз пытается развивать и контролировать цифровые инфраструктуры (суверенитет над цифровыми технологиями), а также использовать цифровые инструменты для управления европейской безопасностью (суверенитет через цифровые технологии). Таким образом, необходимо продолжить изучение цифрового суверенитета как с точки зрения европейской политики, так и с точки зрения повторной артикуляции суверенной власти и цифровых технологий – то, что они предлагают назвать цифровым/суверенным суверенитетом.

Milton Mueller, профессор Georgia Institute of Technology, рассуждает, что смысл понятия «цифровой суверенитет» (ЦС) не так сложен, как многие его представляют. И полагает, что вообще базовое понятие суверенитета – это хорошо понятное понятие. Теория, лежащая в его основе, обсуждалась и разрабатывалась в политологии и международных отношениях на протяжении веков, начиная с Жана Бодена в XVI веке. А с практической точки зрения концепция суверенитета играет центральную роль в практике международного права и международной политики на протяжении как минимум двух столетий [5].

Из этого сложного и продолжительного дискурса и вытекает общепринятое определение: суверенитет означает, что государство обладает верховной и исключительной властью на территории; оно не подвержено ни внутренним конкурентам, ни нежелательному внешнему влиянию. А вот когда к суверенитету добавляется «цифровой», вопрос становится более сложным. Но причина не в том, что значение термина «суверенитет» неясно; проблема заключается в огромном несоответствии между суверенитетом и реалиями киберпространства.

Заключение. В завершение некоторых тезисов относительно заявленной проблематики еще раз подчеркнем приоритетность обеспечения государственного суверенитета в целом, цифрового, технологического, что должно выступать крепким защитным «щитом» от любых вызовов, как проявившихся ранее, так и самых новейших. Хотя, строго говоря, новые, либо новейшие вызовы концентрируются вокруг традиционных проблем – защиты данных, инфраструктуры, обеспечения безопасности. Другое дело – что по мере развития цифровых технологий должен вырабатываться и самый эффективный инструментарий в области организационно-правового обеспечения цифрового и технологического суверенитета.

Список литературы

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации № 309 от 7 мая 2024 года // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991 (дата обращения: 05.08.2024).
2. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»): Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895 (дата обращения: 02.09.2024).
3. Bellanova R., Carrapico H., Duez D. Digital/sovereignty and European security integration: an introduction // European Security. 2022. № 31(3). Pp. 337–355. <https://doi.org/10.1080/09662839.2022.2101887>.

4. Madiaga T. Digital sovereignty for Europe // EPRS | European Parliamentary Research Service. PE 651.992 - July 2020. [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.europarl.europa.eu/Reg-Data/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI\(2020\)651992_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/Reg-Data/etudes/BRIE/2020/651992/EPRS_BRI(2020)651992_EN.pdf) (дата обращения: 01.09.2024).
5. Mueller M., Georgia Institute of Technology, USA. Digital sovereignty: What does it mean? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.internetgovernance.org/wp-content/uploads/Digital-sovereignty-IGF2021.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
6. Бажина М. А. Развитие транспортной деятельности в условиях цифрового суверенитета государства // Предпринимательское право. 2023. № 3. С. 36–41.
7. Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. 2021. № 11. С. 28–33.
8. Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31.
9. Щукина Т. В. Вопросы технологического суверенитета России: публично-правовые аспекты // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции: в 6 т. / И.Р. Бегишев [и др.]. Казань: Познание, 2022. С. 451–461.
10. Щукина Т. В., Забайкалов А. П., Зуева В. В. Деятельность Минобразования в формировании новых институтов технологического суверенитета в промышленности // Вопросы экономики и права. 2022. № 9 (171). С. 11–14.
11. Роблес-Каррильо М. Суверенитет и цифровой суверенитет // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 3. С. 673–690. EDN: nfwlyf

В. Н. Чуркин,
аспирант,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ
КОРРУПЦИОННЫХ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления автоматизации деятельности и конкретные цифровые технологии (системы), эксплуатируемые подразделениями федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Выявлен ряд проблем (ограничений) применения таких технологий (сервисов). На основе проведенного анализа используемых решений, а также нормативного материала сформированы предположения о возможных «векторах» дальнейшей цифровизации деятельности указанных подразделений.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, федеральные государственные органы, противодействие коррупции, проблемы, автоматизация, сервисы

THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF DEPARTMENTS OF FEDERAL GOVERNMENT AGENCIES FOR THE PREVENTION OF CORRUPTION AND OTHER OFFENSES: STATUS, PROBLEMS, PROSPECTS

Abstract. The article discusses the main directions of automation of activities and specific digital technologies (systems) operated by departments of federal government agencies for the prevention of corruption and other offenses. A number of problems (limitations) of the use of such technologies (services) have been identified. Based on the analysis of the solutions used, as well as regulatory material, assumptions about possible «vectors» of further digitalization of the activities of these departments have been formed.

Keywords: law, digital technologies, federal government agencies, anti-corruption, problems, automation, services

Введение. Коррупция вне зависимости от исторического контекста, общественного устройства и правовых реалий представляла и представляет собой одну из наиболее актуальных проблем, стоящих перед любым общественным объединением, так как способна подорвать самые основы государственного устройства и является благодатной почвой для формирования неблагоприятной криминогенной обстановки.

В то же время, с точки зрения принципал-агентской модели, подразумевающей делегирование принципалом (народом), обладающим ресурсами, исполнение определенных целей и задач агенту (органам власти) за вознаграждение [2. С. 156–171], наиболее опасно проявление коррупционных рисков в деятельности непосредственно государственного аппарата, обеспечивающего так называемый «публичный интерес».

Основная часть. Особенно актуально вопрос предотвращения коррупции в системе государственного управления стоит в текущих условиях беспрецедентного санкционного давления на Российскую Федерацию и связанных с этим международных событий, диктующих необходимость кратного повышения эффективности расходования всегда ограниченных бюджетных средств, в том числе в оборонно-промышленном секторе.

Обеспечить выполнение этой непростой задачи на этапе, когда коррупционный риск присутствует, но еще не реализован, призваны сформированные в федеральных органах государственной власти подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений (далее – Подразделения).

Вместе с тем следует учитывать, что в цифровую эпоху, характеризующуюся повсеместной «диджитализацией» социально-экономических отношений, использованием разветвленных цифровых сервисов и нейросетевых интерфейсов, где информация имеет ключевую ценность, негативные последствия от реализации коррупционных рисков в деятельности органов государственной власти такжекратно возрастают, ведь неправомерные действия отдельных их представителей,

совершенные с использованием цифровой инфраструктуры, охватывают теперь гораздо большее количество граждан и иных категорий общества, существенно повышая как размер причиняемого ущерба, так и ресурсов, требуемых для его устранения.

В то же время анализ научных публикаций [1. С. 28–32; 12; 14. С. 184–192] по данному вопросу показал, что авторами, как правило, уделяется внимание рассмотрению, прежде всего, «инфраструктурных» решений (технологий), применяемых на государственном уровне и влияющих, в том числе, на общее снижение вероятности реализации коррупционных рисков. Речь здесь идет о применении технологий «блокчейн» в закупках, а также при осуществлении публично значимых транзакций, равно как и, например, «цифрового рубля», сервисов, оперирующих категорией «больших данных» (big data), использовании «искусственного интеллекта» и тематических порталов (для подачи жалоб и обращений, публикации проектов разрабатываемых нормативных правовых актов и т. д.), цифрового профилирования отдельных категорий граждан с внедрением моделей оценки (скоринга) их профессионального поведения, системы «электронное правительство» (e-government) с порталом государственных услуг, исключаяющим «человеческий фактор» за счет автоматизации (алгоритмизации) процедур предоставления отдельных таких услуг и т. д.

Тем не менее в настоящей работе мы хотели бы сосредоточить свое внимание на более предметной теме, рассмотрев состояние, проблемы и перспективы использования некоторых цифровых технологий в профессиональной деятельности подразделений.

Очевидно, что во многом выбор цифровых решений, применяемых в деятельности подразделений, обусловлен их задачами и функциями.

Так, среди прочих, пункт 6 Типового положения о подразделении федерального государственного органа по профилактике коррупционных и иных правонарушений, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 15 июля 2015 г. № 364 [7], к основным функциям такого подразделения относит деятельность по обеспечению соблюдения федеральными государственными служащими антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей, требований к служебному поведению, включая недопущение и/или предотвращение конфликта интересов, устранение причин, способствующих его возникновению, консультирование по соответствующим вопросам, проведение антикоррупционного просвещения, а также анализ и проверку представляемых отдельными категориями лиц в установленном законодательством порядке сведений (справок) о доходах (расходах), об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Так, правовую основу ГИС «Посейдон» в настоящее время составляет Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 года № 232 [5], утвердивший положение о ней, а также преимущественно в технической части – распоряжение Администрации Президента Российской Федерации от 2 августа 2022 года № 562, которым утверждены организационные основы подключения внешних пользователей к ГИС «Посейдон» и доступа к содержащейся в ней информации, организационные основы информационного взаимодействия ГИС «Посейдон» с поставщиками информации, а также порядок информационного взаимодействия ГИС «Посейдон» с другими информационными системами [6].

Тем не менее условия для внедрения в деятельность Подразделений ГИС «Посейдон» (ранее – «Байкал – Посейдон»), эксплуатируемой до этого лишь в Администрации Президента Российской Федерации, были заложены гораздо раньше [8].

По сути, указанная система представляет собой программно-аппаратный комплекс, позволяющий получать достоверные сведения из агрегированных информационных баз ряда государственных органов – поставщиков информации (ФНС России, Росфинмониторинг, Росимущество и т. д.) [4, 15. С. 252].

Далее для краткости и удобства восприятия покажем особенности эксплуатации подразделениями ряда иных цифровых технологий (инструментов) в табл. 1.

Таблица 1

Некоторые цифровые технологии (инструменты), используемые в деятельности подразделений федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений

№ п/п	Название	Правовая основа	Сущность / возможности / преимущества	Проблемы / ограничения
1.	Специальное программное обеспечение «Справки БК»	Указ Президента Российской Федерации от 23 июня 2014 г. № 460 [4], иные нормативные правовые акты	– Заполнение справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в удобном цифровом формате; – унифицированная форма; – подсказки и предзаполнение отдельных сведений; – возможность переноса данных – заполнение на основе ранее введенной информации; – упрощение анализа и проверки сведений	– Не всегда своевременная актуализация версии программы разработчиком согласно произошедшим изменениям законодательства; – сложности с установкой и использованием программы на некоторых операционных системах (вопросы совместимости);
2.	Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации (федеральная государственная информационная система)	Постановление Правительства Российской Федерации от 3 марта 2017 г. № 256 [11]	– Автоматизация кадровой работы (ведение анкет с учетными данными государственных служащих, оформление трудоустройства, отпусков, чинов и наград, заработной платы, иных выплат, увольнения и т. д.), включая ин-	- Слабая координация участников эксплуатации системы (координатор, оператор, непосредственные пользователи); - недоработанность и ошибки отдельного функционала Подсистемы; - продолжающийся «экспериментальный»

№ п/п	Название	Правовая основа	Сущность / возможности / преимущества	Проблемы / ограничения
			формационно-аналитическое и нормативно-правовое ее обеспечение; – ведение электронного документооборота, включая дистанционный обмен сведениями с другими ведомствами; – консолидация информации о кадровом составе; – размещение описаний доступных вакансий и дистанционный обмен документами в этой части; – наличие подсистемы обеспечения соблюдения требований к служебному поведению, урегулирования конфликта интересов и противодействия коррупции (размещение и обработка, а также автоматизированная первичная проверка представляемых справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, ведение специализированных учетных журналов и т. д.) (далее – Подсистема); – публичное размещение реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия	режим эксплуатации Подсистемы (отсутствие формализованного указания обязательного использования в профессиональной деятельности)

№ п/п	Название	Правовая основа	Сущность / возможности / преимущества	Проблемы / ограничения
3.	Справочно-аналитические системы по проверке контрагентов	-	Выявление возможности участия в управлении коммерческой или некоммерческой организацией	– Коммерческий (возмездный) характер использования указанных систем – необходимость обоснования и выделения соответствующего бюджета; - необязательность (добровольность) применения в деятельности указанных систем

Проведенный анализ эксплуатации подразделениями упомянутых инструментов демонстрирует достаточно глубокое проникновение в их профессиональную деятельность различных цифровых решений, в целом адекватных возникающим вызовам (рискам) и соответствующим требованиям времени. Проблемы же, выявленные в ходе анализа, не несут критической угрозы развитию данной сферы и могут быть оперативно разрешены «малыми ресурсами» – преимущественно за счет повышения информированности (обучения) участников эксплуатации соответствующих систем, а также выстраивания эффективных каналов коммуникации между (конечными) пользователями и разработчиками (операторами). Однако в отдельных случаях потребуются определенная доработка функционала и устранение уже выявленных технических ошибок, работа над совместимостью.

В то же время, в зависимости от специфики деятельности и имеющихся ресурсов (возможностей), те или иные федеральные государственные органы могут применять в антикоррупционной деятельности иные цифровые технологии [9, 10, 16]. Внедрение данного модуля, представленного «личными кабинетами» соответствующих уполномоченных лиц с размещенными для регулярных заполнения и отправки мониторинговыми формами по различным аспектам проводимой «на местах» антикоррупционной работы, позволило автоматизировать и значительно повысить удобство анализа эффективности осуществления мероприятий по профилактике коррупционных и иных правонарушений, «связать» географически обособленные организации и заграничные учреждения в единую «сеть», а также оперативно реагировать на возможные инциденты, возникающие риски. Министерство также выступило «пионером» во внедрении в антикоррупционную просветительскую деятельность инструментов, основанных на технологиях «искусственного интеллекта» – а именно «нейросетей» для подготовки графического контента, создания и использования во внутренних коммуникациях цифрового аватара (виртуального сотрудника) [13. С. 121–124].

Указанный опыт, а также наблюдаемые тенденции с учетом Стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от

16 марта 2024 г. № 637-р [3], позволяют сделать предположения о дальнейших «векторах» цифровизации антикоррупционной деятельности подразделений:

- внедрение и применение в деятельности федеральных государственных органов, включая риски возникновения у федеральных государственных служащих конфликта интересов (впрочем, для этого прежде полагается необходимым формирование практики и создание правовой основы для принудительного декларирования интересов отдельными сотрудниками, замещающими коррупционно-опасные должности, на регулярной основе);

- автоматизация иных направлений деятельности Подразделений за счет использования специализированного программного обеспечения в части осуществления проверочных мероприятий и непосредственно проверок (в том числе за счет возможного внедрения решений типа e-discovery и DLP-систем контроля/мониторинга деятельности сотрудников на рабочих местах, применения OSINT-методов («разведка по открытым источникам» в отношении «фигурантов»)), работы каналов для информирования о коррупционных правонарушениях («горячая линия»), формирования и направления отчетности и т. д.;

- применение передовых соответствующих профилю целевой аудитории каналов коммуникации и консультирования (социальные сети и мессенджеры, в том числе собственные внутренние решения / площадки), автоматизация данной работы за счет использования для консультирования по «стандартным» вопросам ботов с технологией искусственного интеллекта;

- «диджитализация» просветительского контента (представление исключительно в цифровом формате – видеоролики, игры, баннеры и т. д.), использование для его подготовки / генерации ИИ-инструментов (нейросетей);

- иные «векторы».

Заключение. Очевидно, что масштабные, а, главное, неизбежные цифровизация и автоматизация деятельности подразделений федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений будут способствовать кратному снижению уровня рисков в данной сфере, но также потребуют четкой правовой регламентации использования соответствующих сервисов (инструментов) во избежание злоупотреблений (нецелевого использования), равно как и комплексного обучения вовлеченных в соответствующую работу сотрудников для приобретения ими необходимых компетенций и освоения профильных навыков в целях эффективного исполнения должностных обязанностей в изменяющихся условиях.

Список литературы

1. Меняйло Д. В., Крупенникова К. К. О противодействии коррупции в условиях цифровой трансформации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 3. С. 28–32.

2. Михайлова О. В., Скоробогатова А. В. Общество против коррупции: взгляд через призму принципал-агентской модели // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 156–171.

3. Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472443 (дата обращения: 05.09.2024).

4. Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 23.06.2014 № 460 (ред. от 25.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164568 (дата обращения: 05.09.2024).

5. О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 232 (ред. от 26.10.2023) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415707 (дата обращения: 05.09.2024).

6. О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Распоряжение Администрации Президента Российской Федерации от 02.08.2022 № 562 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mo.mosreg.ru/download/document/13595679> (дата обращения: 05.09.2024).

7. О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции: Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2015 № 364 (ред. от 26.06.2023) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182823/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928 (дата обращения: 05.09.2024).

8. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы: Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301352 (дата обращения: 05.09.2024).

9. О порядке создания, эксплуатации и совершенствования государственной информационной системы промышленности: Постановление Правительства Российской Федерации от 25.07.2015 № 757 (ред. от 01.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183709 (дата обращения: 05.09.2024).

10. Отчет о реализации Плана мероприятий по противодействию коррупции Министерства промышленности и торговли Российской Федерации, утвержденного приказом Минпромторга России от 19 мая 2014 г. № 944, по итогам первого полугодия 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://minpromtorg.gov.ru/storage/797ced43-043d-4b4e-b72b-3d36984adbc7/ssp-documents/5b5e2650-ae4e-4085-91c9-57d0b5f13b20/662fc428-1ffd-486e-8249-a21fc472030b.pdf> (дата обращения: 05.09.2024).

11. О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации»: Постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.2017 № 256 (ред. от 11.06.2024) [Электронный ресурс] // СПС

«КонсультантПлюс».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213722 (дата обращения: 05.09.2024).

12. Противодействие коррупции и процессы цифровизации: научно-практическое пособие / Ю.В. Трунцевский, А.М. Цирин, Е.В. Черепанова и др. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2023.

13. Сборник докладов участников учебно-методического семинара, проведенного 27 ноября 2023 года, для представителей подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений центральных аппаратов федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL:

<https://epp.genproc.gov.ru/documents/1664002/94757358/sbornik2023.pdf/1c22a6d4-c41c-0e88-3e78-3c8dd926b128?t=1714661619548&download=true> (дата обращения: 05.09.2024).

14. Соколов М. С. Профилактика и предупреждение коррупции посредством цифровых и информационных технологий // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 184–192.

15. Фарахиев Д. М. Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 250–254.

16. Черепанова Е. В., Матулис С. Н. Правовые предпосылки унификации форм статистической отчетности о результатах реализации мер по противодействию коррупции // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 159–170.

Р. К. Шаймуллин,

кандидат юридических наук, доцент,
Оренбургский государственный университет

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. В статье приводится краткий анализ отдельных направлений цифровизации государственно-частного партнерства и их учет в борьбе с коррупцией. Показаны отдельные проблемы, связанные с цифровизацией при взаимодействии частных и государственных институтов общества при борьбе с коррупцией. Особое внимание уделяется социальным, экономическим и законодательным основам борьбы с коррупцией в рамках цифровизации отдельных направлений государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, цифровизация публично-правовых отношений, цифровизация в области противодействия коррупции, цифровая валюта, борьба с коррупцией, антикоррупционное законодательство, конституционные основы борьбы с коррупцией

FIGHTING CORRUPTION AND DIGITALIZATION OF INDIVIDUAL DIRECTIONS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP

Abstract. The article provides a brief analysis of individual areas of digitalization of public-private partnerships and their consideration in the fight against corruption. Individual problems associated with digitalization in the interaction of private and public institutions of society in the fight against corruption are shown. Particular attention is paid to the social, economic and legislative foundations of the fight against corruption in the framework of digitalization of individual areas of public-private partnerships.

Keywords: public-private partnership, digitalization of public-law relations, digitalization in the field of combating corruption, digital currency, fight against corruption, anti-corruption legislation, constitutional foundations of the fight against corruption

Введение. Современный мир показывает, что классические отношения в социуме, облеченные в цифровую оболочку, остаются таковыми в силу объективно созданных изначально существующих условий общества. Последние «предложения» по оптимизации тысячелетней истории развития человечества с учетом научного прогресса и процессов поднятия информационной планки до границ предельного (а иногда и запредельного) уровня их восприятия показывает такое же иногда стремительное отторжение в ряде общественных отношений в сфере публично-правового характера.

Основная часть. Начиная с процессов формирования обществом органов публичной власти (государственного и муниципального уровней), их функционирования, заканчивая вопросами ответственности за различные коррупционные нарушения работников управляющей системы, можно наблюдать разнотемные попытки внедрения цифровых моделей управления в публичной сфере. Вспомним до сих пор не утихающие баталии в области цифровизации выборных процессов в мировом измерении. Целый ряд стран, принявших возможность использования дистанционного голосования, столкнулись впоследствии с попытками повлиять на избирательный процесс посредством тех же интернет-технологий негативного характера (фишинг, трояны и т. д.), отказались от этих новшеств, вернувшись к прежним техническим методам, сохраняющим данные избирателей и принцип тайности голосования от нежелательного воздействия на ход избирательных процедур и их результатов.

До сих пор и в России есть регионы Федерации, которые не внедрили элементы дистанционного голосования, которое может быть подвергнуто взлому и искажению сторонними субъектами в свою пользу. Эти и многие другие явления, свидетельствующие о противодействии реальному и виртуальному подходам в общественном управлении, заставляют глубоко задуматься о дальнейших поисках необходимого «водораздела» возможностей человечества в построении отношений с учетом информационно-технического прогресса последних десятилетий. Как справедливо и точно замечает Я. И. Гилинский: «Одна из характеристик общества постмодерна – неопределенность... Если максимально коротко, речь идет

о постоянном ускорении циклов, этапов развития человечества. В период постмодерна (пост-постмодерна) изменения столь быстры, что где-то к 2035 году «кривая» развития может встать «вертикально» с непредсказуемыми последствиями. А прогресс станет недоступен для человеческого понимания – настолько высокими будут его темпы развития. В значительной степени это связывают с появлением искусственного интеллекта. Мы уже живем в периоде (растянутой, длящейся «точке») бифуркации, когда принципиально невозможно предсказать, «что будет дальше» [2. С.12–14].

Законотворчество и правоприменение, идя в тысячелетнем тандеме реакции на стремительное и бурное развитие различных объективно-субъективных процессов, в том числе связанных с цифровизацией современного социума, постоянно должны реагировать на своем уровне на всякого рода позитивные и негативные изменения в общественных отношениях. Будучи диалектически неотъемлемым институтом человечества на протяжении тысячелетий, антикоррупционная политика современности показывает, что включение цифровых технологий в институты публичного управления, несомненно, воспринимает формулировки правотворчества о правилах поведения граждан и организаций и ответственности за коррупционные нарушения. Мировой фон коррупционных отношений показывает, как деградирующие публично-правовые аппараты управления обществом приводят к созданию условий дальнейшего морально-материального падения уровня социума в целом на перспективу. Цифровые процессы и информационные подходы освещения данных событий лучше показывают это явление. Так, в частности, рост государственного долга США до 35 триллионов долларов летом 2024 года эксперты связывают в том числе с рядом федеральных программ, оказавшихся более дорогостоящими из-за мошенничества и злоупотреблений [6].

Одним из перспективных в плане выстраивания предупредительных направлений антикоррупционных барьеров является развитие института государственно-частного партнерства в Российской Федерации. Напомним, что, согласно ст. 3 Федерального закона «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в соответствии с настоящим Федеральным законом в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества. Как видно из этого определения речь, в основном, идет о привлечении в экономику дополнительных материальных ресурсов, требующих управления со стороны лиц, обладающих административно-хозяйственными полномочиями.

В современной России, как подчеркнул Президент РФ В. В. Путин, выступая на пленарной сессии Восточного экономического форума 2024 года: «сегодня в рамках государственно-частного партнерства по всей стране строятся школы,

аэропорты, мосты, автомобильные трассы, обновляется городской транспорт. Однако объем ГЧП-проектов – 4,4 трлн руб. – пока относительно невелик. Чтобы более интенсивно развивать эту сферу, нужно улучшать профильное законодательство, а также сам механизм работы государственно-частного партнерства, делать так, чтобы риски для всех сторон: и органов власти, и бизнеса – были прозрачны и распределялись справедливо, в том числе при реализации общественно важных проектов» [1]. Однако и эти, указанные Президентом РФ, суммы достаточно велики на фоне коррупционных современных скандалов, происходящих в различных министерствах и ведомствах.

В ст. 4 вышеуказанного Закона сказано, что «государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство в Российской Федерации основаны на следующих принципах:

- 1) открытость и доступность информации о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве, за исключением сведений, составляющих государственную тайну и иную охраняемую законом тайну;
- 2) обеспечение конкуренции;
- 3) отсутствие дискриминации, равноправие сторон соглашения и равенство их перед законом;
- 4) добросовестное исполнение сторонами соглашения обязательств по соглашению;
- 5) справедливое распределение рисков и обязательств между сторонами соглашения;
- 6) свобода заключения соглашения».

Положения данного Закона согласуются с общими принципами противодействия коррупции, учитывающих возможную цифровизацию государственно-частного и муниципально-частного партнерства. В частности, Федеральный закон от 25.12.2008 «О противодействии коррупции» [1], содержит положение в ст.3 о публичности и открытости деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в Российской Федерации, поскольку сама концепция применения информационных технологий, изначально призвана укрепить информативность и прозрачность функционирования аппаратов управления государственного и муниципального уровней.

Открытость и прозрачность стадий государственно-частного партнерства и муниципально-частного партнерства должны сопровождать участников на протяжении всего процесса, начиная от стадии отбора участников до стадии окончания реализуемого совместного проекта. Авторы приводят примеры возможных форм регулирования поведения участников государственно-частного партнерства (ГЧП) с целью предупреждения, в частности конфликта интересов как одной из форм условий коррупции: «согласно австралийскому законодательству, ГЧП пользуется неквалифицированным правом на раскрытие конфиденциальной информации и, наоборот, правом на раскрытие квалифицированной информации. На Кипре арбитраж не практикуется и роль компетентных органов выполняют окружные суды (Caperchione et al., 2017).

По законам Кореи, к нарушениям добросовестной конкуренции относятся дискриминация и злоупотребление преимущественным положением; ложная, обманная или вводящая в заблуждение реклама. Законодательство Малайзии ввело

меры по ускорению процесса утверждения проектов ГЧП, в результате чего сроки такого утверждения сократились до 8–10 месяцев. Эти положения применяются к тем инвестиционным проектам, которые были признаны особо важными Комитетом по политике ЕЭС и требуют рассмотрения перед утверждением. В соответствии с китайским законодательством, создание ГЧП включает в себя четыре основных этапа: получение согласия Китайской международной трастовой и инвестиционной корпорации; согласование правовой базы совместного предприятия; получение разрешения Комиссии по иностранным инвестициям КНР; регистрация в Главном управлении промышленности и торговли». Так, в данном случае положительную роль должны сыграть экспертные системы, содержащие модули с использованием искусственного интеллекта, проводящие отбор и отсеивание на предварительной стадии потенциальных участников проектов рассматриваемых форм партнерств [5].

Заключение. Как можно заметить, все возможные формы существования государственно-частного партнерства могут и будут облечены в цифровой формат – последние достижения и внесение этих институтов в законодательство очевидный факт. Поэтому уже сейчас, не дожидаясь наступления будущего, важно прогнозно в экспертном сообществе выработать концептуальную модель, предусматривающую антикоррупционные модули, способствующие предупреждению коррупции в таком важном экономическом вопросе, существующем в событии мирового уровня как совместная реализация социально-экономических проектов с участием различных субъектов.

Список литературы

1. ВЭБ.РФ станет обязательным участником государственно-частного партнерства. – URL: <https://expert.ru/news/veb-rf-stanet-obyazatelnyim-uchastnikom-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva> (дата обращения: 07.09.2024).
2. Гишинский Я. И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Аллетейя, 2022. – С. 12–14.
3. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2024. № 224 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660 (дата обращения: 28.08.2024).
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/9c25ae5432dd35c13bb140322c13ccc304cc10cf (дата обращения: 07.09.2024).
5. Molintas D. T. Public-Private Partnership Agreement in the Context of the Matrix for Assessing their Legal Parameters and Digitalization // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 2. – Р.430–449. [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.22> (дата обращения: 02.09.2024).
6. Rapoport A. U.S. National Debt Tops \$35 Trillion for First Time. The New York Times. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2024/07/29/us/politics/national-debt-35-trillion.html> (дата обращения: 07.09.2024).

И. В. Шахновская,
кандидат юридических наук, доцент,
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье исследуется понятие «цифровизации», акцентируется внимание на хаотичном исследовании цифровой среды в современный период. Рассматривается понятие общественного строя с учетом перехода к информационному обществу, определяется понятие цифровизации как основной черты общественного строя. Выделяются особенности информационного общества, цифровой среды, новых субъектов правоотношений электронной демократии, проведению государственной информационной политики как признаков общественного строя, обусловленных цифровизацией.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая среда, электронная демократия, информационная политика, цифровая личность, информатизация

DIGITALIZATION AS A CHARACTERISTIC FEATURE OF THE SOCIAL SYSTEM AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF SOCIETY AND THE STATE

Abstract. The article explores the concept of “digitalization” and focuses on the chaotic study of the digital environment in the modern period. The author examines the concept of social system, taking into account the transition to an information society, and defines the concept of digitalization as the main feature of the social system. The features of the information society, the digital environment, new subjects of legal relations of electronic democracy, and the implementation of state information policy as signs of the social system caused by digitalization are highlighted.

Key words: digitalization, digital environment, electronic democracy, information policy, digital personality, informatization

Одной из значимых особенностей при характеристике общественного строя является его цифровизация.

В настоящее время ученым присуще хаотичное исследование отдельных аспектов цифровой среды (цифровизация экономики, криптовалюта, цифровая личность, цифровой суверенитет, цифровое право, цифровое государство и др.) с одновременным уходом, «оставлением за гранью исследования» комплексного понимания единого и целого понятия цифровой реальности, ее происхождения, поиск теории становления, выделение особенностей, пределов правового регулирования и др.

Зачастую среди ученых можно встретить синонимию понятий «цифровизация» и «информатизация». Здесь стоит отметить свою солидарность с теми авторами, которые отмечают включенность процесса цифровизации в процесс инфор-

матизации [5. С. 98]. Действительно, информатизация более широкое понятие, поскольку включает в себя хранение, передачу и обработку информации в различных формах (как цифровых, так и аналоговых).

В правовом аспекте все чаще с понятием цифровизации связывают создание новой цифровой реальности (А. А. Карцхия), реализация широкого комплекса экономических, управленческих, социальных процессов, основанных на использовании цифровых технологий во всех сферах общественных отношений (Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко). Безусловно, цифровизация представляет проблемное поле для исследования со стороны различных наук, носит междисциплинарный характер. В данном направлении весьма рознятся европейские подходы и исследования российских ученых. Первые из них отдают предпочтение использованию понятия «цифровизация в праве» [1], в то время как российские исследователи оперируют понятием «цифровизация права» [11. С. 257]. Учеными исследуются этико-правовые модели взаимоотношений общества с технологией искусственного интеллекта [15] и вопросы цифрового суверенитета [16]. О соотношении этих терминов и пределах цифровизации права автором было ранее проведено отдельное исследование [17].

В юридическом ключе цифровизацию стоит рассматривать и как признак (характерную черту) общественного строя. Создание новой цифровой реальности обуславливает необходимость переосмысления характеристик общественного строя. В частности:

1. В условиях внедрения цифровых технологий информация приобретает статус основного стратегического ресурса в государстве. Распространение информации все чаще происходит цифровым путем (как следующий этап аналоговой передачи, но не полностью его замещающий).

2. Появление новых субъектов правоотношений, правовой статус которых нуждается в правовом регулировании (цифровая личность, информационное общество, инициативные группы в сети Интернет и др.). Особая роль в исследовании их правосубъектности должна принадлежать конституционно-правовой науке как основополагающей базовой отрасли права.

Цифровая личность как субъект правоотношений все чаще становится предметом исследований ученых-юристов, а также представителей других наук (интернет-лингвистика, лингвистика, социология, психология, право и др.).

3. Политическая система современного общественного строя рассматривается все чаще сквозь призму «электронной демократии». Среди имеющихся научных исследований в области конституционного права большой вес занимают те из них, предметом исследования в которых выступает «электронная демократия». Согласно подходу М. С. Абламейко под электронной демократией понимается динамический процесс, сущность которого заключается в постоянном усовершенствовании связи между органами государственной власти и гражданами с использованием информационных технологий [2. С. 55].

Можно предложить выделение следующих признаков электронной демократии, к числу которых относятся следующие:

- смена положения граждан в сторону наделения их статусом субъекта управления наравне с государством;

- обеспечение доступа населения к принятию решений в сфере управления делами общества и государства должно быть на каждом уровне государственного управления;
- создание должного правового регулирования механизмов электронной демократии;
- обеспечение технических возможностей для всего населения (преодоление цифрового разрыва).

4. При реализации внутренней политики в государстве большое внимание уделяется информационной политике. Государственное регулирование в цифровой сфере в Республике Беларусь представлено обширным перечнем государственных органов.

Особенности современного общественного строя обусловлены также появлением новой цифровой среды.

Онтология цифровой среды понимается сквозь призму различных аспектов:

1. Концептуализация цифровой реальности и ее отдельных сфер;
2. Структурирование цифровой среды;
3. Научное учение о бытии и формах бытия цифровой среды (философский подход).

Отдельными социологами ставился вопрос о переосмыслении сущности и происхождения цифровой среды, об ее отличительных чертах, об осознании новой реальности (О. А. Гримов, Д. В. Винник, М. М. Соколов). Интересным для исследования видится постановка вопроса О. А. Гримовым относительно необходимости «атомизации» цифровой реальности в контексте изучения ее онтологии на такие части, как цифровое право, цифровая экономика, цифровые технологии и т. д. [4. С. 43]. Г. А. Гаджиев справедливо писал по этому поводу следующее: «правовая реальность и реальность права – это самостоятельные категории. Понятие «реальности» намного шире понятия «права» [3. С. 123].

Онтология цифровой среды становилась предметом исследования и ученых-юристов (И. В. Понкин, А. И. Редькина). В частности, И. В. Понкин изучает отдельные аспекты онтологии цифрового правового пространства как части цифровой среды в целом. Результатом его исследования стало обоснование существования двух форм цифрового правового пространства (активного и пассивного), а также разработка отдельных авторских идей в области онто-инженерии в праве [12].

Одной из задач для юристов, по мнению Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора, является придание правовой формы для цифровой реальности [14. С. 96]. Очевидно, что на первый план выходит не регулирование процесса внедрения цифровых технологий (здесь имеется много технических решений, стандартов), а правовая регламентация тех последствий, которые становятся результатом такого внедрения, их воздействия на государственное управление, на развитие общества, на права человека.

Под цифровой средой необходимо понимать новую форму существования и деятельности человека, основанную на новом типе складывающихся общественных отношений, представленной в виде виртуальной реальности (совокупности виртуальных реальностей).

2. Особенности осуществления государственного контроля. Как и прежде, лишь определенная часть общественного строя подлежит правовому регулированию (именуемая основами общественного строя). В то же время эта часть значительно сужается по причине специфики цифровой среды, в которой зачастую сложно определить субъектный состав участников отношений, сложностью реализации идеи «суверенного Интернета» (по регулированию национального сегмента), «стиранием» территориальных границ цифровой реальности и т. д.

Сложность государственного контроля обусловлена также существованием значимой части норм, программных кодов, которые носят характер саморегулирования (смарт-контракты). Так, по законодательству Республики Беларусь лицо, совершившее сделку с использованием смарт-контракта, считается надлежащим образом осведомленным о ее условиях, в том числе выраженных программным кодом, пока не доказано иное (п. 5.3 Декрета Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. № 8) [7, 8]. Таким образом, роль государства в регулировании условий совершения сделки снижается с одновременным возложением ответственности за их соблюдение (предусмотренные программным кодом) на стороны по сделке.

3. Нормальное функционирование общественного строя должно опираться на систему информационной безопасности.

Необходимость обеспечения информационной безопасности легла в основу становления и развития идеи информационного суверенитета государства. Под информационным суверенитетом цифрового государства следует понимать независимость, полноту и верховенство государственной власти в информационной сфере. Информационный суверенитет является разновидностью государственного суверенитета. При этом, данные понятия неделимы, суверенитет в целом выступает единым целостным конституционно-правовым институтом.

Вместе с изменением основных сфер общественных отношений трансформация коснулась и правового статуса личности, способов реализации прав и свобод, создания новых механизмов защиты прав человека. Это стало основанием появления «нового суверена» - личности в цифровой среде (концепция цифрового суверенитета личности).

Заключение. Таким образом, цифровизация представляет собой характеристику общественного строя, под которым в современный период понимается организация общества, характеризующаяся внедрением цифровых технологий в различные сферы общественных отношений, а также особым типом взаимоотношений между людьми. К числу особенностей общественного строя относятся: информационное общество, появление цифровой среды, становление новых субъектов правоотношений, функционирование электронной демократии, проведение государственной информационной политики, особая форма государственного контроля с одновременным присутствием алгоритмов саморегулирования.

Список литературы

1. Radvan M. Guest Editor's Note on Digitalization in Law // BRICS Law Journal. 2020. № 7(2). Pp. 5–9.

2. Абламейко М. С., Игун Л., Артемьев С. Ю. Электронное правительство как основа построения электронной демократии: правовые основы // Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 25. Минск, 2014. С. 54–68.
3. Гаджиев Г. А. Онтология права: Критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма ИНФРА-М, 2013. 320 с.
4. Гримов О. А. Сложность. Разум // Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50.
5. Информационное право: учебник / под ред. С. Е. Чаннова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 448 с.
6. О наделении полномочиями на составление протоколов об административных правонарушениях, подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению: Приказ Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, 5 февраля 2021 г. № 22: в ред. Приказа от 29 декабря 2022 г. № 210 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Республики Беларусь, 21 декабря 2017 г. № 8: в ред. Декрета от 18 марта 2021 г. № 1 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.
8. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь: Решение Конституционного Суда Республики Беларусь, 10 марта 2022 г. № Р-1303/2022 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
9. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь, 10 ноября 2008 г. № 455-З: в ред. Закона от 10 октября 2022 г. № 209-З [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
10. Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации: Указ Президента Республики Беларусь, 7 апреля 2022 г. № 136 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
11. Овчинников А. И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 257–261.
12. Понкин И. В., Редькина А. И. Цифровые онтологии права и цифровое правовое пространство // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 24–37.
13. Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года. В резолюции приведены рекомендации для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике (2015/2013(INL)) [Электронный ресурс] // Robotrends. – Режим доступа: https://robotrends.ru/images/1725/66137/201706722_Resolution_and_Charter_EU_RobotTrendsru.pdf (дата доступа: 08.09.2024).
14. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
15. Шахновская И. В. Юридические аспекты цифровизации права // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2023. № 3. С. 106–109.

Р. С. Юнусова,

кандидат социологических наук, доцент,
Казанский инновационный университет
имени В. Г. Тимирязова

А. Н. Данилова,
студент,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

ЦИФРОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Аннотация. Статья посвящена анализу цифрового потенциала одного из перспективных регионов России – Республики Татарстан, а также исследованию проблемных аспектов функционирования системы правового регулирования цифрового развития государственного управления в республике. Подчеркивается, что цифровизация государственного управления в Татарстане демонстрирует перспективную модель, однако для решения проблем, тормозящих развитие цифрового пространства, требуется учет специфики региональной правовой системы и совершенствование правовой базы.

Ключевые слова: государственное управление, цифровизация, цифровой потенциал, правовое регулирование, цифровое развитие, информационные системы, цифровая трансформация, правовая концепция

DIGITAL POTENTIAL AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL DEVELOPMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract. The article is devoted to the analysis of the digital potential of one of the promising regions of Russia – the Republic of Tatarstan, as well as to the study of problematic aspects of the functioning of the system of legal regulation of digital development of public administration in the republic. The authors emphasize that the digitalization of public administration in Tatarstan demonstrates a promising model, however, in order to solve the problems hindering the development of the digital space, it is necessary to take into account the specifics of the regional legal system and improve the legal framework.

Keywords: public administration, digitalization, digital potential, legal regulation, digital development, information systems, digital transformation, legal concept

Введение. Цифровизация государственного управления – это глобальный тренд, который активно реализуется во многих странах мира, в том числе и в России. Республика Татарстан является одним из российских регионов-лидеров в сфере цифровизации, демонстрируя высокие показатели цифровизации госуслуг и электронного взаимодействия с населением.

Основная часть. Республика Татарстан демонстрирует впечатляющие достижения в сфере цифровизации, становясь образцом для других регионов России. Уровень проникновения цифровых технологий в экономику республики уже достиг 95%, что является одним из лучших показателей в стране. Об этом сообщил на заседании коллегии Министерства цифрового развития республики вице-премьер РФ Дмитрий Чернышенко [5].

Татарстан стал первым регионом, где все государственные услуги доступны в электронном виде. По подсчетам Минцифры республики, это позволило жителям республики за 10 месяцев 2023 года сэкономили 38 млн часов и более 16 млрд рублей, что в среднем составляет 6 тыс. руб. на человека [4].

Самыми востребованными цифровыми госуслугами стали запись на прием к врачу (более 10 млн обращений) и подача показателей счетчиков ЖКХ (более 4 млн обращений) [4].

Параллельно с развитием электронных государственных услуг, в Татарстане активно развивается IT-индустрия. Первый IT-парк в Казани был открыт в 2009 году, а в 2022 году открылся новый технопарк им. Башира Рамеева, рассчитанный на 3000 рабочих мест. Сегодня муниципальные IT-площадки функционируют в восьми районах республики, и в скором времени они появятся во всех районах [4].

IT-парк Казани демонстрирует стабильный рост: заполняемость его площадей достигла 92,4%, а число резидентов увеличилось на 50 новых IT-компаний. Особое внимание уделяется развитию стартап-сообщества. Стартап Хаб IT-парка имени Башира Рамеева предоставляет молодым предпринимателям платформу для развития проектов в сфере IT, предлагая удобные рабочие пространства и поддержку [4]. Техническая, деловая и бизнес-инфраструктура технопарка в Казани создает платформу для комплексного развития и поддержания стартап-проектов и IT-компаний на всех стадиях развития: от идеи до внедрения конечного высокотехнологичного продукта на рынок.

О высоком цифровом потенциале республики свидетельствует то, что техническая возможность пользоваться скоростным интернетом есть у 97% татарстанцев. Это больше, чем в целом по стране на 24%. В республике реализуется федеральный проект устранения цифрового неравенства – ПАО «Ростелеком» обеспечивает мобильной связью и Интернетом сельские населенные пункты с численностью населения от 100 до 500 жителей. В 2023 году базовые станции установлены в 77 населенных пунктах Татарстана [4].

Республика Татарстан, активно внедряя цифровые технологии в сферу государственного управления, стремится к созданию более эффективной и прозрачной системы взаимодействия с гражданами. Так половина татарстанцев осуществляют цифровой контакт с органами государственной и муниципальной власти или социальными службами с целью оплаты услуг и задолженностей; более трети (36%) – с целью подачи документов или заявлений онлайн и чуть менее трети (32%) – для получения дополнительной или контактной информации [6. С. 126].

Министерство цифрового развития государственного управления, информационных технологий и связи Республики Татарстан (Минцифры РТ) – ключевой игрок в этой трансформации, реализуя множество проектов, от «Портала государственных услуг РТ» (предоставляет доступ к электронным государственным

услугам для граждан) до «Системы межведомственного электронного взаимодействия» (обеспечивает обмен данными между государственными органами, сокращая бюрократические процедуры и повышая эффективность работы). Эти инициативы уже приносят ощутимую пользу: увеличивают доступность услуг, ускоряют процессы, повышают прозрачность и даже снижают коррупцию, расширяют возможности бизнеса [8].

В основе системы правового регулирования цифрового развития государственного управления в Республике Татарстан лежат как федеральные законы, так и региональное законодательство. Федеральная правовая база представляет общий каркас для регулирования информационных технологий и защиты персональных данных. Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№149-ФЗ от 27.07.2006 г.) устанавливает принципы информационной безопасности, регулирует электронный документооборот [1]. Закон «О персональных данных» (№152-ФЗ от 27.07.2006 г.) определяет правила обработки и защиты персональной информации [2].

Региональная правовая база дополняет и конкретизирует федеральное законодательство [7], учитывая специфику Татарстана. «Закон Республики Татарстан «Об информационных системах и информатизации в Республике Татарстан» (№58-ЗРТ от 13.11.2007 г.) закрепляет основы развития информационных технологий в республике, а «Концепция цифровой трансформации Республики Татарстан на период до 2030 года» очерчивает вектор развития цифровизации в различных сферах, включая государственное управление [3].

Необходимо отметить, что цифровизация государственного управления в Татарстане демонстрирует перспективную модель, однако существующая правовая база нуждается в доработке с учетом специфики региональной правовой системы. Правовое совершенствование, прежде всего, должно коснуться проблемы неправомерного использования персональных данных. Повышенный спрос на цифровые данные, требует реализации правовых мер, направленных на их защиту. В частности, особой защиты требуют персональные цифровые данные граждан России. Каждый второй из пользователей готов предоставлять какую-либо личную информацию, если понимает цели ее использования и разделяет их важность, при этом лишь пятая часть пользуются программами, которые ограничивают возможность отслеживать действия в сети.

Усиление законодательных норм позволит отчасти гарантировать конфиденциальность информации, собираемой в рамках цифровых проектов, и активизировать механизмы ответственности за нарушение принципов цифровой этики.

В качестве проблемных точек также можно выделить:

- дефицит квалифицированных кадров. Для успешной реализации цифровых проектов требуется подготовка специалистов в сфере информационных технологий. Необходимо развивать образовательные программы, направленные на повышение уровня цифровых компетенций как государственных служащих, так и граждан;

- слабая интегрированность различных государственных информационных систем, реализующих задачи отдельных ведомств [6. С.127]. Требуется разработка единой системы стандартов и технических регламентов для обеспечения совместимости информационных систем различных ведомств;

– кибератаки, которые представляют не только угрозу для информационных систем государства, но также могут повлечь за собой нарушение работы государственных структур [8].

Ключевым инструментом решения проблем цифрового развития является, на наш взгляд, правовой. Большинство исследователей вопросов цифровизации говорят о необходимости разработки единой концепции правового регулирования цифрового развития госуправления, которая учтет специфику региона и передовой опыт и будет способствовать усилению правовой базы, гарантирующей конфиденциальность и безопасность информации, собираемой в рамках цифровых систем.

Заключение. В заключении отметим, что цифровизация государства – это важный и перспективный процесс, требующий внимательного правового регулирования. Устранение существующих проблем цифрового развития через улучшение и адаптацию законодательной базы позволит реализовать лучшие практики, создать эффективные условия для развития цифрового управления и повысить качество предоставления государственных услуг в Республике Татарстан.

Список литературы

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3448.
2. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.
3. Об информационных системах и информатизации в Республике Татарстан: Закон Республики Татарстан от 13 ноября 2007 г. № 58-ЗРТ // Ватаным Татарстан. 2007. № 234.
4. Татарстан - лидер по цифровой трансформации России [Электронный ресурс]. – URL: <https://tatarstan.top/achievement/tatarstan-liderom-po-tsifrovoy-transformatsii-v-rossii/?ysclid=m1epkuzvn5711977919> (дата обращения: 18.09.2024).
5. Дмитрий Чернышенко: Татарстан – среди регионов-лидеров по льготной ипотеке для сотрудников ИТ-компаний // Сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/news/50663/> (дата обращения: 18.09.2024).
6. Юнусова Р. С., Гараева Р. С. Проблемные аспекты цифровой трансформации Республики Татарстан // Цифровая трансформация как вектор устойчивого развития: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Познание, 2023. – С. 124–129.
7. Залоило М. В. Понятие и формы конкретизации юридических норм. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 20 с.
8. Минич С. А. Совершенствование системы обязательных требований, предъявляемых к бизнесу в условиях цифрового преобразования экономики // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т.1, № 3. С. 775–802. EDN: ibfbaq

М. В. Яковлев,
доктор политических наук, профессор,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

ОТСЛЕЖИВАНИЕ В ИНТЕРНЕТЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН

Аннотация. В исследовании на практических материалах обосновывается необходимость создания нормативных правовых актов, регулирующих отслеживание и контроль пользователей в Интернете. В статье указывается на риски безответственного и законодательно не ограниченного использования интеллектуальных технических систем. Отмечается, что только последовательная и полноценная защита прав и свобод граждан в Интернете позволит обеспечить социально-политическое и экономическое развитие, обеспечить общественную и государственную безопасность.

Ключевые слова: гражданские права и свободы, Интернет, отслеживание, право, цифровые технологии, цифровое право

ONLINE TRACKING OF RIGHTS AND FREEDOM OF CITIZENS

Abstract. The study, using practical materials, substantiates the need to create regulatory legal acts that strictly regulate the tracking and control of users on the Internet, points out the risks of irresponsible and legally unlimited use of intelligent technical systems, and concludes that only consistent and full protection of the rights and freedoms of citizens on the Internet will ensure socio-political and economic development, and ensure public and state security.

Keywords: civil rights and liberties, the internet, tracking, law, digital technologies, digital law

В ходе цифровой трансформации рядовые граждане столкнулись с новыми системами отслеживания и контроля. Алгоритмы с использованием машинного (глубокого) обучения и искусственные нейронные сети анализируют деятельность пользователей в Интернете и трафик, перлюстрируют переписку, считывают контент, миллионы видеокамер отслеживают передвижение и поведение людей, затем эти данные обрабатываются часто без ведома и согласия граждан в интересах третьих лиц.

Такое положение дел вызывает тревогу и озабоченность правозащитников, академического сообщества, гражданских активистов, лидеров мнений, журналистов-расследователей и др. Распространяется убеждение в том, что стремительная и крупномасштабная реализация программ наблюдения в Сети и в материальной реальности прямо угрожают всем достижениям в области прав человека [1, 2, 3]. Одним из основных условий для возрастания этого риска является либо отсутствие законодательной базы, регулирующей деятельность в сфере отслеживания и контроля, либо преднамеренное умаление гражданских прав и свобод в такой законодательной базе. Бесконтрольное и безответственное применение интеллектуальных технических систем порождает новые способы ущемления гражданских

прав и свобод, порождает цифровой авторитаризм (digital authoritarianism), сетевой авторитаризм (networked authoritarianism). Набирает популярность в современном цифровом мире концепция «умного» города [4]. Например, в Москве в период распространения новой коронавирусной инфекции произошел ряд крупных нарушений, связанных с обработкой персональных данных, приватностью, конфиденциальностью граждан, отмеченный многими нарушениями ход осуществления проекта «Умный город – 2030» привлек внимание общественности и т. д. Такой правовой произвол разрушает общество и подрывает основы государства.

Для предотвращения нарушений и эффективной защиты гражданских прав и свобод в российском сегменте Интернета требуется создание нормативных правовых актов наподобие Регламента об искусственном интеллекте, который 21.04.2021 был предложен Европейской комиссией, 13.05.2024 принят Европейским парламентом, 21.05.2024 одобрен Советом Европейского Союза. Этот прогрессивный акт распространяется почти на все (за исключением военной) отрасли и строго регулирует применение всех видов ИИ всеми их поставщиками и всеми использующими его организациями. Например, в нем фиксируется, что полиция может получить запись с камер видеонаблюдения и применить алгоритм распознавания лиц только по решению суда.

Только последовательная и полноценная защита прав и свобод граждан в Интернете позволит обеспечить социально-политическое и экономическое развитие, обеспечить общественную и государственную безопасность. Бесконтрольное и законодательно неограниченное использование систем слежения в долгосрочной перспективе приведет к деградации общества и права.

Список литературы

1. Clarke R. Risks inherent in the digital surveillance economy: A research agenda // *Journal of Information Technology*. 2019. № 34(1). P. 59–80.
2. Westerlund M., Isabelle D., Leminen S. The Acceptance of Digital Surveillance in an Age of Big Data // *Technology Innovation Management Review*. 2021. Vol. 11, Issue 3. P. 32–44.
3. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // *Журнал российского права*. 2014. №. 5 (209). С. 140–145.
4. Тихалева Е. Ю. «Умные города»: правовое регулирование и потенциал развития // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2023. № 1(3). С.803–824. EDN: djkvsd